

УДК 327
ББК 66.4
П 26

*Рекомендовано к печати Ученым Советом
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте РК*

Редакционная коллегия:

Б.К. Султанов, Г.И. Чуфрин (ответственные редакторы),
Л.М. Музапарова, М.А. Абишева, Б.А. Ауелбаев
Н.Б. Сейдин (ответственный за выпуск)

П 26 **Перспективы сотрудничества Казахстана и России в новых геополитических условиях:** материалы 4-й двусторонней международной научно-практической конференции КИСИ–ИМЭМО (г. Москва, 9 апреля 2009 г.) / Отв. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2009. – 208 с.

ISBN 9965-458-93-6

Казахстанско-российские взаимоотношения в своем развитии являются самыми динамичными на пространстве Содружества. Конструктивный характер сотрудничества двух стран открывает новые перспективы для обеспечения системы безопасности, укрепления торгово-экономических связей и формирования логистики, а также содействует распространению стабилизирующего влияния на соседние регионы и государства.

Экспертами Казахстана и России при тесном сотрудничестве двух известных аналитических центров – Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК и Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук – был рассмотрен широкий круг проблем в политической, экономической и гуманитарной сферах. Настоящее издание является сборником материалов 4-й двусторонней международной научно-практической конференции КИСИ–ИМЭМО «Перспективы сотрудничества России и Казахстана в новых геополитических условиях», которая состоялась в г. Москве 9 апреля 2009 г.

Издание предназначено для политологов, специалистов-международников, регионоведов, государственных служащих, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также широкого круга читателей, интересующихся современным развитием политико-экономического сотрудничества между Казахстаном и Россией.

П 0802000000
00(05)-09

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 9965-458-93-6

© КИСИ при Президенте РК, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово Г.И. Чуфрина.....	5
Вступительное слово С.К. Кушкумбаева.....	7
Вступительное слово С.А. Николаева.....	9

Секция I

**СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Султанов Б.К. О факторах, тормозящих сотрудничество Казахстана и России	17
Чуфрин Г.И. Новый этап в развитии сотрудничества по вопросам национальной безопасности стран СНГ	22
Кушкумбаев С.К. Казахстанско-российское сотрудничество по обеспечению безопасности в Центральной Азии.....	34
Мальшева Д.Б. Политическая обстановка в Центральной Азии: новые вызовы безопасности	42
Серик Р.С. Современная политика ЕС в рамках программы «Восточное партнерство»	55
Тимофеев Л.А. Взаимоотношения России со странами Южного Кавказа	67

Секция II

**ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУСТОРОННЕГО
И РЕГИОНАЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Михеев В.В. Характер отношений в треугольнике Россия – Китай – Казахстан (фактор кризиса)	75
Башмаков А.А. Казахстанско-российское приграничное сотрудничество: состояние и перспективы	92
Амиров В.Б. Экономическое взаимодействие России и Казахстана в свете промежуточных уроков кризиса	98

Куртов А.А. Новые транспортные проекты и безопасность Каспийского региона.....	104
Гельбрас В. Г. Влияние китайской антикризисной программы на страны Центральной Азии	118
Музапарова Л.М. Казахстанско-российское экономическое сотрудничество: состояние и перспективы	127
Нысанбек У.М. Денежно-кредитная политика в современной экономике.....	135
Изимов Р.Ю. Перспективы транспортного сотрудничества в треугольнике Казахстан – Россия – Китай в контексте модернизации транспортно-коммуникационного комплекса в СУАР КНР	146
Заборцева Е.Н. Зарубежные НИИ и академические подходы к вопросу казахстанско-российских отношений	156

Секция III

ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В ЭНЕРГЕТИКЕ

Симония Н.А. Многовекторная политика Казахстана в области энергетического сотрудничества с Российской Федерацией и Европейским Союзом	164
Крылов А.Б. Проблемы южнокавказского энергетического транзита	173
Рогожина Н.Г. Нефтяной транзит и проблемы экологии.....	183
Быстрова А.К. Освоение нефтяных ресурсов и охрана морской среды Северного Каспия: международно-правовые аспекты	188
Сведения об авторах	200
КЗСИ туралы ақпарат	202
Информация о КИСИ	204
Information about the KazISS	206

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

члена-корреспондента РАН (ИМЭМО РАН)
Г.И. Чуфрина

Уважаемые гости из Казахстана!

Уважаемые коллеги!

Друзья!

Мне выпала большая честь – открыть 4-ю двустороннюю научно-практическую конференцию ИМЭМО–КИСИ. Ее проведение – не просто свидетельство сохранения многолетней традиции регулярных научных контактов между нашими институтами. Без сомнения, это знаменательное событие самим фактом своего проведения подтверждает также глубокую взаимную заинтересованность ученых наших стран в обмене мнениями по наиболее актуальным вопросам двусторонних и международных отношений современности, в том числе, таким, как влияние мирового финансово-экономического кризиса на экономики наших стран, развитие двусторонних торгово-экономических связей, включая сотрудничество по разработке энергоресурсов, а также влияние на национальные интересы наших стран недавних и текущих политических событий, имеющих место на постсоветском пространстве, и быстро меняющейся ситуации в сопредельном Афганистане.

В работе конференции, наряду с сотрудниками казахстанских и российских научно-исследовательских институтов, принимают участие: депутат Сената Парламента Казахстана А.А. Башмаков, ответственный сотрудник Администрации Президента Казахстана Н.М. Сейтимов, а также дипломаты из внешнеполитических ведомств наших стран. Их участие является важным свидетельством того, что повестка конференции и характер включенных в нее вопросов носят отнюдь не узкоакадемический характер, а итоги их обсуждения представляют несомненный практический интерес.

Я уверен, что по результатам предстоящей дискуссии в характерной для наших встреч атмосфере откровенности, конструктивности и доброжелательности будут выработаны конкретные предложения по дальнейшему углублению политических и экономических связей между нашими странами, которые будут направлены в адрес законодательных и исполнительных органов России и Казахстана.

В интересах же широкого читателя, причем не только в наших странах, ИМЭМО и КИСИ планируют публикацию сборника материалов конференции.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

**первого заместителя директора
Казахстанского института
стратегических исследований при Президенте РК
С.К. Кушкумбаева**

Уважаемые участники конференции!

Позвольте от имени Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан приветствовать вас на четвертой казахстанско-российской научно-практической конференции, проводимой совместно с нашим давним партнером – Институтом мировой экономики и международных отношений РАН.

Как известно, отличительными чертами казахстанско-российских отношений являются особая доверительность, стратегическое партнерство и союзничество. Наши страны достигли высокого уровня взаимодействия, реализуя совместно поставленные задачи и цели, спектр которых достаточно обширен и регулярно пополняется.

Обсуждая совместно с нашими российскими партнерами тематику научных мероприятий, мы ощущаем динамизм взаимодействия Казахстана и России, так как, наряду с традиционными вопросами, на повестку дня систематически ставятся новые масштабные задачи. Все это делает перманентный анализ состояния и перспектив многомерных связей двух стран весьма актуальным. Кроме того, мы считаем, что не лишним будет и периодическое возвращение к ранее рассмотренным вопросам – это позволит более полно раскрыть их потенциал.

Таким образом, чем выше становится уровень развития наших отношений, тем более ответственным, разносторонним и предметным должно быть их научно-аналитическое сопровождение. В условиях достижения высокого уровня близости позиций нашим странам важно постоянно осуществлять мониторинг и анализ двух- и многосторонних связей.

Уверен, что в рамках данной конференции казахстанские и российские специалисты смогут конструктивно обменяться

взглядами и подходами к вопросам, вынесенным на повестку дня. Нашу задачу мы видим, как и прежде, в объективном и беспристрастном анализе отношений, – с тем, чтобы они поступательно развивались и крепились.

Позвольте пожелать всем участникам конференции успешной и продуктивной работы!

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

**заместителя директора Третьего департамента
стран СНГ МИД России
С.А. Николаева**

Уважаемые коллеги, друзья!

Прежде всего, позвольте выразить признательность руководству ИМЭМО и КИСИ за любезное приглашение принять участие и выступить на сегодняшней конференции. С удовлетворением вспоминаю заинтересованную и содержательную дискуссию в рамках такого же мероприятия, проходившего в апреле 2007 г.

В МИД России поддержанию контактов с академическим сообществом придают большое значение.

При министре иностранных дел успешно работает Научный совет, в повестку дня заседаний которого включаются наиболее актуальные и требующие экспертного анализа вопросы международной жизни и внешней политики российского государства. Также в МИД регулярно проводятся «круглые столы» с участием отечественных ученых. Одновременно наши дипломаты всегда с удовольствием откликаются на приглашения поучаствовать в различных научных конференциях.

Внимательно следят у нас в министерстве и за развитием зарубежной научной мысли, поэтому нам хорошо знакомы работы ученых КИСИ.

За небольшой по историческим меркам срок российско-казахстанские отношения приобрели такой масштаб и такую глубину, что их состояние и перспективы все активнее обсуждаются как в наших странах, так и за рубежом. С учетом этого чрезвычайно важным для нас всех – и дипломатов, и научных работников – представляется проведение мероприятий, подобных этой конференции, на постоянной основе, позволяющих вести в их рамках живой диалог, обмениваться суждениями и идеями о том, что и как может быть сделано в интересах дальнейшего развития всего комплекса российско-казахстанских связей. Хотелось бы выказать уверенность, что сегодняшний форум приблизит нас к

решению этой задачи, и пожелать всем его участникам успешной работы.

Пользуясь возможностью, хотел бы также поделиться некоторыми соображениями, касающимися тематики конференции.

Российско-казахстанское сотрудничество по праву характеризуется как стратегическое партнерство и союзничество. Важнейшее значение в этом плане имеют политические диалоги на высшем и высоком уровнях, отличающиеся исключительно высокой интенсивностью. Так, в 2007 г. президенты наших стран встретились 8 раз, в 2008 г. – также 8.

С тех пор, как Дмитрий Анатольевич Медведев вступил в должность Президента Российской Федерации, он провел с Президентом Казахстана Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым 7 личных встреч. Это – весьма значимый факт. Он показывает, что и после президентских выборов в России в российско-казахстанских связях на высшем уровне сохранилась преемственность.

Не менее впечатляющей выглядит и периодичность переговоров с участием руководителей правительств. Регулярно встречаются министры иностранных дел наших государств. Все это позволяет с полным основанием утверждать, что казахстанское направление окончательно закрепилось в качестве одного из долгосрочных или, вернее, даже постоянных, незыблемых приоритетов российской внешней политики.

Наряду с этим, напрашивается еще один вывод. Личная приверженность глав государств и правительств двух стран делу укрепления нашего сотрудничества стала системообразующим и цементирующим элементом российско-казахстанских отношений.

Активный, доверительный, и, самое главное, результативный с точки зрения достижения практических договоренностей политический диалог дает импульс постоянному расширению договорно-правовой базы двустороннего сотрудничества. На сегодняшний день между нашими странами действуют более 300 межгосударственных и межправительственных соглашений. Как результат, партнерство двух государств затрагивает буквально все сферы – от недр Каспия до космических высот – и продолжает развиваться по нарастающей.

Богатая палитра российско-казахстанского сотрудничества наглядно отражена в Плане совместных действий России и Казахстана на 2009–2010 годы – стратегическом документе, определяющем первоочередные задачи в двусторонних отношениях. Он был утвержден президентами во время неформального саммита ОДКБ, проходившего в Боровом (Казахстан) 19–21 декабря 2008 г. Это – уже второй подобный план. Первый был успешно выполнен.

Предметом особого внимания являются экономические аспекты взаимодействия. Именно поэтому один из пунктов Плана совместных действий предусматривает разработку долгосрочной (сроком на 10 лет) Программы экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Казахстан с учетом положений Концепции развития России до 2020 года и долгосрочной стратегии развития Казахстана «Казахстан-2030».

Важную координирующую роль играет в экономических делах Межправительственная комиссия по сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Казахстан (МПК), на заседаниях которой рассматриваются практически все направления двустороннего взаимодействия: в сфере ТЭК, транспорта, промышленности и сельского хозяйства, связи, в области инвестиций, защиты окружающей среды и т. д.

В рамках МПК действуют несколько подкомиссий, в том числе по: приграничному сотрудничеству; комплексу «Байконур»; транспорту и военно-техническому сотрудничеству; ТЭК.

В работе российских и казахстанских министерств и ведомств рекомендации и решения МПК служат сегодня своего рода ориентирами, способствующими углублению и совершенствованию сотрудничества наших стран в торгово-экономической и инвестиционной сферах, а также определению совместных задач и шагов на перспективу.

Одной из основных составляющих взаимодействия России и Казахстана, представить отношения между странами без которой уже сложно, является межрегиональное и приграничное сотрудничество. Об этом свидетельствует, в частности, вклад регионов во взаимную торговлю.

Необходимо отметить, что в 2008 г. товарооборот между Россией и Казахстаном вплотную приблизился к психологически

важной отметке в 20 млрд. долл. США. Кстати, увеличение по сравнению с 2007 г. составило более 19%. Так вот: 70% товарооборота приходится на регионы, из них 40% – на приграничные территории.

Традиционным стало проведение форумов руководителей приграничных регионов России и Казахстана с участием глав государств. Очередной, пятый форум состоялся в Актюбинске 22 сентября 2008 г. Участие в нем принимали представители как приграничных регионов, так и регионов, общей границы не имеющих, но активно сотрудничающих друг с другом.

С учетом успешного, а, главное, перспективного опыта межрегионального сотрудничества президентами было принято решение о расширении формата форума и преобразовании его в Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана. Шестой Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана с участием глав государств намечено провести в Оренбурге в сентябре 2009 г.

Во многом благодаря таким мероприятиям торгово-экономические связи с казахстанскими партнерами поддерживают сегодня 76 субъектов Российской Федерации.

Думается, справедливы оценки тех экспертов, которые считают, что в региональном сотрудничестве России и Казахстана скрыты неисчерпаемые резервы для взаимообогащения и созидательного развития. В это сотрудничество непосредственно вовлечены сотни тысяч простых граждан наших государств, которые имеют возможность воочию увидеть и ощутить его результаты на себе. Пожалуй, этот формат взаимодействия является «локомотивом» российско-казахстанской интеграции.

Уж коль скоро прозвучало слово «интеграция», нельзя не отметить, что характерной чертой российско-казахстанских отношений стало взаимодействие в многосторонних форматах. В лексиконе многих политиков и экспертов прочно укоренилось определение тандема России и Казахстана как «ядра» интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Плотные рабочие контакты Россия и Казахстан поддерживают в рамках СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ и ШОС. Сейчас мы находимся на пороге исторического события – в скором времени должен быть создан Таможенный союз России, Казахстана и Белорус-

сии. Впоследствии к нему смогут присоединиться и другие страны. В России полностью разделяют мнение Президента РК Н.А. Назарбаева – о том, что эту структуру необходимо создать как можно скорее.

Не может не вселять оптимизма еще один знаковый факт. В условиях затяжного мирового финансово-экономического кризиса наши страны отнюдь не охладели к интеграции. Напротив, они усилили линию на объединение своих потенциалов. Как говорится в известной пословице: «Одинокое дерево ветер легче валит».

На внеочередном саммите ЕврАзЭС, прошедшем в Москве 4 февраля 2009 г., было принято решение об учреждении в Сообществе Антикризисного фонда. По сути, речь идет о практических шагах, направленных на реализацию целого комплекса совместных мер – в целях минимизации негативного воздействия мирового кризиса на экономики государств – членов ЕврАзЭС. Антикризисный фонд будет обладать средствами в объеме 10 млрд. долл. США. При этом доля России будет составлять 7,5 млрд. долл., а Казахстана – 1 млрд. долл. Средства Антикризисного фонда предназначены для предоставления государствам-участникам суверенных займов, стабилизационных кредитов, а также для финансирования межгосударственных инвестиционных проектов.

Активная работа ведется и на другом интеграционном участке. Мы близки к созданию Коллективных сил оперативного реагирования, которые существенно повысят эффективность деятельности ОДКБ. Особенно это касается кризисного реагирования и согласованных действий в рамках борьбы с вызовами и угрозами безопасности государств – членов Организации, а также ее миротворческого потенциала.

В повестку дня российско-казахстанских переговоров вопросы безопасности включаются регулярно. Большое внимание уделяется дестабилизирующему воздействию на обстановку в Центральноазиатском регионе афганского фактора.

Понимая всю сложность ситуации – как в самом Афганистане, так и вокруг него, в том числе в Пакистане – Россия и Казахстан участвуют в транзите невоенных грузов НАТО, предназначенных для нужд Международных сил содействия безопасности в

Афганистане (МССБ). В начале марта была отправлена первая партия таких грузов, и наши таможенные и пограничные службы сработали четко и слаженно.

Большое значение для противодействия афганской наркоугрозе имеет проведение под эгидой ОДКБ ежегодной антинаркотической операции «Канал».

Есть и иной аспект безопасности, к которому Россия и Казахстан имеют непосредственное отношение. Это – энергетика. В своей книге «Казахстанский путь» Н.А. Назарбаев вспоминает афоризм: «У войны всегда запах нефти». Россия и Казахстан ведут свою политику таким образом, чтобы «запах нефти» ассоциировался не с войной, а с экономическим развитием – и не только наших стран, ведь вопросы энергетической безопасности сегодня как никогда актуальны для всего мирового сообщества.

Как вы помните, решение энергетической проблемы в глобальном масштабе было «краеугольным камнем» российского председательства в «Группе восьми». Такая задача была сформулирована В.В. Путиным, занимавшим в то время пост Президента России, на саммите «восьмерки», проходившем в Санкт-Петербурге, участие в котором принимал и Президент Казахстана Н.А. Назарбаев.

В настоящее время через территорию России на европейские и мировые рынки поступает львиная доля казахстанских углеводородов. В наших общих планах – расширение мощностей нефтепровода Атырау – Самара и Каспийского трубопроводного консорциума.

Важной мерой, направленной на удовлетворение возрастающего спроса на энергоресурсы, станет строительство Прикаспийского газопровода. Трехстороннее межправительственное соглашение с целью реализации этого крупного проекта Россией, Казахстаном и Туркменистаном уже подписано.

Высокий уровень двусторонних отношений и участие наших стран в различных интеграционных объединениях логично дополняется все более тесной координацией действий на международной арене. Практически по всем важнейшим вопросам, стоящим перед мировым сообществом, подходы России и Казахстана близки или совпадают.

В России с удовлетворением отмечают рост авторитета Казахстана в мире. К мнению Астаны прислушиваются в ООН и ОИК, других международных организациях. Поэтому представляется закономерным, что в 2010 г. Казахстан будет председательствовать в ОБСЕ. Как известно, Россия последовательно и аргументированно поддерживала казахстанскую заявку на пост действующего председателя этой важной общеевропейской структуры.

Показательно, что именно наши страны активно содействуют развитию межкультурного и межконфессионального диалога. Во многом взаимодополняющими видятся идея России создать Консультативный совет по делам религий при ООН и регулярное проведение в Астане съездов мировых религий. Способствует диалогу цивилизаций и формат Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, инициатором которого выступил Президент Казахстана.

Невозможно оставить в стороне тему космоса. Находящийся на территории Казахстана арендуемый Россией уникальный космодром «Байконур» – не просто богатство, доставшееся в наследство с советских времен. Для наших стран это своего рода мост в будущее, продвигаясь по которому, российско-казахстанское сотрудничество будет прирастать новыми высокотехнологичными проектами.

В январе 2004 г. в Астане президенты России и Казахстана приняли решение о продлении срока аренды космодрома до 2050 г. Уже в ближайшей перспективе будут осуществлены масштабные и важные для обеих стран планы. Среди них – полет в космос третьего после Токтара Аубакирова и Талгата Мусабаева казахстанского космонавта и совместная работа над созданием ракетно-космического комплекса «Байтерек».

Бесспорно, отношения между Россией и Казахстаном не безоблачны. Есть, разумеется, и трудности, и вопросы, над решением которых еще предстоит напряженно работать. И это естественно – имея такой, без преувеличения, гигантский спектр сотрудничества, обойтись без проблем просто невозможно. Тем не менее – как неоднократно подчеркивали наши президенты – любые проблемы мы решаем, находя ту «золотую середину», которая устраивает обе стороны. И если, покидая стол перегово-

воров, мы испытываем некоторую горечь, то лишь оттого, что расстаемся – пусть на короткое время – с хорошими друзьями и надежными партнерами.

Такой подход к российско-казахстанским отношениям оправдан, прежде всего, с исторической точки зрения. Духовная близость наших народов, тысячи невидимых нитей, связывающих людей из разных уголков России и Казахстана, – все это налагает на нас особую ответственность перед будущими поколениями, направляет на путь интеграции. Для наших стран – это самый короткий и естественный путь, ведущий к достижению гармонии интересов, взаимопонимания и процветания.

**Секция I
СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

**О ФАКТОРАХ, ТОРМОЗЯЩИХ
СОТРУДНИЧЕСТВО КАЗАХСТАНА И РОССИИ**

Б.К. Султанов

Все 18 лет, прошедшие после распада СССР, Казахстан выступал и выступает за совместное с новыми независимыми государствами решение экономических, политических и социальных проблем на взаимовыгодных условиях, предлагая различные формы межгосударственного сотрудничества.

Локомотивами интеграционных процессов на постсоветском пространстве в настоящее время являются Казахстан и Россия. И есть реальная надежда, что с 1 января 2010 г. действительно заработает Таможенный союз трех государств – Беларуси, Казахстана и России.

В то же время, не могут не беспокоить факторы, тормозящие развитие полномасштабного казахстанско-российского сотрудничества, к которым, в первую очередь, относятся: рост ксенофобии в России; увеличение количества антироссийских материалов в казахстанских СМИ; интенсификация наркотрафика из Афганистана через территорию Казахстана в Россию.

Первый тревожный фактор – это рост межнациональной вражды в России, где только за 2008 г. скинхедами было совершено не менее 87 убийств, а 378 человек получили ранения. За январь-февраль 2009 г. погибли 26 человек, ранения получили 24. В большинстве случаев жертвами скинхедов становятся выходцы из Центральной Азии и Кавказа.

Негативный резонанс в Казахстане вызвало убийство 14 декабря прошлого года в Москве 18-летнего студента-казаха из Астаны, кстати, приехавшего учиться в Москву по стипендии компании «Лукойл».

В результате многие казахстанские родители отказываются посылать детей на обучение в Россию. Подобные факты льют

воду на мельницу тех, кто выступает против культурно-гуманитарного измерения интеграции, против единого научного, гуманитарного и образовательного евразийского пространства. В таких условиях весьма проблематично говорить о формировании единой евразийской идентичности на основе общих ценностей культурного и языкового многообразия.

Второй тревожный фактор – рост числа антироссийских материалов в казахстанских СМИ. Понятно, что за океаном существует специальный проект создания по всему периметру границ России своего рода «враждебного кордона». К этому проекту сразу же подключились все наши бывшие союзники по Организации Варшавского договора, а также некоторые бывшие республики СССР. За это одних приняли в ЕС, НАТО, других – когда выяснилось, что эти организации «не бездонные» и их экономические возможности уже исчерпаны – обещают принять позже.

Кстати, проблемы Беларуси в ЕС кроются вовсе не в специфических особенностях деятельности руководства этой республики, а в политике, направленной на создание союза с Россией. Среди бывших и нынешних друзей Запада достаточно более одиозных лидеров.

Отсюда понятна заинтересованность некоторых западных политиков, все еще находящихся в плену стереотипов «холодной войны», в том, чтобы самая протяженная в мире сухопутная граница – между Казахстаном и Россией – перестала быть границей мира, дружбы, доверия и сотрудничества, объединяющей народы наших стран. Понятно, что свою лепту в это неблагоприятное дело вносят и преступники всех мастей – от террористов, экстремистов, наркобаронов – до проворовавшихся чиновников.

Нельзя отрицать и того, что западные гранты делают свое дело, занимаясь посевом своего рода «зубов дракона» среди части казахстанских журналистов, как это уже было ранее в Грузии, Кыргызстане, Украине.

Третий тревожный фактор заключается во всевозрастающем афганском наркотрафике, конечными адресатами которого являются Россия и страны Европы. Это не может не вызывать серьезной озабоченности России. По мнению российских экспертов, опиаты, прежде всего, героин, в России употребляют до

90% всех наркозависимых. И весь этот героин исключительно афганского происхождения.

В России насчитывается 538 тыс. официально зарегистрированных потребителей наркотиков. Ежегодно от передозировки умирают около 10 тыс. россиян. Поэтому российские граждане совершенно справедливо обращаются к властям с требованиями оградить свою страну от афганского наркотрафика.

Не лучше выглядит ситуация, сложившаяся и в других новых независимых государствах. Общее количество выявленных и зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на пространстве СНГ в 2007 г. достигло 329 682, что на 65% больше, чем в 2006 г. По официальным данным, число зарегистрированных наркозависимых лиц составляет: в Украине – 173,3 тыс. человек; в Казахстане – 55,2 тыс.; в Узбекистане – 35 тыс. [1].

По данным экспертов ООН, в 2007 г. около 82% площадей общемировых посевов опийного мака находились на территории Афганистана. 93% производимого в мире опия имеют афганское происхождение. В Афганистане наблюдается форсированный рост производства опийного мака: если в 2001 г. было выращено 185 т опия-сырца, то в 2007 г – уже 8200 т, т. е. за шесть лет урожай афганского опия вырос в 44 раза.

В то же время, деятельность правоохранительных органов стран Центральной Азии явно не успевает за темпами деятельности наркоторговцев. В 2007 г. в нашем регионе было конфисковано 37 234 кг наркотиков всех видов (3308,7 кг – героина; 6163,3 кг – опия; 27 762 кг – прочих наркотиков). Если учесть, что в 2007 г. по «северному» маршруту из Афганистана было экспортировано 128 т героина и 246 т опия, то правоохранительными органами государств региона из этого количества было изъято всего 2,5%. Это – относительно низкий показатель. Только в Казахстане в 2007 г. было изъято: героина – 522 кг; опия – 335,5 кг; марихуаны и гашиша – 21 793,7 кг [2].

В условиях возрастающей наркоугрозы правоохранительные органы РК предпринимают комплексные меры противодействия, в первую очередь, на участках, граничащих с Узбекистаном, Кыргызстаном и Туркменистаном. В Южно-Казахстанской области создано спецподразделение «Юг», в Жамбылской области

– «Дельта-Долина». Ежегодно с апреля месяца в приграничной зоне РК осуществляются совместные рейды мобильных групп Пограничной службы КНБ, полиции и таможенных органов.

В рамках международного сотрудничества в местах формирования наркотрафика со спецслужбами США, Германии, России, Китая и других стран проводятся совместные операции. Тем не менее, полностью пресечь транзит афганских наркотиков через территорию Казахстана правоохранительным органам республики не удается.

Таким образом, афганский наркотрафик является одним из серьезных факторов, сдерживающих создание Таможенного союза, а, значит, единого экономического пространства. В Казахстане это понимают и принимают соответствующие меры.

В Казахстане принята Программа борьбы с наркоманией и наркобизнесом, рассчитанная на 2009–2011 годы, основное внимание в которой уделяется укреплению южных границ Казахстана – для противодействия наркотрафику.

В этой связи следует отметить, что с учетом вялотекущего процесса интеграции в Центральной Азии, «прозрачность границ», существующая в настоящее время с южными соседями, не отвечает интересам национальной безопасности Казахстана. В качестве негативного примера такой «прозрачности» можно привести следующий факт. В Южно-Казахстанской области предан суду гражданин, который без таможенного оформления переместил через границу из Узбекистана на территорию Казахстана 46 голов лошадей, общая стоимость которых составляет 2,9 млн. тенге [3].

На наш взгляд, с учетом вышесказанного, к 1 января 2010 г. необходимо ужесточить пограничный режим с Кыргызстаном, Узбекистаном и Туркменистаном – путем введения пограничных зон и режимов на территориях сельских округов РК, примыкающих к границам этих государств, как это имеет место на казахстанско-китайской границе. По мнению наших пограничников, это позволит полностью исключить перемещение людей и грузов вне пунктов пропуска, расположенных на линии государственной границы РК.

Помимо этого, по нашему мнению, было бы целесообразным приступить к разработке мероприятий, направленных на

усиление внешнего контура государственных границ Единого таможенного пространства Казахстана, России и Беларуси.

Литература

1. Михайлов В. Армия наркодилеров. Наркоситуация в СНГ ухудшается // www.centrasia.ru
2. «Северный» маршрут – нарастающие риски. Центральноазиатский региональный информационный координационный центр. – Алматы, 2009. – С. 24.
3. Всегда на коне // Литер. – 2009, 16 июля.

НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ВОПРОСАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН СНГ

Г.И. Чуфрин

После распада СССР сотрудничество между бывшими советскими республиками по вопросам национальной безопасности прошло через ряд этапов. Данные этапы отражали не только стремление новых независимых государств к выработке коллективных и согласованных действий, направленных на противодействие угрозам их безопасности и стабильности, но и весьма непростые отношения между ними.

Первый этап. Начало этому этапу было положено в мае 1992 г., когда Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан подписали в Ташкенте Договор о коллективной безопасности СНГ (ДКБ). В сентябре 1993 г. к нему присоединился Азербайджан, а в декабре 1993 г. его участниками стали также Белоруссия и Грузия. Однако в 1999 г., ввиду серьезных разногласий между членами ДКБ, из него вышли Азербайджан, Грузия и Узбекистан.

Новый удар по авторитету ДКБ был нанесен в начале текущего десятилетия, когда в условиях активизации действий международного терроризма, в том числе, с территории сопредельного Афганистана, выявилась неготовность членов Договора к принятию эффективных коллективных мер, направленных на обеспечение региональной безопасности.

Борьбу с международным терроризмом возглавили Соединенные Штаты и широкая международная коалиция государств, направившие в Афганистан свои вооруженные силы – для борьбы с действовавшими с его территории и опиравшимися на поддержку местного правящего режима Талибан радикальными исламистскими группировками. Деятельность же ДКБ ограничилась тем, что его члены поддержали США и их союзников – вплоть до согласия предоставить им военные базы на своей территории (в Узбекистане и Киргизии), но собственных активных действий по обеспечению региональной безопасности не предприняли, или предпринять не смогли.

Начало *второго этапа* в становлении сотрудничества между постсоветскими странами датируется сентябрем 2003 г., когда в целях повышения роли ДКБ в обеспечении национальной и региональной безопасности данный Договор решено было преобразовать в альянс с гораздо более высокой степенью военно-политической интеграции – Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

В течение нескольких последующих лет членами ОДКБ постоянно велся интенсивный поиск путей и форм коллективного противостояния новым угрозам и вызовам – в целях нахождения наиболее эффективных методов укрепления региональной безопасности и стабильности. Одновременно происходило укрепление нормативно-правового механизма деятельности ОДКБ.

В тот же период был осуществлен ряд конкретных мер по противодействию негативным внешним факторам, угрожавшим странам – членам организации, но решений их внутривнутриполитических проблем не осуществлялось, ибо задачи подобного рода перед ОДКБ не ставились.

В числе наиболее важных акций, направленных на совершенствование сотрудничества в рамках ОДКБ, стало решение о создании системы коллективной безопасности ОДКБ, построенной по региональному принципу и представляющей три войсковых группировки – восточноевропейскую (российско-белорусскую), кавказскую (российско-армянскую) и центральноазиатскую.

Наряду с этим решением, была достигнута договоренность о создании в рамках ОДКБ Коллективных сил, но относительно них не было предусмотрено ни места постоянной дислокации, ни общего командования. К тому же каждое государство – член ОДКБ само и достаточно произвольно определяло, какое воинское подразделение относить к этим Коллективным силам.

Наиболее системный характер принял начатый летом 2001 г. процесс формирования Коллективных сил быстрого развертывания (КСБР) Центральноазиатского региона, в состав которых первоначально включались четыре батальона – по одному из России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана.

В последующем численность КСБР постепенно расширялась и к концу 2008 г. была доведена до 10 батальонов, в том числе пяти – от России, по два – от Казахстана и Таджикистана и одного

– от Киргизии, имевших на вооружении более трех сотен танков и БМП. Также им была придана российская военно-воздушная база, открытая в октябре 2003 г. в Канте (Киргизия) с целью усиления авиационного компонента КСБР. Совместные маневры КСБР стали проводиться на регулярной основе, их масштабы постоянно расширялись.

Одновременно с выстраиванием системы коллективной безопасности ОДКБ происходила трансформация самого понятия безопасности. Показательно в этом плане, что в Центральной Азии, где находится большинство членов ОДКБ, основные угрозы региональной безопасности первоначально связывались, прежде всего, с международным терроризмом и наркотрафиком. В дальнейшем, однако, наряду с задачами борьбы с этими угрозами, в повестку дня ОДКБ стали включаться и другие.

Как следствие, повестка дня ОДКБ становилась все более широкой, утрачивая в то же время свою целенаправленность. Наряду с совершенствованием военной составляющей ОДКБ, а также укреплением многостороннего сотрудничества в рамках борьбы с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, наркотрафиком, незаконными поставками оружия и взрывчатых веществ, отмыванием денег, в нее были также включены: задачи борьбы с нелегальной миграцией и торговлей людьми, формирования согласованной визовой политики и единого миграционного пространства, а также вопросы обеспечения энергетической безопасности и противодействия современным информационным вызовам и угрозам. В рамках ОДКБ стала отрабатываться программа коллективного реагирования на чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера.

Заметное место в деятельности ОДКБ стало отводиться и миротворческой деятельности, направляемой на обеспечение национальной безопасности и политической стабильности государств, являющихся ее членами, выработке принципов формирования на постоянной основе коллективных миротворческих сил, а также их оснащения едиными и совместимыми системами вооружения и связи.

Соглашение о миротворческой деятельности ОДКБ было подписано главами государств – членов организации в октябре

2007 г., на саммите в Душанбе [1].* При этом использование миротворческих сил (МС) предусматривалось как на территориях стран – участниц ОДКБ, так и в других районах мира.

Весь пакет документов по созданию МС ОДКБ формировался с учетом существующих нормативов ООН, а их использование предполагалось только при согласии противоборствующих сторон. Страны – участницы ОДКБ обязались выделять в состав МС подразделения, которые в обычное время находились бы под командованием того государства, которому они принадлежат, но в случае необходимости, по решению Совета коллективной безопасности, поступали бы под единое командование и выполняли задачи в том регионе, где это было бы необходимо.

Тем самым отныне в задачи ОДКБ включались не только противодействие военным угрозам, но и миротворческие функции, борьба с широким спектром угроз гуманитарного характера, а также противостояние экологическим, техногенным и эпидемиологическим катастрофам.

В результате наметилась трансформация ОДКБ – из чисто военно-политической структуры в универсальную многопрофильную международную организацию, занимающуюся всеми вопросами обеспечения безопасности, причем ряд вновь приобретенных ею функций явно дублировался или пересекался с функциями других коллективных организаций, действующих на постсоветском пространстве, в частности, с ЕврАзЭС.

В связи с этим, отнюдь не случайным выглядело предложение, высказанное в 2008 г. президентом Узбекистана Исламом Каримовым (в 2006 г. Узбекистан возвратился в структуру ОДКБ), о целесообразности объединения ЕврАзЭС и ОДКБ [2].

Тенденция к фактическому понижению роли собственно военной составляющей в деятельности ОДКБ наблюдалась вплоть до трагических событий, произошедших на Кавказе в августе 2008 г. и связанных с вооруженной агрессией Грузии против Южной Осетии, приведших к многочисленным жертвам среди мирного населения, гибели российских миротворцев и тяжелой гуманитарной катастрофе. Разумеется, члены ОДКБ не могли

* Это Соглашение вступило в силу в январе 2009 г., после того, как оно было ратифицировано Арменией, Белоруссией, Казахстаном и Россией.

пройти мимо этих событий и на встрече в Москве, состоявшейся в начале сентября 2008 г., приняли совместное заявление, осудившее действия Грузии и поддержавшее активную роль России в обеспечении мира на Кавказе [3].

Следствием войны на Южном Кавказе стало не только принятие членами ОДКБ вышеупомянутой политической декларации, но и активизация внимания к конкретным планам укрепления военного сотрудничества, о чем свидетельствовало решение создать коллективные вооруженные силы постоянной боевой готовности с объединенным командованием и местом постоянной дислокации. Об этом главы России, Белоруссии, Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана договорились в феврале 2009 г. на саммите ОДКБ в Москве.

Главным итогом встречи стало решение о формировании Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР), способных быстро и эффективно реагировать на различные категории существующих и потенциальных вызовов и угроз национальной безопасности членов ОДКБ – от военных и пограничных конфликтов до террористических актов, наркоторговли и других видов организованной преступности [4].

Комментируя это решение, помощник президента России Сергей Приходько подчеркнул, что оно явилось «...совместной реакцией на угрозы, которые в настоящее время проистекают, прежде всего, с южных границ организации». К таким угрозам он отнес «...деятельность талибов, ситуацию в Афганистане и, в известной степени, в Пакистане» [5].

Впрочем, целью создания КСОР было противостояние угрозам и вызовам безопасности членам ОДКБ не только с южного направления, но и по всему периметру их границ.

Исходя из этих задач, Коллективные силы оперативного реагирования решено было сделать мобильными и универсальными. В этой связи в их состав должны будут входить высококомобильные воинские соединения, части и подразделения, оснащенные современной военной техникой. Предполагается, что костяк КСОР составят два российских соединения постоянной боевой готовности – воздушно-десантная дивизия и десантно-штурмовая бригада ВДВ.

В интересах КСОР будут активно использоваться военно-транспортная авиация, а также авиабаза в Киргизии. В форми-

ровании КСОР на первоначальном этапе также найдут активное применение структура и опыт Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона, которые в последующем будут упразднены [6].

Дислоцироваться на постоянной основе Коллективные силы оперативного реагирования будут на территории России, где им будут придаваться силы других стран. Все эти воинские формирования будут иметь общее командование [7].

Участники ОДКБ заявили о своем намерении создать в дальнейшем совместные системы ПВО, а также региональные системы связи и управления вооруженными группировками.

Реализация этих планов означает не только создание в рамках ОДКБ многофункциональных вооруженных сил, способных оперативно реагировать на различные вызовы и угрозы, – продекларировано намерение превратить эту организацию в полноценный военно-политический союз. Тем самым ОДКБ вступает в очередную этап своей деятельности.

Однако, как выяснилось, отнюдь не все члены ОДКБ интерпретировали эти решения московского саммита одинаковым образом и в одинаковой степени.

Так, еще в ходе самого саммита президент Узбекистана Ислам Каримов высказался против предложения президента Казахстана Нурсултана Назарбаева – о подключении к военной компоненте КСОР также сил МЧС, МВД и спецслужб [8]. К тому же президент Узбекистана, хотя и дал согласие на участие своей страны в КСОР, но сделал оговорку, что оно будет осуществляться не на постоянной основе, а на принципах делегирования подразделений для участия в отдельных операциях [9].

Свое особое мнение по поводу участия в деятельности Коллективных сил оперативного реагирования высказала и Белоруссия. Буквально на следующий день после завершения московского саммита, на котором было принято решение о создании КСОР, глава МИД Белоруссии, Сергей Мартынов, заявил, что Минск, по сути, не готов разделить с союзниками одну из главных функций – оперативного направления своего воинского контингента туда, где в нем будут более всего нуждаться. Аргументируя свое заявление, министр сказал, что «белорусское законодательство

не предусматривает участия белорусских солдат в военных действиях за рубежом» [10].

Не приходится сомневаться в том, что подобные оговорки могут сказаться на эффективности деятельности КСОР и оперативности принятия решений их командованием – в условиях возникновения кризисных ситуаций – весьма негативно. Именно поэтому крайне актуальной является та часть решений московского саммита, где говорится о необходимости внесения в национальные законодательства стран – членов ОДКБ соответствующих изменений, обеспечивающих оперативность применения сил и средств, выделяемых в состав КСОР.

Дальнейшее уточнение общих и конкретных задач ОДКБ, а также совершенствование ее организационных принципов будут продолжены и в будущем, будучи обусловленными необходимостью эффективного поддержания безопасности в зоне ответственности ОДКБ, где, по мнению президента России Дмитрия Медведева, стал «...накапливаться довольно значительный конфликтный потенциал» [11].

Весьма важным в этом плане является установление и укрепление отношений сотрудничества ОДКБ с другими организациями, в функции которых входит обеспечение международной безопасности. На центральноазиатском направлении таким партнером для ОДКБ, несомненно, является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), также активно выступающая против угроз со стороны международного терроризма и религиозного экстремизма. К тому же усиление взаимодействия между ОДКБ и ШОС может стать критически важным для эффективной борьбы с наркотрафиком, берущим начало на территории Афганистана и представляющим серьезную угрозу не только для сопредельных стран, но и для других государств Европы, Азии и Северной Америки.

Укрепление сотрудничества между ОДКБ и ШОС представляется вполне естественным – как в связи с идентичностью стоящих перед ними вызовов, так и по причине существенного совпадения их состава. Как отмечал в своем выступлении на открытии специальной конференции по Афганистану, проходившей в Москве в марте 2009 г., министр иностранных дел России Сергей Лавров, эти обстоятельства позволили ОДКБ и

ШОС выступить с совместным предложением. Странам, входящим в состав этих организаций, предлагалось сформировать по периметру афганских границ пояса антинаркотической, антитеррористической и финансовой безопасности, причем сделать это в сотрудничестве с Афганистаном, а не за счет создания неких «санитарных кордонов» [12].

Как отмечалось в одном из итоговых документов этой конференции, «...дальнейшее наращивание взаимодействия между ШОС и ОДКБ в сфере борьбы с наркотиками остается в числе приоритетов совместной деятельности на основе действующего Меморандума о взаимопонимании», заключенного между этими организациями [13].

Впрочем, между ОДКБ и ШОС существуют не только общность или совпадение целого ряда задач, но и различия, носящие отнюдь не формальный характер, обуславливающие значительную специфику этих организаций, что, соответственно, требует кропотливой работы по достижению согласия в вопросах взаимодействия между ОДКБ и ШОС в реальных ситуациях.

Добиваясь повышения значения ОДКБ как ключевого стабилизирующего фактора на постсоветском пространстве, ее члены, вместе с тем, не ставят перед собой задачи превращения этой организации чуть ли не в анти-НАТО, как об этом нередко заявляют некоторые зарубежные наблюдатели. Более того, по целому ряду направлений ОДКБ готова с НАТО сотрудничать.

По свидетельству Генерального секретаря ОДКБ, Н. Бордюжи, начиная с 2003 г., со стороны ОДКБ неоднократно предпринимались попытки установить с НАТО отношения сотрудничества, вносились конкретные предложения по проведению совместной борьбы с распространением наркотиков, угрозой религиозного экстремизма и терроризма [14].

Еще в конце 2006 г. Сергей Иванов, бывший тогда министром обороны России, говорил, что «логическим шагом по пути укрепления международной безопасности могла бы стать разработка механизма взаимодействия между НАТО и ОДКБ с последующим четким разграничением сфер ответственности» [15]. К сожалению, реакция НАТО на эти инициативы либо была отрицательной, либо они просто игнорировались.

Тем не менее, и в современных условиях в ОДКБ по-прежнему считают, что сотрудничество с НАТО было бы обоюдополезным. В качестве первоочередной задачи речь может пойти о достижении взаимодействия ОДКБ и НАТО в рамках предотвращения угрозы дальнейшего ухудшения политической ситуации в Афганистане и недопущения возвращения к власти движения Талибан.

Президент США Барак Обама после прихода к власти провозгласил новую стратегию по урегулированию положения в Афганистане, одним из важных элементов которой должно стать увеличение американского воинского контингента в этой стране в 2009 г. на 17 тыс. военнослужащих. В последующем планируется направление в Афганистан дополнительно еще 4 тыс. военнослужащих – для подготовки и обучения местных сил безопасности и полиции [16].

Как известно, к началу 2009 г. в составе коалиционных войск в Афганистане находились уже 14 тыс. американских солдат и еще около 19 тысяч – под прямым командованием США [17].

Увеличивая размеры собственного военного присутствия и добиваясь увеличения воинских контингентов других стран НАТО в Афганистане, у американского руководства не было возможности избежать необходимости достижения договоренности с Россией по проблеме обеспечения поставок грузов для нужд этих подразделений через ее территорию. Более того, США и их союзникам по НАТО требовалось получение права на транзит не только гражданских, но и военных грузов в Афганистан через территории России и центральноазиатских стран – членов ОДКБ, что гарантировало бы надежность их доставки силам международной антитеррористической коалиции.

В последнее же время доставка таких грузов, основная часть которой осуществляется через территорию Пакистана, становится все более рискованной – в связи с активизацией сторонников талибов в провинциях, граничащих с Афганистаном.

Со своей стороны Россия неоднократно заявляла о своей поддержке усилий международной коалиции, проводящей антитеррористическую операцию в Афганистане, подчеркивая при этом, что успех в этой борьбе, несомненно, отвечает и ее национальным интересам.

Очередным примером стремления к осуществлению такого взаимодействия стали договоренности, достигнутые на

проходившем в Бухаресте в апреле 2008 г. заседании Совета Россия – НАТО. Отвечая на обращение со стороны НАТО, Россия согласилась на упрощение порядка транзита грузов невоенного характера через свою территорию для нужд сил международной коалиции в Афганистане. И хотя отношения между Россией и США и, как следствие, между Россией и НАТО после августовского конфликта на Кавказе заметно охладели, с приходом в Белый Дом Барака Обамы диалог между сторонами возобновился.

Результатом смягчения отношений стал возврат к выполнению ранее достигнутых договоренностей, а одним из конкретных проявлений этой «оттепели» явилось начало транзита в марте 2009 г. через территорию России невоенных грузов, предназначенных для нужд Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Афганистане.

Аналогичное согласие на транзит невоенных грузов в Афганистан участники МССБ получили и от ряда других центральноазиатских стран, являющихся членами ОДКБ, в том числе от Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. Такое решение вполне объяснимо, ибо развитие сотрудничества этих стран с НАТО по указанным вопросам в принципе отвечает их интересам, поскольку победа и возврат к власти талибов и их сторонников в Афганистане могут иметь катастрофические последствия для всего региона. Результатом может стать отнюдь не «оранжевая», а «зеленая» революция под знаменем ислама, которая приведет к насильственной смене светских режимов, существующих ныне в Центральной Азии, радикально-исламистскими.

Впрочем, достижение прогресса по вопросам транзита грузов в Афганистан отнюдь не исчерпывает других форм и сфер сотрудничества по афганской проблеме: между Россией и ОДКБ – с одной стороны, и США/НАТО – с другой. В частности, речь может идти о совместной борьбе с наркотрафиком* или о восстановлении экономики Афганистана.

* В этой связи определенный оптимизм вызывает присоединение ряда стран – членов НАТО, включая США, в качестве наблюдателей к проводимой под эгидой ОДКБ операции «Канал» по противодействию наркоугрозе с территории Афганистана. С 2009 г. эта антинаркотическая операция, начатая еще в 2003 г., преобразована в постоянно действующий региональный проект ОДКБ.

Россия и центральноазиатские члены ОДКБ могли бы также активизировать свою роль в политическом урегулировании афганской проблемы, приняв участие в нахождении действенной формулы формирования национального правительства Афганистана с учетом интересов всего спектра общественно-политических сил страны, этнических и религиозных групп.

* * *

Анализ развития процесса сотрудничества между странами – членами СНГ по вопросам национальной безопасности свидетельствует о том, что на этом пути за последние без малого два десятилетия ими был достигнут заметный прогресс. Сформировалась группа государств в составе России, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, которые, несмотря на многочисленные трудности постсоветского периода их развития, достаточно последовательно выступают за взаимодействие в вопросах обеспечения своей национальной безопасности коллективными средствами.

Важным результатом их усилий на этом направлении явилось создание Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), деятельность которой направлена на противостояние различным видам и угрозам региональной и международной безопасности. Вместе с тем, представляется, что эволюция ОДКБ, как в организационном отношении, так и – что особенно важно – в определении основного вектора развития и степени эффективности деятельности, еще далеко не завершена.

Следует также подчеркнуть, что ход и масштабы этой эволюции будут испытывать на себе влияние не только внешних факторов, связанных с различными угрозами безопасности – военного и невоенного характера, но и внутренних, обусловленных противоречиями, сохраняющимися между самими членами ОДКБ.

Литература

1. См.: <http://www.gazeta.ru>
2. Независимая газета. – М. – 2008, 11 июня.
3. Коммерсантъ. – М. – 2008, 5 сентября.
4. См.: <http://www.kremlin.ru>
5. См.: <http://www.vremya.ru>

6. Красная Звезда. – М. – 2009, 14 февраля.
7. См.: <http://www.dkb.gov.ru>
8. См.: <http://www.vremya.ru>
9. См.: <http://www.dkb.gov.ru>
10. Коммерсантъ. – 2009, 9 февраля.
11. См.: <http://www.dkb.gov.ru>
12. См.: <http://www.mid.ru>
13. См.: <http://www.mid.ru>
14. НГ-Дипкурьер. – М. – 2008, 24 ноября.
15. См.: <http://www.km.ru>
16. См.: <http://www.vremya.ru>
17. Красная Звезда. – 2009, 27 марта.

КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С.К. Кушкумбаев

Казахстан и Россия, обладающие авторитетом и возможностями для взаимодействия и влияния на ситуацию в Центральной Азии, играют в регионе важную роль. Казахстан объективно является надежным и стабильным партнером России в Центральной Азии. Обе страны заинтересованы в поддержании и укреплении существующих двух- и многосторонних взаимосвязей, в обеспечении региональной безопасности.

И Россия, и страны Центральноазиатского региона в значительной мере подвергаются рискам и вызовам нетрадиционного характера, что требует поиска нестандартных ответов на них. Для решения существующих и возникающих вызовов и угроз безопасности, таких, как терроризм и экстремизм, наркотрафик, нелегальная торговля оружием, международные миграционные процессы и др., необходимо приложить усилия со стороны нескольких стран, соответственно, растет значение региональных и многосторонних консультаций и форумов.

Таким образом, многосторонние институты по безопасности, возникшие в качестве военно-политических, торгово-экономических структур и функционирующие на постсоветском пространстве, в частности, в регионе Центральной Азии, играют все более значимую роль.

Казахстан и другие государства Центральной Азии участвуют в различных многосторонних структурах, функционально охватывающих политические, военные и экономические вопросы взаимодействия. Важное место среди этих структур занимают такие организации, как ОДКБ, ЕврАзЭС и ШОС. Как известно, роль данных международных структур становится все более значимой. Во многом успех интеграции стран Центральной Азии в мировую систему обусловлен эффективностью функционирования многосторонних организаций и проектов, в которых участвуют государства региона.

В обеспечении безопасности в Центральной Азии ОДКБ отводится значимое место. За период после создания организации в 2003 г. ОДКБ поэтапно расширяла спектр рассматриваемых вопросов. Магистральными задачами остаются вопросы повышения роли данной структуры в мире, усиления мер, направленных на создание эффективной системы противодействия современным вызовам и угрозам.

С учетом вышесказанного, все большее значение в деятельности организации придается противодействию современным вызовам, выработке адекватных кооперативных мер борьбы с экстремизмом и международным терроризмом. Активизировалась работа по повышению контртеррористического потенциала государств – членов объединения, включающая формирование нормативно-правовой базы для организации эффективной борьбы с угрозами.

Особо стоят вопросы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Ежегодно в формате ОДКБ осуществляется международная антинаркотическая операция под условным наименованием «Канал». В этой связи хронической стала «афганская» тематика, включающая в себя комплекс проблем, связанных с контрабандой наркотиков и террористической активностью. В рамках ОДКБ была создана структура по противодействию незаконному обороту наркотиков.

Ранее, в соответствии с планом коалиционного военного строительства, предполагалось создание четырехсторонней, с участием Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана и России центральноазиатской военной группировки ОДКБ. Одним из элементов этой группировки должны были стать имеющиеся в Центральной Азии Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР). План создания новой группировки был рассчитан до 2010 г. Последние решения СКБ ОДКБ, принятые в Москве в феврале 2009 г. – о создании Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) – вносят в эти планы коррективы.

ОДКБ уже получила статус наблюдателя в ООН, ОБСЕ и ШОС. Лидеры стран-участниц намерены рассмотреть возможность участия организации в миротворческих миссиях. Во многом заявления, звучащие на саммитах ШОС, перекликаются с заявлениями, озвучиваемыми на сессиях СКБ ОДКБ.

Конечно, многофункциональность ОДКБ может нести и определенные риски размывания конкретной основы структуры, связанной, прежде всего, с военной составляющей организации. Предполагалось, что создаваемые в рамках ОДКБ коллективные силы по взаимодействию в чрезвычайных ситуациях будут состоять из спасательных и санитарно-эпидемиологических отрядов, а также полицейских сил, в функции которых будет входить обеспечение порядка в зонах бедствий.

Необходимость создания подобных многофункциональных структур обуславливалась происходящими в последнее время в мире масштабными стихийными бедствиями.

Кроме того, в рамках ОДКБ сформирован перечень более 30 террористических и экстремистских организаций, представляющих угрозу коллективной безопасности государств – членов организации [1].

Нельзя не сказать о взаимоотношениях ОДКБ и НАТО, поскольку в настоящее время они далеки от того, какими мы хотели бы их видеть. Непростые отношения, сложившиеся между Россией и НАТО, вносят конкурентную атмосферу в отношения по линии ОДКБ – НАТО.

Как известно, в Москве с неослабевающим беспокойством наблюдают за активностью НАТО в постсоветских странах. Раздражение Кремля вызывают заявления о потенциальном членстве в НАТО Украины и закавказских стран. Российское руководство неоднократно подчеркивало, что у НАТО нет политических или военных оснований для расширения организации за счет бывших советских республик.

К сожалению, эти призывы не получили должной оценки. Поэтому мы видим, что Россия корректирует свою внешнюю политику и военную доктрину – на предмет их соответствия стоящим перед страной вызовам. В этом контексте Россия и ее союзники по ОДКБ приветствовали решение Узбекистана о вхождении в состав Организации Договора о коллективной безопасности.

В качестве своеобразного ответа Москвы НАТО можно расценивать предложение российской стороны превратить ОДКБ в «...международную многофункциональную и универсальную организацию, которая своими коллективными инструментами могла бы противодействовать всему комплексу угроз» [2]. НАТО,

как известно, пытается решать не только военно-политические вопросы, но и участвовать в гуманитарных, миротворческих операциях, в образовательных и научных программах, противодействовать незаконному наркотрафику, реагировать на техногенные катаклизмы и чрезвычайные ситуации.

Все эти и ряд других вопросов также будут стоять и перед ОДКБ. В целом смысл этих изменений сводится к созданию конкурентоспособной международной структуры, представляющей реальную альтернативу различным проектам внерегиональных стран и организаций. По словам представителей секретариата, предполагается, что действия ОДКБ не будут ограничиваться территорией стран-членов, а выйдут «за пределы ее зоны ответственности».

Генсек ОДКБ, Н. Бордюжа, привел в качестве примера деятельность в Центральной Азии так называемых внерегиональных сил – международных организаций, которые пытаются перехватить инициативу интеграционных образований, созданных на постсоветском пространстве [3].

Еще одно новое направление деятельности ОДКБ – информационное противодействие. Руководство ОДКБ считает, что на рубеже третьего тысячелетия появилось новое «оружие массового поражения» – сконцентрированная по целям, задачам и времени атака СМИ, которая может поразить, дезориентировать население и привести к непрогнозируемым последствиям. Показательными заместитель генсека ОДКБ Т. Бузубаев считает примеры того, как обрабатывалось население США и Европы во время операции «Буря в пустыне», а также население Грузии, Украины и Кыргызстана в периоды подготовки так называемых «цветных» революций, как готовилась информационная атака на Беларусь в период президентских выборов в 2006 г. [4].

Таким образом, активизация деятельности ОДКБ связана с возросшим в 2000-х гг. интересом России к пространству СНГ, представляющему, по мнению Москвы, зону российских стратегических интересов и безопасности. Считается, что, за исключением США и, отчасти, НАТО, никто реально не оспаривает у Кремля право на отстаивание собственных интересов в регионах Кавказа, Каспия и Центральной Азии.

Таким образом, функционирование международных организаций на постсоветском пространстве с активной ролью России является частью долгосрочной политики Москвы, направленной на укрепление своих позиций на постсоветском пространстве. По сути, ОДКБ становится одним из краеугольных элементов этой стратегии.

КНР – посредством ШОС – также подключается к решению ряда проблем международной и региональной безопасности на центральноазиатском направлении. ШОС, в отличие от ОДКБ – не военно-политический альянс. Участие Пекина будет ограничено определенными сегментами в вопросах безопасности на постсоветском центральноазиатском пространстве.

Перспективные планы ОДКБ показывают, безусловно, более широкий и глубокий охват традиционных и «нетрадиционных» вызовов безопасности стран-членов. Участие в ОДКБ Казахстана, равно как и других ее центральноазиатских членов, обусловлено реальным геополитическим и геоэкономическим раскладом, сложившимся в регионе. В рамках решения важнейших стратегических задач обеспечения национальной безопасности основным приоритетом Астана считает «...укрепление системы безопасности и политического сотрудничества в Центральноазиатском регионе через активное участие Казахстана в договорах и международных структурах обеспечения коллективной безопасности, в первую очередь – ОДКБ и ШОС» [5].

Можно предположить, что до тех пор, пока активность организации будет сосредоточена на решении проблем национальной и региональной безопасности, ее деятельность будет сравнительно успешной, однако в случае макрорегионального позиционирования, тем более, конкуренции, ее перспективы неоднозначны. Очевидно, что ОДКБ – не соперник, но в отдельных программах по безопасности представляет альтернативу НАТО.

Вместе с тем, учитывая потенциал Североатлантического альянса, закономерно, что ОДКБ стремится наладить взаимодействие с НАТО в отдельных вопросах, таких, как проведение миротворческих операций и действия в случае чрезвычайных ситуаций. Сумев наладить каналы эффективного взаимодействия по другим направлениям: НАТО, ОБСЕ и ряд других, ОДКБ

способна стать действенной и даже ведущей структурой по безопасности, по крайней мере, в Центральной Азии.

ОДКБ выступает элементом решения двуединой задачи – создания общего геостратегического и геоэкономического пространства. Общее оборонное пространство, т. е. военно-политический «зонтик» Москвы над пространством ОДКБ, также может рассматриваться как часть стратегии, направленной на отстаивание региональных позиций России. Расширяя спектр решаемых вопросов, ОДКБ, тем самым, стремится занять большую часть ниши по поддержанию безопасности в зоне своей ответственности.

Универсальность ОДКБ предполагает расширение функционального поля организации и охват следующих вопросов: противодействие экстремизму и терроризму, наркотрафику, нелегальной миграции; борьба со стихийными бедствиями, техногенными катастрофами; выработка информационной политики, и ряд других. Подобный вектор активности организации, несомненно, увеличивает вероятность снижения эффективности этой многосторонней структуры в целом.

Как известно, другой близкой ОДКБ структурой является ЕврАзЭС. Учитывая почти одинаковый состав участников обеих организаций, саммиты ЕврАзЭС (рассматривающие, преимущественно, экономические вопросы) стали совмещаться с саммитами ОДКБ (вопросы военно-политического сотрудничества и безопасности). Встречаясь в столицах стран-участниц, лидеры государств ЕврАзЭС и ОДКБ участвуют в работе обоих форумов.

В этом контексте правомерно замечание бывшего генсека ЕврАзЭС, Г. Рапаты, о том, что на экономическом базисе очень тесно завязаны вопросы политики и безопасности. К примеру, через создание в Таджикистане условий для экономического развития решается множество социальных проблем – как внутри этого государства, так и на постсоветском пространстве в целом.

С данной позицией нельзя не согласиться, так как во многом именно сложная социально-экономическая ситуация порождает религиозный экстремизм, терроризм и наркобизнес [6].

В сферу решаемых ЕврАзЭС задач также входят: обеспечение экономической безопасности на внешних границах Сообщества,

борьба с контрабандой и иными видами таможенных правонарушений; укрепление и обустройство внешних границ Сообщества, и ряд др. [7]. В рамках Сообщества предполагается планирование и проведение специальных пограничных операций на внешних границах государств-участников – по пресечению трансграничной организованной преступности, международного терроризма, всех видов контрабанды, незаконного оборота оружия, наркотических и психотропных веществ, незаконной миграции и других правонарушений.

ЕврАзЭС с элементами «евразийской» идеи стало проектом, направленным на реинтеграцию постсоветских стран, с приоритетом экономической составляющей. В Москве не скрывали, что хотели бы видеть в составе ЕврАзЭС такие крупные страны СНГ, как Украину и Узбекистан. В 2006 г., после известных событий, Узбекистан в состав организации вошел, но, так и не став полноценным ее членом, в конце 2008 г. свое участие в ней приостановил.

ЕврАзЭС сравнительно успешно функционирует в сфере экономического взаимодействия, что, возможно, обусловлено также и общим экономическим подъемом в странах СНГ в первой половине 2000-х гг. Тем не менее, ряд сфер сотрудничества представляют проблемный блок.

В странах, входящих в ЕврАзЭС, существуют различные точки зрения по поводу создания наднационального органа, регулирующего таможенно-тарифную политику. Не менее остро стоит вопрос о сотрудничестве в сфере транспорта, поскольку между бывшими союзными республиками, размежевавшимися в вопросах транспортной политики, возникли барьеры, препятствующие транзиту товаров по территории СНГ.

По взаимному признанию сторон, также большой потенциал – как одно из ключевых направлений сотрудничества – имеет сфера энергетики.

Ряд стран ЕврАзЭС на рынках энергоносителей и транзитно-транспортных услуг отчасти конкурируют.

Экономический потенциал членов Сообщества весьма асимметричен, что также в перспективе потребует от стран-участниц, особенно от России, политической воли и гибкости в вопросах экономических издержек.

Функционирование ЕврАзЭС, равно как и ОДКБ, следует рассматривать в общем контексте укрепления позиций России, как ключевого игрока на постсоветском пространстве.

Рассматривая ОДКБ как основную структуру в сфере региональной и международной безопасности, страны Центральной Азии, тем не менее, стремятся диверсифицировать свое сотрудничество. Казахстану и другим странам Центральной Азии важно, участвуя в ОДКБ, дистанцироваться от втягивания в конкуренцию внешних игроков.

В этом контексте, Казахстан и Россия, тесно взаимодействуя по широкому спектру вопросов, углубляя взаимовыгодное сотрудничество, гибко учитывая разнообразные интересы своих партнеров в Центральной Азии, способны внести еще более значительный вклад в стабильность и безопасность всего региона.

Литература

1. В ОДКБ планируется создание коллективных миротворческих сил // [http:// www.arminfo.am](http://www.arminfo.am)
2. Мы взяли курс на трансформацию ОДКБ из военно-политической структуры в многофункциональную организацию // [http:// news.central.kz](http://news.central.kz)
3. Там же.
4. Лим В. Элементы «холодной войны» возрождаем не мы (интервью заместителя генсека ОДКБ Т. Бузубаева) // *Central Asia Monitor*. – 2006, 18 августа.
5. Назарбаев Н. Наш курс – ускоренная модернизация // *Казахстанская правда*. – 2005, 16 декабря.
6. Стрешнев Р. Под безопасность Центральной Азии надо подвести экономический базис (интервью генсека ЕврАзЭС Г. Рапоты) // *Красная звезда*. – 2004, 7 июля.
7. Заявление глав государств Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан об учреждении Евразийского экономического сообщества // [http:// mpa.rbc.ru](http://mpa.rbc.ru)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Д.Б. Малышева

Политическое развитие Центральной Азии трудно рассматривать вне *международного контекста*, основные показатели которого выглядят в наши дни весьма неоднозначно.

Достаточно сказать, что так и не была преодолена серьезная деградация международного порядка, характерным для которого стало все более частое применение вооруженной силы. Правом прибегать к ней произвольно и в обход международного права наделили себя США, их союзники по НАТО и некоторые региональные державы (Израиль).

Как следствие, активизировалась гонка вооружений; терроризм же превратился в едва ли не «обыденное» средство решения спорных проблем.

Еще более зримым стал всеобщий кризис существующих международных, многосторонних институтов, большая часть которых патронируется Соединенными Штатами (МВФ, например). Как подчеркивает в своей недавно вышедшей книге Е. М. Примаков, мировой экономический кризис, «...перечеркнувший роль США в качестве 'однополярного' финансового центра», нанес «смертельный удар» и по идее однополярного мира – идее, к которой привязан ряд западных политиков и отечественных исследователей [1].

Сильно подточены односторонними действиями США и некоторых их союзников другие международные институты (ООН, НАТО, ОБСЕ, европейские коллективные структуры), изначально претендовавшие на роль гарантов международной безопасности. Они не только не выполнили своих миссий, но, напротив – их присутствие в ряде регионов и стран привело к эскалации конфликтов, переводу их в вооруженную фазу.

Однако, следует заметить, что и объединения, действующие на постсоветском пространстве – СНГ, ОДКБ, ШОС – также не проявили себя в сфере поддержания безопасности в полной мере.

Мировую экономическую ситуацию усугубила наступившая на излете 2008 г. экономическая рецессия, уже в начальной своей фазе характеризовавшаяся стремительным падением цен на нефть и металлы, повсеместным обвалом фондовых рынков и ведущих финансовых институтов.

Не было преодолено похолодание в отношениях России с США, а также, соответственно, и с Евросоюзом, солидаризирующимся с США по большинству вопросов глобальной повестки дня. Не желая видеть Россию в качестве сильного и самостоятельного политического игрока, Запад прилагает гигантские усилия, чтобы не допустить восстановления роли России в мировых делах и внутри СНГ.

При новой администрации США также пока не просматривается объективной и опирающейся на реальные интересы России основы для улучшения российско-американских отношений на постсоветском пространстве – в значительной мере, вследствие того, что вооруженные силы США развернуты в непосредственной близости от границ бывшего СССР, в сфере жизненно важных российских интересов.

Фокус международной конкуренции все больше смещается с пространства Европы на регион Центральной и Восточной Азии. Здесь наблюдаются конкуренция и соперничество экономических, военных и политических интересов нерегиональных игроков (США, Евросоюза и НАТО), а также России, Китая, Ирана, Индии и Пакистана. При этом бывшие советские среднеазиатские республики, а также Россия, оказались вовлеченными в перемены, которые должны произойти в связи с намерениями нового президента США, Барака Обамы, прекратить иракскую операцию и активизировать афганскую.

Все страны мира, вне зависимости от того, в какой части земного шара они располагаются, стали все чаще сталкиваться примерно с одними и теми же угрозами. Это – не только терроризм, экстремизм, распространение оружия массового уничтожения и наркобизнес. Значительное место стали занимать угрозы деградации природной среды, в том числе, загрязнения воздуха, глобальное потепление, уменьшение лесных массивов и т. п. Серьезное значение приобретает угроза войн из-за воды, что особенно актуально для Центральной Азии.

Для России из трех основных вызовов, которые возникли перед ней в 2008–2009 гг. (война на Кавказе в августе 2008 г., газовый конфликт с Украиной и экономический кризис), два были «родом» из СНГ. Это говорит о том, что данное внешнеполитическое направление является для России одним из наиболее проблемных. В Москве это признают и стараются продемонстрировать внимание к СНГ не только декларациями и разговорами, но и конкретными действиями, встречами и решениями. Тем более, что перспективы перед СНГ – достаточно сложные.

Здесь, во-первых, просматривается тенденция к формированию консолидированного американо-европейского противостояния России – как в вопросах мировой политики, так и в вопросах, касающихся ее влияния на процессы, происходящие на постсоветском пространстве. Особенно это заметно в Каспийском регионе и Центральной Азии, где США стремятся размыть ШОС, ОДКБ и ЕврАзЭС созданием новой, замкнутой на себя инфраструктуры многосторонних контактов.

Другим серьезным внешнеполитическим вызовом можно считать возможность формирования между США и Китаем – при сохранении разногласий по Тайваню и ряду других проблем международной политики – позитивной экономической взаимосвязи. Это позволяет некоторым экспертам говорить о возможности появления, наряду с G-8, Давосским форумом, «двадцаткой» наиболее развитых стран, прочими устоявшимися международными структурами и механизмами, нового полюса влияния – «G-2» в составе США и Китая.

Особую значимость для отношений между Россией и центральноазиатскими государствами имела грузино-российская Пятидневная война (8–12 августа 2008 г.), разразившаяся вследствие нападения Грузии на Южную Осетию и завершившаяся выходом двух самопровозглашенных республик – Южной Осетии и Абхазии – из-под юрисдикции Грузии с последующим признанием (26 сентября 2008 г.) Россией их независимости.

Как справедливо отмечает российский ученый Алексей Богатуров, события августа 2008 г. в Южной Осетии стали кульминацией массивной политической экспансии США, достигшей зоны жизненно важных интересов России в СНГ. Кроме того, этот конфликт «... знаменовал рубеж перерастания американской

экспансии в квазисиловую форму. Впервые после распада СССР Вашингтон применил тактику использования ресурса третьих стран для дестабилизации российских границ» [2].

Сотрудник Казахстанского института стратегических исследований, К.Л. Сыроежкин, в свою очередь, обращает внимание на следующее важное обстоятельство: «Незначительный по своим военным масштабам грузино-осетинский конфликт в политическом и, особенно, геополитическом плане оказался достаточно значимым. В политическом плане он легализовал весь комплекс проблем, имеющих место как в СНГ в целом, так и в России в частности. В геополитическом – в очередной раз доказал, что интеграционный проект России и Запада – иллюзия. Видеть Россию сильной и адекватно реагирующей на угрозы ее (или ее союзников) национальной безопасности Запад не желает, а вся его демократическая риторика – от лукавого. Еще большая иллюзия – интеграционный проект: Запад и постсоветские государства. В лучшем случае, они – всего лишь пешки в большой геополитической игре, в худшем – плацдарм для наступления на Россию» [3].

Российско-грузинский конфликт наглядно продемонстрировал партнерам России по Содружеству, а также действующим на постсоветском пространстве региональным и нерегиональным игрокам: Россия в целом определилась с собственными международными приоритетами, и она перешла от риторики и осторожных политических шагов к решительным действиям. Направлены они, в числе прочего, на создание на постсоветском пространстве новой реальности, которая, как полагают в России, позволит минимизировать, в том числе, и на постсоветском пространстве, многие риски и угрозы. Эта новая стратегия России распространяется и на Центральную Азию.

Что касается самих государств этого региона, то им так и не удалось пока найти адекватные ответы на многие застарелые, а также новые вызовы и угрозы, которые по значимости (иерархии) можно разделить на внутренние и внешние.

К числу *внутренних*, рожденных в самом регионе вызовов и угроз, относятся: внутривнутриполитическая нестабильность – с такими ее составляющими, как межэтническая, межклановая напряженность, существующими в каждом центральноазиатском

государстве; радикальный исламизм, готовый поднять голову в случае любой дестабилизации; «энергоразмежевание», вызванное соперничеством из-за водных и энергетических ресурсов; пограничные споры.

Разногласия из-за воды, издавна существовавшие в Центральной Азии и приглушенные во времена Советского Союза, в последнее время до крайности обострились. В частности, нешуточный политический конфликт вызвали планы возведения (при содействии российских компаний) Рогунской ГЭС в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС в Киргизии, на трансграничных водных артериях – Амударье и Сырдарье.

Данные проекты были раскритикованы президентами Узбекистана и Туркмении. Ислам Каримов, выступая 13 февраля 2009 г. на заседании правительства, выразил недоумение по поводу позиции России «...относительно строительства в сопредельных государствах гидроэнергетических объектов» [4]. А на совместной с К. Бердымухамедовым пресс-конференции в Ташкенте, где туркменский лидер побывал с официальным визитом 24–25 февраля 2009 г., президент Узбекистана назвал «...недопустимым вмешательство третьих стран в водно-энергетические проблемы Центральной Азии».

Также президент Узбекистана предложил провести под эгидой ООН экспертизу на международном уровне, чтобы можно было выявить ущерб для аграрного сектора и экологии от возведения новых гидроэнергетических объектов на Амударье и Сырдарье. В связи с этим президент Узбекистана призвал учитывать интересы его страны, а также Туркмении и Казахстана, которые расположены в низовьях трансграничных рек и всегда испытывают огромный дефицит воды [5].

Таким образом, налицо – расхождения между центральноазиатскими государствами не только по вопросу использования водных ресурсов, но и по путям достижения энергетической независимости. Оценивая эту ситуацию, киргизский аналитик Валентин Богатырев обращает внимание и на такое тревожащее его явление, наблюдающееся в центральноазиатской политике, как формирование «...своего рода нового неформального блока из двух стран, которые, очевидно, начнут быстрое сближение и займутся выстраиванием совместной политики в вопросах водопользования» [6].

Неурегулированные пограничные споры также становятся в Центральной Азии серьезным внутренним вызовом безопасности. Споры эти затрагивают большинство республик региона, но, особенно, Узбекистан, Киргизию и Таджикистан, где этническая чересполосица и отсутствие общепризнанных границ усугубляются дефицитом земельных и – что еще более важно в условиях засушливого климата – водных ресурсов, придавая периодически возникающим конфликтам отчетливо выраженную социально-экономическую окраску.

Отношения между этими тремя центральноазиатскими республиками, обострившиеся в последние годы, не исключают возникновения новых этнотерриториальных конфликтов, социальную почву для которых создают продолжающийся прирост населения и сложное социально-экономическое положение. Кроме того, конфликты здесь провоцируют сложные процессы нациестроительства и формирования государственных идеологий, компонентами которых часто становятся территориальные претензии к соседям или же притязания того или иного государства (что более всего свойственно Узбекистану) на региональное лидерство.

Не произошло смягчения *внешних* вызовов и угроз, идущих в Центральную Азию из соседних государств.

С конца 2008 г. значительно усугубил ситуацию проникший в Центральную Азию с Запада мировой финансово-экономический кризис. Более всего он ударил по странам, широко открывшимся процессам глобализации – Казахстану и Киргизии – экономики которых в условиях финансовой напряженности во всем мире оказались наиболее уязвимыми. Это дает экспертам основание прогнозировать в Казахстане снижение экономического роста.

На остальные центральноазиатские республики кризис пока большого влияния не оказал. В первую очередь, это касается Туркменистана и Узбекистана, сильно изолированные экономики которых слабо интегрированы в мировую. Но вот на странах – экспортерах рабочей силы (Киргизия, Таджикистан и тот же Узбекистан) может сказаться понижение инвестиционной активности в России и Казахстане, являющихся главными потребителями рабочей силы. В Киргизии и Таджикистане, кроме того, актуализируется проблема энергетической безопасности,

и здесь на фоне экономической, финансовой и энергетической нестабильности может произойти обострение застарелых конфликтов и противоречий.

Сохраняется в Центральной Азии и террористическая угроза, обусловленная, в числе прочего, и распространением в ряде государств региона подпитываемых извне течений и движений религиозно-экстремистской направленности. Вызов безопасному развитию центральноазиатских государств несет и региональная трансграничная преступность, но особую проблему создает одно из наиболее нестабильных государств региона – Афганистан.

В силу своего географического положения Афганистан является для США и НАТО уникальным позиционным районом для размещения стратегических военных объектов и ударных группировок. А потому под предлогом разрешения в Афганистане спровоцированного самим же Западом конфликта на его территории были созданы американские и натовские военные базы – в Кабуле, Кандагаре, Герате, Шиндане, Баграме. Благодаря своему присутствию в Афганистане на постоянной основе, США получают уникальную возможность контролировать громадную территорию азиатского «хартленда», в котором расположены Китай, Индия, Иран, государства Центральной Азии.

Если к военным объектам и группировкам вооруженных сил США, давно существующим в Японии, Южной Корее и в некоторых других странах АТР, добавить воинские контингенты и базы, размещенные в Афганистане, то обнаружится, что американский контроль над основными стратегическими объектами почти всех азиатских стран ведется как с континентальной части Азиатского материка, так и со стороны Тихого и Индийского океанов. Это позволяет использовать военное присутствие не только для декларированной «борьбы с международным терроризмом» и поимки мифического Бен Ладена, но и для манипулирования внутрирегиональными противоречиями, а также поддержки различных организаций и движений – с целью воздействия на правительства стран региона.

С того момента, как в Афганистане оказался международный контингент войск под управлением НАТО, наркотрафик из Афганистана в Центральную Азию не только не был прекращен, но и возрос. По данным общественного объединения «Антинар-

котический фронт», за последние шесть лет Афганистан стал крупнейшим производителем опиума в мире. Бывший помощник руководителя Бюро по международной борьбе с наркотиками и правоохранительной деятельности Госдепартамента США Томас Швайх утверждал, что движение Талибан финансирует себя за счет наркотиков, а лояльное к США кабульское правительство удерживает власть благодаря не только натовским штыкам, но и торговле опиумом [7].

Вскоре после 2001 г. в Центральной Азии тоже появились американско-натовские военные базы. Однако в конце июня 2005 г. с базы в узбекском Карши-Ханабаде – во исполнение решения ШОС – американцы президентом Каримовым были изгнаны. Этому предшествовал мятеж, произошедший 13 мая в узбекском городе Андижане и жестоко подавленный властями, из-за чего отношения Узбекистана с США и Евросоюзом на несколько лет оказались замороженными. А 3 марта 2009 г. президент Киргизии К. Бакиев подписал указ о закрытии авиабазы США в Манасе.

США готовы по-прежнему взаимодействовать с центральноазиатскими государствами по различным военным аспектам, но наибольшую заинтересованность они проявляют к использованию территорий этих государств для провоза невоенных грузов в Афганистан. Как подчеркнул представитель американского Департамента обороны, «...было бы логичнее и намного эффективнее для военной операции в Афганистане – иметь базы в Центральной Азии, а не на Южном Кавказе» [8].

В ЦА обострению обстановки в Афганистане, угрозе наркотрафика из региона придают огромное значение. Рассматривают здесь и возможность сотрудничества с НАТО – в целях стабилизации обстановки и борьбы с наркобизнесом.

Необходимо отметить, что сделать данный выбор некоторым центральноазиатским странам будет непросто, учитывая неоднозначные отношения России с Североатлантическим альянсом, не до конца нормализовавшиеся после обострения в августе 2008 г. Тем не менее, в июне 2009 г. Казахстан, например, планирует провести «Форум совета евро-атлантического партнерства». Такое мероприятие будет проводиться в Центральной Азии впервые, и Казахстан первым из стран региона готов эту инициативу поддержать.

НАТО при поддержке США нацеливают Казахстан на более активное участие в продолжении военной операции сил коалиции в Афганистане. Основная цель – через натовские механизмы добиться того, чтобы казахстанские военнослужащие, выведенные из Ирака, приняли участие в новой афганской операции. Нельзя не учитывать и того факта, что в нынешней ситуации глобального финансового кризиса Казахстан довольно сильно зависит от внешних займов. А для США всегда и в отношениях с любыми странами наличие удобного «финансового рычага» помогало добиваться важных уступок от правительств государств-заемщиков, в том числе – и в области военных связей. К тому же и председательство Казахстана в ОБСЕ на 2010 г. США намереваются связать с более тесными отношениями в военной сфере между Астаной и натовскими структурами. Будут ли эти планы реализованы, покажет время.

Москва готова сотрудничать с НАТО по афганской проблеме и в других областях, не допуская лишь втягивания России в военную часть конфликта. Достигнута также договоренность о транзите невоенных грузов в Афганистан через территории России и стран Центральной Азии. Транзит через Россию и центральноазиатские государства превращает эти страны в более значимых участников афганского урегулирования. Вместе с тем, российский президент Д.А. Медведев, обратив внимание на невозможность управления Афганистаном при помощи Альянса и «из-за границы», усмотрел выход из афганской проблемы в том, чтобы народу этой страны была предоставлена возможность самому «найти свой путь в демократию» [9].

Свидетельством того, что Россия вместе со своими центральноазиатскими партнерами намерена вести более активную политику на афганском направлении, явилось обсуждение проблемы Афганистана на специальном заседании министров иностранных дел ШОС, созванном 27 марта 2009 г. в Москве. По инициативе России на него были приглашены не только главы дипломатических ведомств стран-членов и наблюдателей ШОС, но и представители крупнейших международных организаций, включая ОИК и НАТО.

Вывод, к которому пришли участники дискуссии по Афганистану, состоял в том, что НАТО и США должны нести ответственность за обеспечение основ военной безопасности в Афганистане, а решение сложного комплекса социально-экономических проблем должно быть найдено в более широком международном контексте с активным участием соседей Афганистана. При этом следует учитывать, что все они, кроме Туркменистана, имеют статус членов или наблюдателей в ШОС.

Речь, следовательно, шла о том, что в Афганистане необходима не только военная победа, но и решение сложного комплекса социальных и экономических проблем. Сохранение же в Афганистане нынешних тенденций может привести к тому, что в Центральной Азии сложится такая же ситуация, как на Ближнем Востоке: наличие очага напряженности будет порождать спрос на американские услуги безопасности.

В этой связи большая доля ответственности ложится на Россию, остающуюся для стран Центральной Азии крупнейшим торговым партнером. В условиях же нынешнего международного кризиса страны этого региона и Россия рассчитывают также на совместное преодоление трудностей путем активизации регионального сотрудничества.

Надеются государства Центральной Азии на поддержку России и организаций СНГ и в сфере обеспечения безопасности. Это тем более важно в условиях снижения дееспособности и значимости международных организаций, оказавшихся втянутыми в реализацию политических планов отдельных государств или ставших инструментами вмешательства в дела суверенных государств (ОБСЕ).

Немалые надежды, в частности, возлагаются в Центральной Азии на Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), куда, помимо России и Белоруссии, входят Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Эта международная экономическая организация, наделенная функциями, связанными с формированием общих внешних таможенных границ входящих в нее стран, выработкой единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и другими составляющими функционирования общего рынка, намерена, в числе прочего, контролировать миграционные потоки и пресекать нелегальную миграцию. Таким

образом, она будет обеспечивать безопасность планируемого единого экономического пространства. Уже в наши дни в рамках ЕврАзЭС создан специальный фонд для содействия в преодолении мирового экономического кризиса.

Организация Договора о коллективной безопасности – ОДКБ (в ее состав, напомним, входят Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан) рассматривается многими странами региона как военно-политическая структура, способная в среднесрочной перспективе стать эффективным механизмом обеспечения региональной безопасности, локализовать многие угрозы и развиваться в этом направлении. Тем более, что Россия, совместно со странами Центральной Азии, ежегодно проводит антитеррористические учения, а также отрабатывает – в рамках СНГ и ОДКБ – меры по противодействию контрабанде наркотиков.

6 октября 2007 г. на саммите ОДКБ в Душанбе было подписано «Соглашение о создании коллективных миротворческих сил ОДКБ», ратифицированное к настоящему времени Россией, Казахстаном, Белоруссией и Арменией. 15 октября 2008 г. в Санкт-Петербурге министры обороны ОДКБ обсудили вопрос о создании совместной системы противовоздушной обороны. Кроме того, в 2008 г. участниками ОДКБ было проведено несколько совместных военных учений (одно – в России и два – в Казахстане).

В дополнение к этому, 4 февраля 2009 г. на заседании в Москве Совета коллективной безопасности ОДКБ было принято решение о создании Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР). Их предполагается задействовать в случае агрессии против одного из членов ОДКБ или в других чрезвычайных ситуациях. Задачей этой новой структуры безопасности станут действия по противостоянию терроризму, организованной преступности, борьбе с наркотрафиком в Центральноазиатском регионе.

Создание КСОР в рамках ОДКБ можно рассматривать как начало формирования эшелонированной системы региональной безопасности, в рамках которой ОДКБ трансформируется в многофункциональную универсальную организацию по противостоянию целому ряду вызовов и угроз.

21 марта вступил в силу Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Участниками соглашения являются Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Стороны договора берут на себя обязательства запретить производство, приобретение и развертывание на их территориях ядерного оружия и его компонентов или других ядерных взрывных устройств, не запрещая при этом развития мирной ядерной энергетики.

Договор стал первым многосторонним соглашением в области безопасности, которое охватывает все пять стран Центральной Азии.

Ныне эффективность существующих структур безопасности, действующих в Центральной Азии в рамках СНГ и ШОС, оставляет желать лучшего. Но нельзя не признать того факта, что в целом система работает. Во всяком случае, при всех издержках, связанных, главным образом, с конкуренцией или же параллелизмом в деятельности указанных структур, она позволяет не только находить консенсус по довольно сложным международным проблемам, но и практически решать актуальные вопросы обеспечения региональной безопасности.

Императивом является и то, что эти проблемы должны решаться самими государствами Центральной Азии, и только в кооперации. Если страны региона в условиях глобализации хотят сохранить реальный суверенитет, им, так же, как и России, необходимо ускорить интеграционные процессы в рамках ЕврАзЭС, ОДКБ и ШОС.

Литература

1. *Примаков Е. М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. – М.: ИИК «Российская газета», 2009. – С. 18.
2. *Богауров А.* Контрреволюция ценностей и международная безопасность // Международные процессы. – М., 2008. – Т. 6. – № 2, май-август. – С. 8.
3. *Сыроежкин К. Л.* В плену обстоятельств (эпоха многовекторной внешней политики подошла к своему логическому завершению) // Международная конференция «Внешинополитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений», состоявшаяся 4–5 ноября 2008 г. в Киргизии и организованная Общественным фондом Александра Кня-

зева. Опубликовано на официальном сайте Александра Князева // <http://www.knyazev.org>

4. И. Каримов призывает активнее защищать «водные интересы» Узбекистана // Сайт Кыргызского национального информационного агентства КАБАР, 14.02.2009 // <http://rus.kabar.kg>

5. Там же.

6. *Богатырев В.* Центральная Азия – это не место интеграции и регионализации, а место геополитического разлома // Сайт Bishkek Press news (Kyrgyzstan), 10.03.09 // <http://bpc.kg>

7. Цит. по: *Ивашев Н.* Наркотики как оружие // РБК Daily. – 2008, 10 сентября.

8. *Abbasov Shahin.* Uzbekistan: US officials negotiating a return to Uzbek air base // Eurasia Insight. – 23.03.09 // <http://www.eurasianet.org>

9. Интервью телекомпании Би-Би-Си, 29.03.09 // <http://www.kremlin.ru>

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ЕС В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО»

Р.С. Серук

Европейский Союз, определив формы регионального сотрудничества с соседями по периметру своих границ, принял соответствующие программы: «Северное измерение» – в отношении стран Северной Европы, не являющихся членами ЕС; «Средиземноморский Союз» – в отношении средиземноморских соседей ЕС; «Процесс стабилизации и ассоциации» – в отношении балканских стран.

В последнее время Европейский Союз активизирует свои действия на пространстве СНГ, свидетельством чего являются инициативы, принятые Евросоюзом: Стратегия нового партнерства в Центральной Азии; энергетический проект «Набукко»; программа «Восточное партнерство». Данные инициативы свидетельствуют о важности для Евросоюза восточного направления геополитики – с точки зрения безопасности, стабильности, экономического развития, управления и диверсификации энергоресурсов.

Следует отметить, что все три проекта преследуют, главным образом, две цели, тесно взаимосвязанные между собой:

- обеспечение энергетической безопасности ЕС, в последнее время весьма уязвимой;
- ослабление влияния России в странах СНГ, основной причиной которого является несовпадение национальных интересов и наличие противоречий между политическим руководством ряда постсоветских государств и Москвой.

В этой связи Европейский Союз, потребление энергоресурсов в котором интенсивно растет, стремится снять свою зависимость от российских углеводородных ресурсов с помощью проведения в странах Восточной Европы, Центральной Азии и Южного Кавказа политики «мягкого влияния». Это также подтверждает и анализ содержания вышеназванных инициатив ЕС, которые, в основном, направлены на страны-производители и страны-транзитёры энергоресурсов.

Программа «Восточное партнерство», впервые предложенная в мае 2008 г. и официально стартовавшая 7 мая 2009 г. в Праге

[1], предполагает политическое и экономическое сближение с Евросоюзом трех восточноевропейских (Белоруссия, Молдова, Украина) и трех кавказских (Азербайджан, Армения, Грузия) стран. Европейское партнерство не обещает этим государствам более глубокой интеграции, главным образом, оно рассчитано на подчинение ресурсов данных стран потребностям Евросоюза.

Следовательно, программа «Восточное партнерство» – это, главным образом, стремление ЕС к разрешению собственных внутренних проблем, таких, как энергообеспечение и энергобезопасность, дефицит трудовых ресурсов, создание «свободных» зон торговли за счет секторального сотрудничества с отдельными странами. Как отмечают официальные лица ЕС: «Программа «Восточное партнерство» не является инвестициями в эти страны, это – инвестиции в Евросоюз» [2].

Однако следует отметить, что, несмотря на амбициозность ЕС, практическая реализация программы «Восточное партнерство» имеет ряд проблемных моментов:

- во-первых, интересы ЕС на пространстве СНГ сталкиваются с интересами РФ в данном регионе, что, в свою очередь, может привести к разногласиям, и, возможно, к конфликтной ситуации в рамках отношений Европейского Союза и России;

- во-вторых, страны «Восточного партнерства» имеют конфликтный потенциал и вовлечены в «замороженные конфликты» (в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе и Приднестровье), «разморозка» которых может отразиться на европейской безопасности;

- в-третьих, государства СНГ не соответствуют «европейским стандартам» – по уровню развития как демократии и гражданского общества, так и экономическому, что тормозит процесс сотрудничества;

- в-четвертых, государствами «Восточного партнерства» (кроме Белоруссии и Украины) не ратифицировано Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), принятое в 1999 г. на Стамбульском саммите ОБСЕ. В перспективе это позволяет им допускать на свои территории вооруженные силы США и НАТО, не имея при этом никаких обязательств относительно их мониторинга перед подписавшими ДОВСЕ странами (Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина).

Тем не менее, как отмечено в документе, страны Восточной Европы и Южного Кавказа определены Евросоюзом зоной «жизненно важных интересов» [3], в связи с чем и была предложена данная программа.

Следует отметить, что толчком к скорейшему принятию данного проекта стала пятидневная война на Кавказе в августе 2008 г., отразившаяся на отношениях между Западом и Россией. После этих событий ЕС и США вынуждены были искать новые средства нейтрализации роста российского влияния на Южном Кавказе. На чрезвычайном саммите ЕС, посвященном «ситуации в Грузии», который был созван после окончания военных действий в Южной Осетии (сентябрь 2008 г.), была принята резолюция о необходимости «...оказать поддержку региональному сотрудничеству и укрепить отношения с восточными соседями на основе политики добрососедства, инициативы «Черноморская синергетика» и «Восточное партнерство» [4].

Таким образом, вдоль российской границы Европейским Союзом создается «буферная зона» – путем привлечения восточноевропейских и южнокавказских государств в евроатлантическое пространство. Тем самым, обеспечивается пояс безопасности вокруг центра европейской интеграции.

У участников «Восточного партнерства» новая идея Евросоюза вызвала неоднозначную реакцию. С одной стороны, эти страны считают Евросоюз «надеждой на лучшую перспективу», с другой – некоторые государства (в частности, Украина, Молдова и Грузия) были обеспокоены тем, что «Восточное партнерство» станет альтернативой их членству в ЕС.

В целом для государств-партнеров европейская инициатива выгодна с двух позиций: в целях диверсификации их внешней политики, и с точки зрения появления контрбаланса российского влияния в регионе. Необходимо отметить, что государства Восточной Европы и Южного Кавказа рассматривают европейское партнерство как возможность получить для себя от сотрудничества с ЕС как экономические, так и политические выгоды. В связи с этим целесообразно рассмотреть особенности каждой страны – участницы «Восточного партнерства».

Азербайджан. В программе европейского партнерства одна из четырех платформ посвящена энергетике. В этой связи Евросоюз

делает акцент на то, что Азербайджан является «...единственным участником «Восточного партнерства», который экспортирует углеводороды в ЕС» [3]. Следовательно, для Баку восточная программа ЕС – это, в первую очередь, возможность усиления своих позиций в глобальной энергетической политике и расширение потенциала экспорта на европейском рынке энергоресурсов.

Европа рассматривает Азербайджан в качестве важного партнера по проекту «Набукко», практическая реализация которого крайне необходима для ЕС. В то же время, азербайджанское руководство расценивает проектируемый проект «Набукко» как один из альтернативных путей экспорта своих углеводородных ресурсов.

В целом, Азербайджан ведет успешную политику балансирования между Россией, Западом, Турцией, а также Ираном. Кроме того, используя свои преимущества – выгодное географическое расположение и наличие углеводородных ресурсов – этой кавказской стране удастся лавировать между конкурирующими газопроводными проектами – «Набукко» и «Южный поток».

Армения. «Восточное партнерство» даст Республике Армения, главным образом, выход из политической изоляции и возможность диверсифицировать внешнюю политику в условиях дефицита предложений к участию в региональных и глобальных проектах. Как известно, Армения на протяжении многих лет остается стратегическим союзником России в Закавказье, в том числе, и партнером по ОДКБ. При этом «пассивность» Запада по отношению к Армении в последние годы сменилась на активизацию политики США, ЕС и Турции в этой кавказской стране. Скорее всего, это обусловлено необходимостью урегулирования отношений между Арменией и Азербайджаном в целях обеспечения безопасности нефте- и газопроводов.

В связи с этим наблюдается:

- «потепление» в отношениях Анкары и Еревана;
- активизация США в процессе урегулирования карабахского конфликта;
- осуществление Анкарой посреднической деятельности в армяно-азербайджанских переговорах по Нагорному Карабаху;
- активизация деятельности ЕС в Армении и привлечение её в «Восточное партнерство».

Таким образом, интенсификация деятельности ЕС в этой стране направлена на открытие армяно-турецкой границы и разрешение «замороженного» карабахского конфликта – с целью обеспечения альтернативного доступа к энергоресурсам Каспийского региона и стран Центральной Азии, а также дополнительного маршрута к Афганистану, не зависящего от «российских амбиций».

В этой связи европейскую инициативу можно считать «прагматичным шагом» Запада, рассчитанным также и на Армению, путем включения её в члены «Восточного партнерства».

Белоруссия. В экономическом плане участие в инициативе ЕС для Белоруссии весьма выгодно. Кроме того, «Восточное партнерство» в определенной степени повышает политический статус Белоруссии на международной арене. С учетом представившихся возможностей, в последнее время Белоруссия ведет игру на тонком балансе сил между Брюсселем и Москвой. Основываясь на своей «многовекторной политике», официальный Минск пытается строить «добрые отношения» как с ЕС, так и с РФ. При этом, впрочем, в последнее время наблюдается тенденция потепления отношений между Белоруссией и Евросоюзом и, наоборот, ухудшение таковых с Россией.

Так, например, с прошлого года Белоруссия активизировала свои отношения с Западом, для чего провела в стране некоторые демократические преобразования (освобождение политзаключенных). Это «сближение» отразилось на ее отношениях с Россией, что повлекло за собой «торговые войны». После официального старта «Восточного партнерства» в белорусско-российских отношениях произошел (политизированный) «молочный конфликт» [5]. Напомним, 6 июня 2009 г. Россия запретила ввоз около 1400 видов молочной продукции из Белоруссии, объяснив это тем, что производители не переформили разрешительную документацию в соответствии с требованиями технического регламента, вступившими в силу еще в декабре 2008 г.

Ответным шагом Белоруссии явилось трехдневное перекрытие газопровода в Литву, что принесло России определенные убытки.

Несмотря на такое давление со стороны России, заинтересованность белорусского руководства в инициативе ЕС «Вос-

точное партнерство» является важным прагматичным шагом в политике Белоруссии. От европейского партнерства Белоруссия ожидает:

- расширения торгово-экономической деятельности страны;
- установления более тесных связей с ЕС, что усилит позицию Белоруссии в отношениях с РФ.

Также перспективными для Белоруссии направлениями в рамках европейского партнерства являются: развитие энергетического сектора, в частности, малой и возобновляемой энергетики, и торговля сельскохозяйственной продукцией. К примеру, создание зон свободной торговли, предусмотренное в «Восточном партнерстве», способствовало бы росту экспортоориентированной экономики Белоруссии. Однако данное направление может столкнуться с интересами других европейских стран, обеспечивающих европространство сельхозпродукцией, особенно это касается прибалтийских государств, а также Польши, Голландии, Дании и др.

Европейский Союз, в свою очередь старается использовать Белоруссию в своих геополитических интересах, главным образом, стремясь добиться переориентации белорусской внешней политики. ЕС, ранее критиковавший Минск за отсутствие подвижек в области демократии, прав человека и верховенства закона, в феврале 2009 г. признал демократический прогресс в этой стране и официально включил Белоруссию в «Восточное партнерство».

Грузия, Молдова, Украина: для этих стран «Восточное партнерство» стало своего рода ответом на вопрос о следующем этапе расширения ЕС и их вступлении в Евросоюз и НАТО. Если вначале этим странам «Восточное партнерство» представлялось «воротами» в ЕС и НАТО, то после майского саммита в Праге, где представителями Европейской комиссии были четко разъяснены планы Евросоюза, не предусматривающие в ближайшей перспективе приема новых членов, ожидания этих трех претендентов не оправдались.

Тем не менее, Грузия, Молдова и Украина акцентируют внимание европейских официальных лиц на существующем прогрессе в направлении евроинтеграции в своих странах, считая при этом самым главным направлением своей внешней политики членство в ЕС и Североатлантическом альянсе.

Грузия. Для грузинского руководства США, НАТО и ЕС являются основным противовесом российскому политическому и экономическому влиянию на Кавказе. Запад, в свою очередь, рассматривает Грузию в качестве важного стратегического объекта, обеспечивающего путь из Причерноморского региона – в Каспийский, а также в Центральную Азию.

Несмотря на то, что Европа отказала Грузии в членстве в ЕС в обозримой перспективе, Тбилиси по-прежнему не теряет надежды и старается найти собственные выгоды из «Восточного партнерства»:

- во-первых, для Грузии остается приоритетным статус «государства-транзитера энергоресурсов». В этой связи реализация проекта «Набукко» может усилить стратегическое значение Грузии, по территории которой в среднесрочной перспективе пройдет газопровод;

- во-вторых, предусмотренный в «Восточном партнерстве» режим свободной торговли даст новые возможности для инвестирования в Грузию, что позволит частично снизить социальную напряженность и обеспечить новые рабочие места;

- в-третьих, либерализованный режим в рамках «Восточного партнерства» откроет гипотетическую возможность и для грузинского экспорта сельскохозяйственной продукции, в частности, вина и цитрусовых.

Молдова. Позиция сегодняшнего руководства Молдовы во главе с президентом В. Ворониным по отношению к «европейскому сближению» весьма пессимистична. По мнению молдавского президента, «Восточное партнерство» похоже на кольцо вокруг России, которое напоминает СНГ под контролем ЕС» [6].

Скорее всего, такая позиция связана с осторожной политикой Кишинева, направленной на параллельную интеграцию в рамках как ЕС, так и СНГ. Несмотря на это, основным приоритетом внешней политики Молдовы является вступление в ЕС и НАТО, а замена будущего членства в этих организациях на европейскую инициативу не вызывает у них удовлетворения.

С другой стороны, оценивая «Восточное партнерство» в качестве европейской перспективы, Кишинев считает свою кандидатуру более «европеизированной» и достигшей прогресса в направлении евроинтеграции, нежели Армения, Грузия и

Азербайджан [6]. Следовательно, от европейского партнерства Кишинев, в первую очередь, ожидает:

- дотаций Евросоюза;
- экономических выгод, в частности, открытия границ ЕС для трудовых мигрантов из Молдовы;
- содействия ЕС в разрешении Приднестровской проблемы.

Таким образом, Молдова, являющаяся одной из беднейших стран в мире, более склоняется к европейскому вектору, рассчитывая с помощью Румынии стать постоянным членом ЕС. При этом для Запада она может быть привлекательна в качестве стратегического объекта в борьбе с Россией за геополитическое влияние.

Украина. Украина была наименее удовлетворена предложенной ЕС инициативой. Причина – в том, что она считала себя уже подготовленной для вступления в Евросоюз, в особенности, в сравнении с партнерами по восточной инициативе. Однако заявление комиссара ЕС по вопросам внешних отношений и европейской политики соседства, Бениты Ферраро-Вальднер, по поводу того, что на данном этапе ни Украина, ни члены ЕС не готовы к приему её в свои ряды, подтолкнули Киев к пересмотру своих взглядов в рамках «Восточного партнерства».

Первым амбициозным действием Украины явилось ее решение стать лидером в данном проекте. Кроме того, она ожидает от восточной программы подготовки и осуществления соглашения об ассоциации Украины и ЕС, что может способствовать ее интеграции в единое энергетическое пространство. Так, Киев стремится модернизировать украинскую газотранспортную систему и завершить проект евро-азиатского нефтетранспортного коридора на базе нефтепровода Одесса – Броды.

В целом, главной целью в европейско-украинских отношениях является недопущение роста российского влияния и давления, в частности, в области обеспечения энергетической безопасности. Особо это актуализировалось после российско-украинского газового конфликта 2008–2009 гг., события которого оказали дестабилизирующее воздействие как на украинскую экономику, так и на энергетический рынок европейских стран, и способствовали принятию мер, направленных на поиск возможности диверсификации поставок энергоресурсов из Ближнего Востока и Центральной Азии.

В связи с произошедшим, Европа опасается ненадежности Украины как партнера, а Украина, в свою очередь, опасается нежелательного для неё поиска Евросоюзом альтернативных путей. На данном этапе Украина, являющаяся важной транзитной страной, получает от этого серьезные политические и экономические дивиденды.

* * *

Если рассматривать позицию России в связи с активизацией деятельности ЕС и укрепления его сотрудничества со странами СНГ, то следует отметить, что европейская политика, безусловно, идет вразрез со стратегическими интересами России на постсоветском пространстве, что вызывает у Кремля настороженность.

Следует отметить, что, несмотря на то, что проект «Восточное партнерство» представлен в качестве общей идеи Евросоюза, основными его инициаторами являются Польша и Швеция. По нашему мнению, польская сторона лоббирует собственные интересы, связанные, в первую очередь, с напряженностью в польско-российских взаимоотношениях, а также с амбициозностью Польши и её желанием играть одну из лидирующих ролей в Евросоюзе. По всей вероятности, преследуя данную цель, Польша и выдвинула инициативу «Восточное партнерство», намереваясь под эгидой ЕС расширить собственную политико-экономическую сферу влияния на постсоветском пространстве, противопоставив её Москве.

В этой связи можно выделить следующие интересы польской стороны:

- противодействие построению газопровода «Северный поток», могущего усилить зависимость Европы от России;
- поддержание строительства газопровода «Набукко», который пойдет в обход территории РФ;
- продвижение проекта «Amber», согласно которому, газопровод из России в Европу предполагается проложить через территории Эстонии, Латвии, Литвы и Польши.

Что касается Швеции, то она изначально не поддержала строительство газопровода «Северный поток», так как оно может повредить рыболовству и экологической ситуации в Балтийском море. Кроме того, особую опасность, по мнению шведской сторо-

ны, представляют захоронения химического оружия гитлеровской Германии. Данная позиция Швеции нашла отклик у Варшавы, что, по всей вероятности, и способствовало сближению интересов двух стран и инициированию ими проекта «Восточное партнерство».

В целом все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что внутривосточная ситуация в Европейском Союзе не имеет внутреннего единства. Это выразилось в пассивности многих стран, особенно «старой Европы», по отношению к проекту «Восточное партнерство», а также в его незначительной финансовой составляющей.

Однако, для Евросоюза этот проект выгоден – с точки зрения его геополитического и геостратегического значения, что, по всей вероятности, и способствовало его принятию государствами ЕС. Кроме того, «Восточное партнерство» имеет стратегическое значение и для Соединенных Штатов Америки, поскольку поддержка европейской инициативы обеспечивает Вашингтону укрепление уровня его влияния и контроля, в особенности в области поставок энергоресурсов.

Таким образом, «Восточное партнерство» является формой сотрудничества со странами, которые желают, но не могут стать равноправными членами Евросоюза. В то же время, для Запада эти страны имеют геополитическое значение, поскольку являются рынками сбыта, источниками сырья и важным военно-стратегическим плацдармом на материке.

Хотя на страны Центральной Азии «Восточное партнерство» и не распространяется, к казахстанским внешнеполитическим ориентирам оно имеет непосредственное отношение. Следовательно, развитие каких-либо негативных тенденций во взаимодействиях стран ЕС и НАТО с Россией, теоретически могущих отразиться и на странах Центральноазиатского региона, для Астаны является нежелательным.

Кроме того, необходимо отметить, что Казахстан, являющийся коллективным кандидатом СНГ на посту председателя Организации Договора о коллективной безопасности, в период председательства будет сталкиваться с вопросами, касающимися ДОВСЕ и проблемы замороженных конфликтов. В этой связи в процессе председательства РК в ОБСЕ встанут вопросы,

касающиеся эффективности работы Минской группы ОБСЕ и ратификации адаптированного ДОВСЕ 1999 г., поскольку эти проблемы непосредственно связаны с государствами – участниками «Восточного партнерства».

В целом, восточная инициатива ЕС была продиктована обострением ситуации на пространстве СНГ, во многом связанным с вопросами транзита и экспорта энергоресурсов в страны Европы. Следовательно, интенсификация ЕС на постсоветском пространстве может способствовать возникновению в Казахстане и странах ЦА следующих рисков и вызовов:

- роста геополитической напряженности, в связи с поддержкой Евросоюзом ряда стран СНГ;
- угрозы безопасности транспортировки углеводородного сырья – в связи со столкновением интересов РФ и участников «Восточного партнерства» и, соответственно, ЕС и США;
- дезорганизации ОДКБ, СНГ, ЕврАзЭС – в связи с «европейской направленностью» некоторых членов данных организаций.

Тем не менее, несмотря на существующие риски, для Республики Казахстан и центральноазиатских стран «Восточное партнерство» имеет и положительное значение. Это связано с тем, что с официальным стартом восточной инициативы была конкретизирована позиция Евросоюза по отношению к странам, расположенным восточнее от границ ЕС.

Речь идет о том, что, несмотря на придание Брюсселем особой важности процессам геополитического сближения с соседними государствами и регионами, в ближнесрочной перспективе расширения ЕС за счет стран бывшего СССР не планируется, также не предвидится и приема новых членов в состав НАТО. Данная политика определяет развитие партнерских отношений Евросоюза со странами постсоветского пространства, при этом становится ясным, что страны, входящие в программу «Восточное партнерство», в рамках европейской стратегии имеют для ЕС большое значение.

Литература

1. Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit. – Prague, 7 May 2009 // <http://www.consilium.europa.eu>

2. Восточное партнерство для Беларуси начинается с отметки, ниже нулевой // <http://naviny.by>
3. Сообщение Европейской комиссии для европейского парламента и Совета Европы // <http://ec.europa.eu>
4. Крылов А. Кавказ: новые возможности и новые вызовы России // <http://www.otechestvo.org.ua>
5. ЕС предложил Белоруссии отдать ключевые промышленные объекты за кредит // <http://www.kasparov.ru>
6. «Восточное партнерство» ЕС похоже на кольцо вокруг России. Интервью газете «Коммерсант» президента Молдавии В. Воронина // <http://www.kommersant.ru>

ВЗАИМОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Л.А. Тимофеевко

На сегодняшний момент одним из центров силы на Южном Кавказе остается Россия, от которой во многом зависит уровень стабильности и безопасности в регионе.

Как известно, по территориям государств Южного Кавказа проходят важные энергетические и транспортные маршруты, в функционировании которых заинтересованы, в первую очередь, западные державы. В то же время, Закавказье является зоной повышенной конфликтности, что несет непосредственную угрозу безопасности южным регионам России.

В этой связи РФ стремится сохранять свое геополитическое влияние на страны региона, а также оказывать воздействие на условия сотрудничества закавказских государств с республиками Центральной Азии – с одной стороны, и с Ираном, Турцией и ЕС – с другой.

В настоящее время на Южном Кавказе сталкиваются геополитические интересы России и США, а также России и ЕС. Данный регион представляет стратегическое значение и для региональных держав – Ирана и Турции, а также для государств Центральной Азии. Это обстоятельство объясняется тем, что по территории Южного Кавказа, расположенной между Черным и Каспийским морями, проходят важные коммуникационные магистрали, имеющие большое значение как для военно-политической, так и для торгово-экономической сферы.

Рассмотрим факторы, определяющие особое положение Южного Кавказа, более подробно:

- *энергетический* – создание системы альтернативных маршрутов по доставке углеводородов из Каспийского региона напрямую зависит от степени вовлеченности государств Южного Кавказа в реализацию и функционирование проектов, предполагающих интеграцию систем нефте- и газопроводов между ЕС, причерноморскими и прикаспийскими государствами. Определяющее значение имеет и уровень стабильности и безопасности в регионе, по территории которого на мировые рынки пройдут энергетические маршруты;

- *военно-политический* – испытывая значительное влияние со стороны таких региональных лидеров, как Россия, Иран и Турция, Южный Кавказ также тесно взаимодействует с западными странами, что приводит к столкновению интересов обозначенных геополитических игроков. Помимо этого, Армения входит в состав членов ОДКБ. С другой стороны – все страны Южного Кавказа поддерживают контакты с НАТО в рамках программы «Партнерство во имя мира», что также усиливает противостояние России и Запада в регионе. Также необходимо отметить, что Кавказ в целом отличается своей межгосударственной и этнополитической нестабильностью и взрывоопасностью, как результат – регион находится в центре внимания военно-политических организаций;

- *транспортно-коммуникационный* – территории стран Южного Кавказа являются ключевым звеном в таких транспортно-коммуникационных проектах, как ТРАСЕКА и «Север – Юг». При этом следует отметить, что на данном направлении происходит пересечение интересов: стран Запада – с одной стороны, России и Ирана – с другой.

Как известно, Южный Кавказ подвергается влиянию не только внешних, но и внутренних факторов, которые, в свою очередь, и определяют позиции России в регионе. Продолжающееся противостояние Азербайджана и Армении по вопросу Нагорного Карабаха повышает роль Российской Федерации на Кавказе – в качестве медиатора по урегулированию конфликта. Однако партнерские отношения между Азербайджаном и Грузией, ориентирующимися в своей внешней политике на страны Запада, позволяют США и ЕС реализовывать свои стратегические задачи в сфере энергетики и транспорта.

Данное обстоятельство противоречит интересам России, пробуждая в ней стремление уменьшить степень эффективности открывающегося коридора возможностей для западных стран.

В целом следует отметить, что территория Южного Кавказа представляет собой сложное переплетение внутренних конфликтов и противоречий. В сложной геополитической ситуации, сложившейся в результате происходящих на Южном Кавказе процессов, Россия продолжает занимать значительное место. При этом сами государства региона демонстрируют неоднозначность своих отношений к РФ, которые варьируются от лояльности

Армении и прагматизма Азербайджана до открытого военно-политического противостояния со стороны Грузии.

Взаимоотношения с Азербайджаном. Одной из приоритетных задач, стоящих перед Россией на Кавказе, является поддержание стабильных партнерских отношений с Азербайджаном. Здесь необходимо отметить, что Баку стремится развивать тесное сотрудничество с Западом, что выражается в присоединении Азербайджана к проекту ЕС «Восточное партнерство», предназначенного для сближения европейского сообщества с такими странами, как Армения, Грузия, Молдавия, Белоруссия и Украина. Также Азербайджаном была подписана Декларация по созданию энергосистемы «Южный коридор» [1], нацелившейся на реализацию проекта «Набукко».

Исходя из вышесказанного, Москва предпринимает попытки привлечь Азербайджан к разрешению вопросов энергетической безопасности. Для этого Россия укрепляет стратегическое партнерство с Азербайджаном в нефтегазовой отрасли, делая ставку на увеличение пропускной способности нефтепровода Баку – Новороссийск, а также рассматривает возможности сотрудничества в газовой отрасли.

Стороны начали согласовывать условия поставок азербайджанского газа по маршруту Баку – Ново – Филя, которые должны начаться с января 2010 г. Было достигнуто соглашение о покупке у Азербайджана 500 млн. куб. м газа, который пойдет на юг России, соответственно, высвободившиеся объемы можно будет поставлять на европейский рынок. Данное обстоятельство вносит дополнительные сложности в вопрос о наполняемости газопровода «Набукко». Однако это будет в полной мере соответствовать интересам России, выступающей против создания обходной системы энергомаршрутов.

Таким образом, в своих взаимоотношениях с Азербайджаном РФ ставит перед собой задачу – не только сохранить вовлеченность Азербайджана в зону влияния России, но и уменьшить стремление Баку к проведению прозападной политики, прежде всего, в сфере энергетики, что будет способствовать увеличению доли азербайджанского углеводородного сырья в российской системе трубопроводов.

Важным аспектом двусторонних отношений остается сфера безопасности, где РФ стремится выступать в качестве гаранта

стабильности. Нужно отметить, что деятельность России, касающаяся вопроса урегулирования проблемы Нагорного Карабаха, способствовала установлению положительной динамики в переговорах между Баку и Ереваном. При этом следует заметить, что, хотя произошедшие перемены не ликвидировали вооруженных столкновений на границе и не сформулировали обоюдодоприемлемого варианта устранения противоречий, диалог, формирующийся между Азербайджаном и Арменией, позволяет оговаривать условия, при которых заключение рамочного соглашения по НКР – возможно.

Среди участников Минской группы РФ обладает наибольшим влиянием на проходящие в зоне конфликта процессы, что позволяет стране укреплять позиции в качестве ведущего игрока в Кавказском регионе. Следует отметить, что, хотя вероятность возобновления боевых действий и сохраняется, однако существует ряд причин, препятствующих эскалации конфликта:

- прецедент грузино-южноосетинского столкновения продемонстрировал Азербайджану возможные последствия, могущие возникнуть в случае его вооруженного вторжения в НКР;
- постоянное наблюдение международного сообщества в лице Минской группы ОБСЕ за состоянием взаимоотношений конфликтующих сторон, а также предпринимаемые попытки установления конструктивного диалога между Азербайджаном и Арменией;
- фактор российского присутствия в регионе, а также вовлеченность России в процесс разрешения конфликта – при сохранении дружественных отношений как с Баку, так и с Ереваном;
- внутривнутриполитическая обстановка в обозначенных государствах, где для сохранения политической стабильности в стране возникает необходимость в использовании административных ресурсов.

Так как Баку проводит политику балансирования между западными странами и Россией, то через взаимоотношения с Азербайджаном Москва стремится изменить ситуацию в свою пользу, и, тем самым, закрепить свои позиции на Кавказе.

Взаимоотношения с Арменией. Особое внимание уделяется Москвой военно-политическому сотрудничеству с Ереваном. Стратегическое партнерство России и Армении позволяет РФ выступать в качестве гаранта стабильности в урегулировании нагорно-карабахской проблемы, что положительно отражается на региональной безопасности.

Стоит отметить, что в результате военных действий, имевших место между Россией и Грузией, влияние США в регионе частично уменьшилось, в то же время, произошла активизация политики Турции на Южном Кавказе. При этом для Турции первоочередной задачей стало устранение возможных трений с Россией, вследствие чего была выдвинута инициатива по созданию Платформы стабильности и безопасности на Кавказе, предполагающая урегулирование нагорно-карабахской проблемы.

Повышенное внимание Анкары к данному региону вызвано нестабильностью ситуации в Грузии, поскольку это обстоятельство вынуждает Турцию к стремлению гарантировать себе сохранение трубопроводного сообщения с Азербайджаном – для поставок сырья из Каспийского региона. Исходя из этого, Турция рассматривает возможность возобновления отношений с Арменией, по территории которой, в случае ухудшения военно-политической обстановки в Грузии, возможно, пройдет альтернативная ветка маршрута трубопровода [2].

Необходимо отметить, что обозначенная перспектива может быть воспринята Ереваном положительно, так как это значительно повысит роль Армении на международной арене.

В свою очередь, Ереван продолжает развивать сотрудничество с Ираном, где, в отличие от потенциальных проектов с Турцией, уже реализуются реальные энергетические и транспортные проекты, в число которых входят строительство газопровода и железной дороги Иран – Армения [3].

Таким образом, в случае нормализации отношений с Турцией и успешного завершения совместных проектов с Ираном у Армении появится возможность не только выйти из географической изоляции, но и проводить более самостоятельную внешнюю политику, независимую от России. При необходимости развитие партнерских отношений с Тегераном и Анкарой позволит Еревану отказаться от положения форпоста России на Южном Кавказе.

По нашему мнению, хотя в данный момент восстановлению контактов между Арменией и Турцией РФ не препятствует, в среднесрочной перспективе Москва постарается не допустить вовлечения Еревана в орбиту западных интересов через возобновление диалога с Анкарой.

Нужно отметить, что в настоящее время Ереван продолжает ориентироваться на Москву, в особенности, в вопросах обеспечения безопасности. Решение России и Армении создать объединенную систему ПВО, аналогичную существующей между Россией и Белоруссией, а также формирование Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) в рамках ОДКБ позволит Армении снизить уровень угрозы со стороны «недружественных стран».

Заинтересованность Армении в скорейшем формировании КСОР свидетельствует о необходимости сохранения военно-политического союза двух государств. Для российской стороны это означает потенциальную готовность выступить в защиту безопасности Армении, как члена ОДКБ (в случае осложнения ситуации в Нагорном Карабахе).

Однако, подобный вариант развития событий с учетом напряженности, сохраняющейся в Грузии, может пошатнуть позиции России в регионе. Исходя из этого, РФ будет прилагать максимум усилий для мирного разрешения проблемы, чтобы избежать возможности быть вновь втянутой в вооруженный конфликт.

Таким образом, стремление РФ сотрудничать с Арменией продиктовано: во-первых, отсутствием других альтернатив, так как Грузия и Азербайджан тяготеют к Западу; во-вторых, необходимостью укрепления геополитических позиций на Кавказе.

Взаимоотношения с Грузией. На сегодняшний момент по отношению к Грузии Россия продолжает придерживаться внешнеполитического курса, сложившегося после августовских событий 2008 г. Выделим основные моменты, характеризующие современное состояние российско-грузинских отношений:

- сохраняющаяся напряженность и отсутствие конструктивного диалога между лидерами двух государств;
- обоюдная готовность перейти к более жестким мерам разрешения существующих противоречий;
- участвовавшие обвинения в провокационных действиях – как с грузинской, так и с российской стороны;
- преобладание в двусторонних отношениях Москвы и Тбилиси военной составляющей.

Нужно отметить, что, несмотря на проведение совместных переговоров в Женеве, в настоящее время конфликтующие стороны продолжают рассматривать односторонние варианты разрешения

ситуации, о чем свидетельствуют как заминка, произошедшая на проходивших в мае женевских консультациях, так и напряженность, сохранявшаяся на июльской сессии женевских дискуссий [4].

Следует также выделить тот факт, что и Россия, и Грузия не стремятся до конца выполнять свои обязательства по выводу войск из зоны конфликта. Исходя из этого, актуализируется вопрос о дополнительных гарантиях и мерах контроля за соблюдением положений документа Д. Медведева – Н. Саркози. Сведение диалога с участием России и Грузии к обсуждению вопросов военного характера повышает вероятность повторения августовских событий, что лишь увеличивает уровень напряженности в регионе и препятствует деятельности международных институтов, направленной на урегулирование конфликта.

Помимо этого, существенное влияние на развитие отношений между Тбилиси и Москвой оказывает внутривнутриполитическая обстановка в Грузии. Растущее недовольство оппозиции, а также инцидент, произошедший на военной базе в Мухровани, дестабилизировали обстановку в стране, усугубив кризисные явления в сфере экономики и политики.

Официальный Тбилиси теряет поддержку со стороны населения, а также западных партнеров, что приводит к ослаблению власти в Грузии. Однако на данный момент движение оппозиции не в состоянии воспользоваться ситуацией в полной мере – в силу недостаточной кооперации среди оппозиционных партий.

Дополнительные сложности во взаимоотношениях между двумя государствами возникли в связи с проведением на территории Грузии военных учений НАТО, носивших явный геополитический подтекст. Негативная реакция на проводившиеся учения со стороны Москвы свидетельствует о растущем недоверии во взаимоотношениях между Россией и Альянсом.

Нужно также отметить, что данные учения были неоднозначно восприняты и мировым сообществом, что привело к отказу со стороны некоторых стран-участниц, в том числе, Казахстана и Армении, принимать в них участие.

«Ответной реакцией» Москвы на учения, проведенные НАТО, стало подписание с Абхазией и Южной Осетией двусторонних соглашений о совместных усилиях по охране государственной границы, а также проведение в Юго-Западном регионе страны

оперативно-стратегических учений «Кавказ-2009». Обозначенные мероприятия явились попыткой России восстановить баланс сил в зоне конфликта.

Таким образом, основные положения политики РФ на грузинском направлении заключаются в следующем:

- политической и военной поддержке непризнанных республик – Абхазии и Южной Осетии;
- нежелании сотрудничать с находящимся у власти руководством Грузии;
- слабом взаимодействии с международными структурами – в связи с недостаточной эффективностью их деятельности, направленной на урегулирование российско-грузинского конфликта.

Следует также отметить, что курс, проводимый Россией, имеет следствием обострение отношений с западными странами. Однако, несмотря на это, Москва не намерена трансформировать свою политику по отношению к Грузии в ближайшей перспективе.

* * *

На современном этапе Россия продолжает играть роль важнейшего центра силы на территории Южного Кавказа. При этом следует отметить, что еще никогда со времен распада Советского Союза ее влияние в регионе не было столь ощутимым [5].

Не вызывает сомнений, что в среднесрочной перспективе Россия не станет кардинально менять свой внешнеполитический курс по отношению к странам Кавказа. При этом она постарается сохранить свое геополитическое влияние в регионе, что соответствует основным принципам внешней политики этой страны.

Литература

1. Prague Summit Southern Corridor May 8, 2009 // <http://www.avrupa.info.tr>
2. Турция и Армения разработали план нормализации двусторонних отношений // <http://www.lenta.ru>
3. Иран намерен наращивать преимущественно экономическое сотрудничество с Арменией // <http://www.regnum.ru>
4. Россия и Грузия берут последнее слово // Коммерсантъ. – 2007, 1 июля. – № 116 (4171).
5. Чартуридзе Л. Здесь не нужно Пророка: война и мир на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 1 (61). – С. 12.

Секция II ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУСТОРОННЕГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ПЕРСПЕКТИВЫ ОТНОШЕНИЙ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ РОССИЯ – КИТАЙ – КАЗАХСТАН (ФАКТОР КРИЗИСА)

В.В. Мухеев

В условиях мирового финансового кризиса экономика становится во все большей степени связанной с безопасностью. Сегодня обеспечение национальной безопасности в ЦА и перспективы взаимодействия наших трех стран во многом зависят от того, как мы сможем сотрудничать в условиях кризиса.

В этом выступлении предпринята попытка, на основе анализа динамики и перспектив развития кризисной ситуации в наших странах, порассуждать о дальнейшем сотрудничестве в треугольнике Россия – Китай – Казахстан.

1. Влияние финансового кризиса на Россию

Влияние мирового финансового кризиса на Россию – нарастает. Экономическая и финансовая ситуация продолжают ухудшаться. Российская экономика еще не достигла «дна своего падения». Скорость этого падения пока еще тормозится большими валютными резервами. Если экономическая ситуация в ведущих странах – США, ЕС и Японии – до момента исчерпания золотовалютных резервов России не выправится, то РФ ожидают глубокий экономический кризис и опасные для политической стабильности социальные потрясения.

В России не сразу осознали всю глубину финансового кризиса и его опасность для страны. Например, в разработанной правительством антикризисной по своей сути программе, одобренной 7 ноября 2008 г., слово «кризис» отсутствовало. И только 20 ноября 2008 г., на съезде Единой России, российские руководители признали наличие в стране финансового и экономического кризиса.

Финансовый кризис выявил уязвимость нынешней модели российской экономики. Появилась угроза социальной нестабильности – как реакция населения на сокращение зарплат и увольнение.

Политическая ситуация в России продолжает оставаться *неопределенной*. Прямой угрозы власти пока не существует, но длительное по времени углубление экономического кризиса может вызвать и кризис политический.

В Москве начинают обсуждать необходимость политической реформы, которая бы обеспечила представительство во власти интересов широких слоев мелкого и среднего бизнеса и среднего класса, как основы выработки действенных мер по выходу из кризиса.

Состояние и ближайшие перспективы *российской экономики* также остаются неопределенными. Прогнозы постоянно меняются.

В 2009 г. экспертное сообщество ожидает замедления или вообще прекращения роста ВВП: от плюс 3% роста до 0-го уровня – по мнению экспертов-оптимистов, и до спада в минус 4–6% – по оценкам экспертов-пессимистов.

Финансовый кризис разгоняет инфляцию. По официальным данным, в 2008 г. она составит 13%, по оценкам экспертов – около 30%. В 2009 г. прогнозируется дальнейший ее рост.

Мировой финансовый кризис высветил слабость и уязвимость российского фондового рынка. К концу сентября выявилось, что российский рынок не имеет ресурсов защиты от мирового кризиса. Капитализация российского фондового рынка уменьшилась в 3 раза. Иностраный капитал стал стремительно продавать акции российских компаний и выводить деньги из страны. Вслед за фондовым рынком нарастающие потери несет банковский сектор. Отток капитала за время кризиса превысил 100 млрд. долл.

Более 50% израсходованных валютных резервов пошло на поддержание плавного падения курса рубля, и, тем не менее, рубль с начала августа 2008 г. до конца марта 2009 г. подешевел почти на 50%. Остальные резервные средства пошли на поддержку банковской ликвидности. В России нарастают ожидания дальнейшей девальвации рубля – до 50 руб. к осени 2009 г. Люди скупают доллары и стремятся вывести их за рубеж.

Правительство старается погасить ажиотажный спрос на валюту за счет вбрасывания в экономику золотовалютных резервов. Если темпы расходов резервов на поддержку курса рубля и банковской ликвидности сохранятся, то можно подсчитать, что валютных запасов и средств резервного фонда России хватит на полгода – год. Если за это время мировая ситуация не выправится, Россию ждет действительно глубокий социально-экономический кризис.

Финансовый кризис обострил проблему задолженности российских нефтегазовых и финансовых корпораций: их долг вырос с 464 млрд. долл в начале года до примерно 530 млрд. долл. (примерно 50% ВВП). Главной проблемой здесь является то, что до 60% задолженностей являются краткосрочными. Именно этим обстоятельством определяется неэффективность мер правительства по выходу из кризиса. Финансовая помощь предоставляется близким корпорациям-гигантам (Газпром, Роснефть, Сбербанк и т. п.), которые направляют деньги на погашение своих краткосрочных обязательств, либо вообще переводят их за рубеж, страхуя себя на случай углубления кризиса.

Структура российской экономики, *главную роль в которой играет нефтегазовый и сырьевой крупный бизнес, а доля мелкого и среднего производства составляет лишь около 13%*, не позволяет рассчитывать на внутренний спрос – как на главный фактор выхода из кризиса. Отсюда – *в отличие от других стран, стремящихся увеличить внутренний спрос за счет снижения базисной банковской ставки и, тем самым, облегчения доступа мелкого и среднего бизнеса к кредитам* – в России ЦБ увеличивает ставку рефинансирования (с 1 декабря – до 13%; ставка на кредиты в коммерческих банках выросла до нереальных для промышленности высот: 20–27%), с целью усложнения доступа к валютным ресурсам, которые не вкладываются в экономику, а вывозятся на Запад.

Финансовый кризис с нарастающей силой влияет на социальную стабильность. Закрываются предприятия, растет безработица, увеличиваются задержки по выплате зарплаты. Ожидается, что в 2009 г. безработица будет на уровне 6–8%, однако, по мнению некоторых экспертов, число безработных может составить 30% населения. Долги по зарплате растут. Крупнейшие компании

(Газпром, Роснефть, Лукойл, ТНК и т. д.) объявляют о 10–20%-ных сокращениях персонала. На промышленных предприятиях размеры зарплат сократились на 20–30%.

Новым источником социального недовольства может стать тарифная политика государства: для поддержания на плаву российских монополий увеличиваются тарифы на их продукцию – что идет вразрез с интересами производителей и населения. С 2009 г. тарифы на газ, электроэнергию и железнодорожные перевозки возрастут: на 19–20% – для предприятий, и примерно на 25% – для населения.

Резюмируя, можно сказать следующее: мировой финансовый кризис привнес в развитие России *неопределенность*.

«Схема неопределенности» выглядит следующим образом:

а) в 2009–2010 гг. политическая стабильность в России будет зависеть от социальной и экономической стабильности;

б) экономическая стабильность будет определяться ситуацией на внешних рынках энергоносителей;

в) в свою очередь, ситуация на внешних рынках энергоносителей будет зависеть от того, как скоро начнется подъем в экономиках США и ЕС.

Собственного запаса золотовалютной прочности России хватит максимум на год-полтора. Если за это время ситуация в США не улучшится, то Россию ждут глубокие экономические, социальные и политические потрясения, контуры которых сегодня вырисовываются лишь в самом общем виде:

- безработица;
- долги по зарплатам;
- рост преступности;
- протестные выступления населения;
- обострение отношений федерального центра и регионов, которые будут требовать большей финансовой и политической независимости;
- кризис в отношениях России со странами СНГ, и т. д.

Как следствие, возрастет неопределенность в развитии российско-китайских и российско-казахстанских отношений, прежде всего, в таких областях, как энергетическое сотрудничество и Центральная Азия.

В то же время, российские экспертные оценки свидетельствуют о том, что в 2009 г. американская экономика сможет выйти на

траекторию роста, что будет стимулировать и мировую экономику в целом, и рынок энергоресурсов – с прямой выгодой для России. И – в результате – это позволит сохранить необходимый уровень внутренней стабильности в России.

Экономика Китая в 2009 г.

В 2009 г. серьезное влияние на экономическое развитие Китая будут оказывать следующие факторы неопределенности.

Первым, и самым серьезным, является фактор глобальной неопределенности. Мировой финансовый кризис и последовавшее за ним экономическое замедление на главных для Китая торговых полях – США, ЕС, Японии – снизили в 2008 г.: темпы роста китайского экспорта – до 21%, а ВВП – до 9%.

Правда, если соотнести первые данные по ВВП Китая за 2008 г. с первыми (а не окончательными, обнародованными в конце 2008 г.) данными по ВВП Китая за 2007 г., то прирост составит 9,8%.

Замедляющее воздействие на экспортную динамику оказывает и продолжающееся укрепление китайского юаня по отношению к доллару США. Одновременно замедлился рост прямых иностранных инвестиций в экономику Китая (за первый квартал 2009 г. – на треть меньше среднемесячного уровня 2008 г.).

Вариантный прогноз дает три сценария развития мировой экономики в контексте влияния на экономический рост Китая в 2009 г.

1. Ситуация на рынках США, ЕС и Японии – ухудшится. Китай постарается скомпенсировать экспортные потери за счет увеличения экспорта на рынки развивающихся стран ЮВА, Латинской Америки, постсоветского пространства, однако, поскольку эти рынки значительно менее емкие, данный маневр не позволит восполнить ущерб полностью.

2. Мировая экономика стабилизируется, но в этап быстрого роста не вступит. В этом случае Китаю удастся сохранить экспортную динамику второй половины 2008 г.

3. Мировая экономика восстановится, наберет прежние темпы развития, что позволит Китаю наращивать экспорт на мировые рынки темпами последних двух-трех лет.

Эффект воздействия мировой ситуации на динамику китайского ВВП в 2009 г. можно – в зависимости от сценария – оценивать в пределах «от минус 1,5 до плюс 1» процентного пункта прироста ВВП. Наиболее вероятный вариант – в пределах «от минус 0,5 до плюс 0,5» процентного пункта.

Реакция Китая на мировой финансовый кризис – двойственная. С одной стороны, главным своим вкладом в стабилизацию мировых финансовых рынков Пекин считает поддержание внутренней стабильности и высокой экономической динамики в самом Китае. С другой стороны, Китай, понимая объективно усиливающуюся национальную уязвимость от негативной мировой динамики, обнаруживает готовность к тесному взаимодействию с мировым сообществом в решении нынешних финансовых проблем и создании новой глобальной финансовой архитектуры.

К этому его подталкивают и международные финансовые институты, прежде всего, МВФ, рассчитывающий на то, что Китай увеличит финансовые вливания в развивающиеся и неустойчивые мировые рынки, и страны – соседи по АТР, видящие в быстро растущем Китае новый фактор региональной финансовой и экономической стабильности.

Базовые подходы Пекина к поиску путей выхода из мирового финансового кризиса – *стабилизация рынков и восстановление доверия* – концептуально полностью совпадают с пониманием нынешней ситуации ведущими мировыми экономистами.

Вместе с тем, главной движущей силой мировой финансовой стабилизации в Пекине считают США, полагая, что в краткосрочном плане именно от Вашингтона, а не от коллективных действий других игроков, в первую очередь зависит нормализация глобальных финансовых рынков. Это связано как с тем, что именно США являются для Китая важнейшим экономическим и инновационным партнером, так и с тем, что несколько сотен миллиардов долларов китайских золотовалютных резервов вложены в американские казначейские облигации.

Наряду с этим, Китай активизирует работу по налаживанию регионального многостороннего финансового сотрудничества в ВА. В конце октября 2008 г. Китай, Япония и Южная Корея приняли решение о создании регионального финансового регулятора вне рамок «Большой семерки» – своего рода аналога

сформированного «Семеркой» в 1999 г. Форума финансовой стабильности.

Задача нового органа – осуществлять мониторинг региональных финансовых институтов, увеличивать их прозрачность и ужесточать правила функционирования. Три страны СВА предполагают распространить работу нового финансового регулятора и на Юго-Восточную Азию – в формате «АСЕАН плюс Три».

Акцентируя национальный и региональный «уровни финансовой ответственности», Пекин выступает и за глобальные финансовые реформы:

- повышение роли развивающихся стран в работе международных финансовых институтов;
- усиление международного контроля над финансовым состоянием стран – эмитентов основных резервных валют;
- создание глобального финансового «механизма спасения».

При рассмотрении ситуации в стратегическом контексте значимым представляется тот факт, что нынешний мировой финансовый кризис высветил практическую, а не только в плане общеполитических установок, готовность Китая к взаимодействию с мировыми финансовыми центрами силы. Практическое финансовое взаимодействие Китая и Запада содержит скрытый вызов для России, которой важно стать не менее, а более, чем Китай, значимым для мирового сообщества партнером в разрешении глобальных кризисных ситуаций.

Второй фактор неопределенности – развитие финансовой ситуации в самом Китае.

Китай, как и другие страны ВА, испытал на себе последствия мирового финансового кризиса. Однако, несмотря на падение капитализации китайского фондового рынка почти в два раза с начала года, сохраняющийся жесткий контроль за движением спекулятивного иностранного капитала ограничил влияние ипотечного кризиса США на китайскую экономику.

Тем не менее, в сфере финансовой стабилизации Пекин был вынужден предпринять ряд шагов – в целях минимизации негативных макроэкономических последствий финансового кризиса в 2009 г. В этом же направлении работает и то обстоятельство, что главными источниками инвестиционных ресурсов реальной экономики в Китае выступают банки, а не фондовый рынок.

Меры, намеченные в сентябре 2008 г. в сфере банковского и фондового регулирования, включили следующие шаги:

- снижение процентной ставки (по годовым вкладам в юанях – до 7,2%);
- уменьшение норм обязательного резервирования для коммерческих банков (до 16,5%). При этом либерализация коснулась, прежде всего, средних и мелких коммерческих банков, а также банков, работающих в районах, пострадавших от землетрясения (норма обязательного резервирования уменьшена, соответственно, на 1 и на 2 процентных пункта). Для четырех крупнейших государственных банков, на которые приходится около 70% всех банковских операций страны, норма обязательного резервирования осталась неизменной;
- осуществлена рекапитализация Сельскохозяйственного банка Китая (последнего из четырех ведущих государственно-коммерческих банков), стоившая правительству около 20 млрд. долл. США.

Внутренние меры китайского правительства в условиях мирового финансового кризиса содержат также следующие установки, направленные на поддержание внутреннего спроса и ведущих экспортных отраслей:

- отказ от сложившейся в условиях «инвестиционного перегрева» политики сдерживания выдачи банковских кредитов;
- перераспределение банковского кредитования в пользу мелкого и среднего бизнеса путем: а) усиления контроля за крупными инвестициями в инфраструктуру и б) одновременного ослабления контроля за кредитами для мелких и средних предприятий;
- ускоренное сокращение экспортных налогов для трудоемких производств (одежда, игрушки, отдельные отрасли машиностроения);
- восстановление районов, пострадавших от землетрясения, произошедшего 12 мая 2008 г. в провинции Сычуань.

Третий фактор неопределенности – динамика внутреннего спроса.

В конце 2008 – начале 2009 гг. негативное влияние мировых финансовых потрясений на реальный сектор китайской экономики существенно усилилось. В последние месяцы 2008 г. среднемесячные темпы прироста добавленной стоимости на ведущих

промышленных предприятиях по сравнению с первой половиной года уменьшились на 5 процентных пунктов, производства электроэнергии – на 1,5, производства экспортной промышленной продукции – на 6 процентных пунктов.

К началу 2009 г. работу приостановили около 30% предприятий сталелитейной промышленности. В стране нарастает число закрывшихся и обанкротившихся предприятий, увеличивается уровень безработицы.

Понимая, что негативные последствия уменьшения мирового спроса на китайскую продукцию можно компенсировать только за счет внутреннего спроса, китайское руководство в ноябре-декабре 2008 г. принимает ряд дорогостоящих стимулирующих мер.

Во-первых, принимается масштабная программа развития инфраструктуры и энергосберегающих технологий. В 2009 г. ее размеры будут уточняться, однако, уже в ноябре 2008 г. стало известно о планах китайского правительства в ближайшие 5 лет направить на реконструкцию и строительство дорог и портовых хозяйств 730 млрд. долл. США.

Во-вторых, разрабатываются меры по увеличению занятости, в том числе, за счет государственной поддержки среднего, мелкого и индивидуального бизнеса.

В-третьих, вводятся налоговые стимулы для экспортеров.

В-четвертых, для поддержания динамики социально значимого для Китая рынка жилья Пекин инициировал комплекс мер, включающих как государственную поддержку строительного бизнеса, так и – со стороны спроса – уменьшение различного рода платежей при осуществлении имущественных сделок и побуждение региональных властей к выделению более дешевых и длительных кредитов на покупку жилья средним классом.

В-пятых, считая, что для улучшения ситуации в краткосрочной перспективе предпринимаемых мер достаточно, китайское правительство полагает, что в будущем главными средствами предотвращения финансовых кризисов должны стать поддержание устойчивого роста экономики и постоянное наращивание своих «корпоративных достижений» котирующимися на рынках компаниями.

В-шестых, 9 ноября 2008 г. Пекин принял десять новых дорогостоящих стимулирующих мер, на реализацию которых до

конца 2010 г. потребуется около 4 трлн. юаней (около 600 млрд. долл. США) инвестиций.* В Пекине это решение правительства рассматривают как переход от «устойчивой финансовой политики к активной» и от умеренно жесткой денежно-кредитной политики к «в меру мягкой».

Для поддержания динамики социально значимого для Китая рынка жилья Пекин инициировал комплекс мер, включающих как государственную поддержку строительного бизнеса, так и – со стороны спроса – уменьшение различного рода платежей при осуществлении имущественных сделок и побуждение региональных властей к выделению более дешевых и длительных кредитов на покупку жилья средним классом.

Высшее китайское руководство с большой настойчивостью акцентирует роль региональных властей в реализации принятых мер, прежде всего, властей столичных и властей наиболее экономически развитых провинций Китая. Первым результатом, своего рода «примером для подражания» такого рода давления Центра стала объявленная пекинскими властями программа развития транспортной инфраструктуры мегаполиса до 2012 г. стоимостью около 35 млрд. долл. США.

По ожиданиям китайских экспертов, реализация программы должна дать дополнительно 1–2 процентных пункта прироста ВВП, что в определенной степени может компенсировать сокращение прироста ВВП на 1,5–2,5 процентных пункта вследствие замедления роста китайского экспорта.

* Десять мер по дальнейшему расширению внутреннего спроса и стимулированию устойчивого роста национальной экономики включают:

- 1) ускорение темпов социального жилищного строительства;
- 2) ускоренное строительство инфраструктуры села;
- 3) ускоренное строительство важных транспортных объектов – железных дорог, автомагистралей и аэропортов;
- 4) интенсивное развитие сферы здравоохранения, культуры и образования;
- 5) расширение строительства экологически чистых объектов;
- 6) ускорение темпов реструктуризации промышленности и внедрения в производство научно-технических инноваций;
- 7) ускорение темпов работы по восстановлению районов, пострадавших от разрушительного землетрясения;
- 8) повышение доходов городского и сельского населения;
- 9) всесторонний переход к новой форме НДС во всех отраслях всех районов страны;
- 10) значительное повышение степени поддержки экономического роста со стороны финансовой системы.

Не все пункты новой программы прописаны в завершающем и конкретном варианте. Параметры финансирования и содержания стимулирующих мер еще будут уточняться.

В 2009 г. китайская макроэкономическая стратегия будет фокусироваться на сохранении динамики внутреннего потребительского спроса за счет двух важнейших долгосрочных факторов роста экономики страны – увеличения численности среднего класса и урбанизации села. В рамках политики урбанизации в октябре 2008 г. в систему землепользования был внесен ряд существенных изменений, позволяющих вовлечь в коммерческий оборот *права* на владение земельными участками сельскими жителями (в Китае нет частной собственности на землю).

Давая прогноз на 2009 г., можно предположить, что Китаю, скорее всего, удастся предотвратить снижение темпов роста внутреннего спроса ниже уровня 2008 г., а в случае стабилизации ситуации на фондовых рынках – и обеспечить его ускорение. Влияние фактора внутреннего спроса на динамику ВВП Китая в 2009 г. можно оценивать в диапазоне «от минус 0,5 (если стимулы не заработают) до плюс 1,5 процентных пункта».

Четвертый фактор неопределенности – динамика мировых цен на энергоресурсы. Рост цен на нефть и газ в 2008 г. «стоил» китайской экономике 1–1,5 процентных пункта роста инфляции. В середине 2008 г. китайское правительство, реагируя на рост мировых цен, увеличило цены на нефтепродукты и тарифы на электроэнергию, что в качестве цепной реакции сказалось на инфляционной ситуации в экономике в целом.

В случае продолжения общемирового снижения цен на нефть в 2009 г. Китай получит возможность обуздать инфляцию и подстегнуть внутренний спрос. Однако очередной скачок мировых цен на энергоносители может вернуть инфляционную ситуацию к состоянию 2008 г. В этом варианте динамика внутреннего спроса будет испытывать торможение.

Таким образом, можно резюмировать, что в 2009 г. Китай столкнется со значительно более сложным, чем в последние годы, набором факторов неопределенности. Разброс вариантов их влияния на динамику ВВП Китая достаточно велик. Однако, наиболее реальным вариантом представляется оценка прироста ВВП Китая на уровне 8,5–9%.

Замедление роста китайского экспорта в страны Запада в 2009 г. будет сопровождаться усилением китайской торгово-экономической экспансии на рынках развивающихся стран. В отно-

шениях с Россией Китай будет продолжать лоббировать вопрос строительства нефтепровода в северо-восточные районы Китая, однако активность его в этом отношении будет, скорее всего, приглушена, поскольку КНР пока еще обладает достаточными резервами альтернативного газу источника энергии – угля.

Глобальная финансовая активность Китая и его выход с собственными идеями реформирования мировой финансовой системы создает как дополнительные возможности для российско-китайского взаимодействия в новой сфере финансовой политики, так и конкурентные вызовы – в контексте стремления России играть роль одного из региональных валютных центров.

При этом важно учитывать, что на фоне финансового кризиса азиатско-тихоокеанские страны, включая Австралию, АСЕАН, все чаще именно Китай рассматривают в качестве главного финансового и экономического стабилизатора региона. От Китая ждут дальнейшего укрепления национальной валюты и поддержания высоких темпов экономического роста за счет внутреннего спроса.

В целом, китайское руководство не драматизирует обстановку, складывающуюся в экономике страны, полагая, что у Китая есть достаточно резервов, чтобы справиться с финансовым кризисом и его экономическими последствиями в 2009 г. И, что особенно важно, КНР начинает рассматривать нынешнюю мировую и азиатскую финансовую ситуацию под углом того, как можно использовать данный момент в интересах упрочения позиций страны в глобальной экономике и регионального лидерства Китая в Восточной и Центральной Азии.

Казахстан (идея единой валюты)

Фактически Казахстан оказался в похожей с Россией ситуации. Первый удар пришелся по строительному рынку Казахстана. Затем стали закрываться промышленные предприятия – полностью или частично остановили производство почти 300 из них.

Финансово-экономическая ситуация в стране продолжает ухудшаться, резервы тают и уже не могут покрывать гигантский внешний долг страны, а крупнейшие банки Казахстана оказались на грани банкротства. Согласно данным, предоставленным компанией 2Trade.ru, по состоянию на 12 января 2009 г. валовый

внешний долг страны составлял около 106 млрд. долл. США, увеличившись за 2008 г. примерно на 10%.

При этом государственный и гарантированный государством долг вырос на 4% – до 2,5 млрд. долл., а долг частного сектора увеличился на 4,6% – до 103,5 млрд. долл. Обязательства компаний перед иностранными ассоциированными предприятиями составляют почти 35 млрд. долл., или 33% от ВВП страны. Отток капитала из Казахстана, по данным российских аналитиков, составляет около 10 млрд. долл. США.

Основные экспортные товары страны – энергоносители и металлы – дешевеют, валютная выручка падает, а взятые за рубежом кредиты надо обслуживать и гасить. При этом если в России ЗВР лишь в полтора раза меньше, чем обязательства государства и частных банков и компаний перед иностранными кредиторами, то в Казахстане ситуация значительно хуже. ЗВР меньше внешних обязательств почти в два с половиной раза.

Это значит, что в Казахстане выше, чем в России, вероятность создания ситуации, при которой валютные резервы страны исчерпаются раньше, чем будут погашены долги, что может поставить национальную валюту, курс которой поддерживается за счет ЗВР, на грань обвала. Резкое ухудшение финансовой ситуации в Казахстане, грозящее новым обвалом курса тенге и крахом банковской системы, заставило власти этой страны искать как характерные для других стран, так и неординарные пути выхода из валютного кризиса.

Так, для того, чтобы не допустить роста безработицы, разработана правительственная программа, основной упор в которой сделан на создании новых рабочих мест – в рамках инвестиционных проектов, финансируемых государством и местными бюджетами. Программа будет задействована, в первую очередь, в строительной сфере в Астане и Алма-Ате.

В то же время, Астана обнародовала идею о создании новой валюты для стран Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) под названием «евраз» или «евразия». Сделано это было вслед за другим предложением – о создании новой мировой валюты взамен доллара и евро, которая могла бы, например, называться «акметалл». Ранее высказывалась идея введения в ЕврАзЭС единой валюты под названием «алтын».

Идеи создания единых региональных валют и, на их основе, единой мировой валюты укладываются в логику глобализации мировой экономики и мировых финансов. Однако определяющим условием для реализации таких идей на практике является благополучное общемировое развитие, а не кризисная ситуация, побуждающая страны не только взаимодействовать по тематике мирового кризиса, но и делать ставку на протекционизм. Имеется в виду протекционизм в широком смысле, охватывающий и валютно-финансовую сферу.

Это вполне объяснимо: каждая из стран для решения национальных проблем в условиях кризиса, с одной стороны, стремится использовать потенциал международного взаимодействия, но, с другой – не хочет перекладывать на свои национальные плечи риски и проблемы стран-партнеров.

Во многом именно по этой причине идея Астаны не получила поддержки в российском экспертном сообществе. Многие российские эксперты уверены, что эти идеи – ни что иное, как попытка смягчить давление доллара на казахский тенге, в том числе, за счет снижения надежности российского рубля. По их мнению, фактически идея о введении единой валюты для стран ЕврАзЭС делается в расчете разделить валютные риски страны с другими членами организации, прежде всего, с Россией, накопившей третьи в мире по объему ЗВР.

Надеяться на помощь в противостоянии с долларом со стороны других стран ЕврАзЭС не приходится, валютное обеспечение белорусских «зайчиков» и киргизских сомов несравнимо с обеспечением российского рубля. Эти страны сами обратились к Москве за многомиллиардными стабилизационными кредитами в долларах.

Однако в российском экспертном сообществе считают, что вряд ли в условиях кризиса такое предложение особо заинтересует Россию, которой, несмотря на рекордные объемы ЗВР, все же пришлось значительно девальвировать рубль к доллару. Расплачиваться по кредитам Казахстана своими ЗВР с экономической точки зрения – невыгодно и опасно, так как это снижает надежность собственно российской валюты.

При этом необходимо отметить, что введение единой валюты – процесс длительный, требующий многочисленных согласова-

ний, прежде всего, решения вопроса, Центробанки каких именно стран сохранят право эмиссии новых денег, и как им согласовать общую эмиссионную политику. Именно на этом вопросе споткнулся проект создания единой валюты России и Белоруссии. В случае введения единой валюты ЕврАзЭС масштаб проблемы увеличивается – пропорционально количеству стран и амбиций их национальных лидеров.

В контексте отношений в треугольнике Россия – Казахстан – Китай, реализация идеи единой валюты ЕврАзЭС, случись это, оставила бы за бортом Китай. При этом в Китае на аналитическом уровне, на фоне мирового кризиса, вновь возвращаются к идее создания единой валюты («эйша») для Восточной Азии – на базе финансовой интеграции таких экономических гигантов, на порядок превосходящих страны ЕврАзЭС по размеру ВВП, как Китай, Япония и Южная Корея.

Кризис и трехстороннее сотрудничество

Влияние кризиса на трехстороннее сотрудничество можно анализировать в трех измерениях.

Первое – как быстро каждая из стран преодолеет кризис.

Здесь наилучшие шансы – у Китая, способного за счет стимулирования внутреннего спроса в существенной степени смягчить негативное влияние сокращения мирового спроса на китайскую продукцию.

В этом случае возрастут финансовые возможности Китая – для оказания помощи России, Казахстану и другим странам ШОС, что, в общем-то, уже и происходит. Как пример – предоставление Китаем «Роснефти» и «Транснефти» долгосрочного кредита на 25 млрд. долл.

Китай вполне способен использовать кризис для усиления своих позиций в ЦА и превращения – если кризис в России и Казахстане затянется и примет более угрожающий характер, чем сейчас – в экономического лидера ЦА и ШОС.

Второе – как будет действовать ШОС в условиях кризиса.

Нынешний кризис выявил, что ШОС, как организация, не обладает ни финансовыми, ни институциональными, ни концептуальными ресурсами для преодоления кризиса. Страны действуют в одиночку. Саммит ШОС в Екатеринбурге – судя по

тому, как идет подготовка к нему – превратится, скорее всего, в формальность – с правильными, но ничем не подкрепленными заявлениями.

На этом фоне будут развиваться два параллельных процесса:

1. Стремление России поднять роль ЕврАзЭС и, прежде всего, роль сотрудничества между Россией и Казахстаном в преодолении кризиса. Однако, у ЕврАзЭС, почти так же, как и у ШОС, не хватает тех видов антикризисных ресурсов, о которых выше говорилось применительно к ШОС. Более того, укрепление антикризисного российско-казахстанского сотрудничества на площадке ЕврАзЭС (без Китая) приведет к ослаблению взаимодействия в треугольнике Россия – Китай – Казахстан.

2. Китай будет использовать свои, относительно большие, ресурсы для упрочения собственных позиций в ЦА – за счет развития отношений со странами региона на двусторонней основе. Более того, возможен рост интереса Китая к ЦАС – как варианта выстраивания аналогичного ЕврАзЭС экономического формата по ЦА, но уже без России.

Такой сценарий может привести к усилению китайско-казахстанского сотрудничества, но, опять же, к ослаблению сотрудничества в треугольнике Россия – Китай – Казахстан.

Каков мог бы быть ответ на эти вызовы трехстороннему сотрудничеству? На взгляд автора, этот ответ лежит не в противодействии со стороны России усилению влияния Китая и не в попытках Казахстана разыгрывать российско-китайское соперничество в ЦА к своей выгоде.

Ответ видится, во-первых, в прагматичном, на уровне бизнеса и при поддержке государства, поиске – если это экономически целесообразно – конкретных сфер, объектов и программ взаимодействия трех наших стран. Причем, как без демонстрационной идеологии, направленной на то, чтобы показать другим «игрокам» на поле ЦА наше трехстороннее единство, так и без идеологии страхов, что кто-то займет наше место, или идеологии «хитрого третьего партнера» – который хотел бы воспользоваться слабостями в отношениях между двумя другими членами «треугольника».

Во-вторых, ответ кроется в «перезагрузке» стратегического видения нашего партнерства.

Третье – измерение анализа влияния мирового кризиса на трехсторонние отношения Россия – Китай – Казахстан как раз и связано с тем, сумеют ли наши страны такого рода «перезагрузку» произвести.

Дело в том, что в условиях кризиса возрастает роль *инновационной экономики*, как фактора экономического оздоровления. Высвеченные мировым кризисом экономические проблемы – это не просто «заминка в движении по прежнему пути» – это, скорее, поворотный пункт нашего развития. Условия, в которых предприятия трех стран действовали до сих пор, в «послекризисный период» существенно изменятся.

Кризис означает глобальное перераспределение активов. Переоцененные активы дешевеют. Те, кто строил свой бизнес на завышенной оценке активов, разоряются. Активы частью – исчезают, частью – обретают новых собственников.

Меняются и пропорции цен на различные виды ресурсов и активов. Сегодня никто не может с уверенностью сказать: какие пропорции установятся после того, как кризис закончится; какие виды деятельности будут наиболее рентабельны; в каком направлении будет меняться структура мировой экономики.

В условиях неопределенности такого рода наибольшие резервы развития лежат именно в сфере инноваций, в сфере «экономики знаний». И именно здесь находится тот дополнительно высвеченный кризисом резерв экономического сотрудничества в треугольнике Россия – Казахстан – Китай.

Однако для использования этого резерва необходимо проделать долгую и трудную работу. Нужно, как минимум, постоянное общение «треугольника» наших стран в формате другого «треугольника»: бизнес – власть – НАУКА.

КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКОЕ ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.А. Баймаков

*Уважаемые коллеги!
Дорогие российские друзья!*

Прошло ровно два года после нашей последней встречи в вашем замечательном институте. Прошлый раз темой наших выступлений была очень важная проблема – мы говорили об экономических и политических аспектах стратегического партнёрства Казахстана и России.

Сегодня вновь предложена, по существу, эта же проблема, но в новых геополитических условиях.

Действительно, за это время произошли серьёзные изменения. Мир стал другим. Нынешний глобальный кризис заставляет переосмыслить действующие экономические теории и парадигмы, по-новому взглянуть на существующие реалии. Многими аналитиками современный мировой экономический кризис уже признан явлением «вселенского» масштаба, не имеющим аналогов в истории, охватившим все сферы общественно-экономической жизни большинства стран мира.

Практически все отмечают, что такого кризиса человечество ещё не видело, и пытаются найти и первопричины, и пути выхода из него.

Первым, кто теоретически обосновал природу финансового кризиса и предложил пути его преодоления, стал наш Президент. В своей статье «Ключи от кризиса», опубликованной в «Российской газете», он сделал главный вывод: финансовый кризис кардинально меняет мировой порядок, все его экономические устои. «...К его анализу, осмыслению и преодолению нужен, – писал Н. Назарбаев, – неординарный подход, пересматривающий все старые догмы и стереотипы». Эту мысль поддержали многие участники саммита глав государств и правительств двадцати стран с наиболее развитыми экономиками.

Кризис обнажил все язвы спекулятивного капитализма. Многие, в числе которых – Президент Франции Н. Саркози и канцлер Германии А. Меркель, российский академик Богомолов и итальянский финансист Джанни Валери – считают, что с финансовым и экономическим кризисом ушла в прошлое эпоха нынешнего капитализма, который, казалось, был незыблем и мог производить бесконечные богатства. Ещё в прошлом году на Давосском форуме никто не мог даже представить, что мир стоит перед угрозой глобального кризиса.

Я с большим интересом прочитал книгу «Мировая экономика: прогноз до 2020 года», выпущенную издательством «Магистр», в которой представлен прогноз развития мирового хозяйства. Книга состоит из двух разделов. В первом дан прогноз тенденций, которые определяют мировое экономическое развитие. Второй раздел посвящен динамике эффективности развития экономик США, Японии, ЕС, Китая и др.

Книга – толковая, умная. Но даже здесь, в прогнозном материале, нет никаких предположений о грядущей экономической проблеме. Наоборот, цитирую: «Достижения США обеспечиваются сформированной эффективной институциональной средой, позволяющей активизировать механизмы саморазвития многоукладной экономики США». И, видимо, это – не случайно. Сложно, очень сложно – установить точный диагноз случившегося.

Истинную природу этого кризиса ещё предстоит найти. А пока идут поиски и делаются предположения о более эффективных моделях экономического и общественного устройства, институциональной среды, способной вывести мир из глобального кризиса и обеспечивающей социально справедливый порядок и уклад жизни. Пока же, как мы видим, предложения нашего Президента, России, Китая, Бразилии и других стран в Лондоне не превалировали, верх одержали позиции США и европейских государств.

Когда мы рассуждаем о демократии, правовом государстве, шведской или американской моделях рынка, о либеральной или неолиберальной экономике, теряются из виду наши внутренние отношения, возникающие между людьми и странами в рамках регионального и приграничного сотрудничества.

Наступивший кризис, как никогда, обострил проблему приграничного сотрудничества. Особенность России и Казахстана, как крупнейших по территории стран, с практически полной обеспеченностью природными ресурсами, высоким научно-техническим и человеческим потенциалом, состоит в предпочтительной ориентации своего экономического развития на использование преимуществ не только международного, но и внутреннего, и регионального разделения труда.

В отличие от государств, основывающих стратегию своего роста на экспортной экспансии, нам надёжнее и выгоднее делать всё необходимое для углубления внутреннего разделения труда, расширения отечественного, регионального и приграничного рынков. Это не означает отказа от дальнейшего включения в процесс экономической глобализации и использования выгод разумной открытости экономики. Но делать это надо с оглядкой на неустойчивость и неподконтрольность мировых товарных и фондовых рынков, колебания которых, как и периодические кризисы, способны нанести Казахстану и России многомиллионные потери.

Всё более весомым фактором в формировании устойчивой системы взаимодействия с сопредельными областями становится приграничное сотрудничество наших стран, способствующее созданию благоприятных условий и личному общению граждан, позитивно влияющее на создание по периметру границ полосы доверия и добрососедства. В целом все это способствует ускорению интеграционных процессов в рамках СНГ.

В преамбуле Европейской Хартии пограничных и приграничных регионов говорится: «...Границы есть «шрамы истории». Приграничное сотрудничество помогает уменьшать неудобства границ, преодолевать отдалённое национальное местоположение и улучшать условия жизни населения.

Данное сотрудничество охватывает все сферы жизни – гуманитарную, социальную, экономическую и инфраструктурную. Знание и понимание соседей столь же важно, как и развитие доверия.

Государственная граница представляется в качестве некоей мощной фильтрующей системы, которая не столько разделяет приграничные регионы и народы, сколько очищает междуна-

родное сотрудничество от «вредных примесей», несущих угрозу безопасности и добрососедству сопредельных государств. Более того, продуманная система приграничного сотрудничества, основанная на унифицированной и благоприятной правовой базе, построенной на принципах «народной дипломатии», является важнейшим условием развития экономик сопредельных государств.

Как известно, граница между Казахстаном и Россией – самая протяжённая в мире – 7,5 тыс. км. По состоянию на сегодняшний день заметна динамика роста объёмов приграничного сотрудничества. Рассмотрим следующие данные: в 2006 г. товарооборот между Казахстаном и Россией составил 13 млрд. долл. США, в 2007 г. он превысил 16 млрд. долл., а по итогам 2008 г. он достиг уже 20 млрд. долл.

Если посмотреть на долю экспорта и импорта, то и эти показатели растут. Конечно, для нашей страны заметным является преобладание импорта над экспортом.

Какие меры необходимо предпринять для углубления приграничного сотрудничества?

1. Необходимо реализовать на практике поставленную президентами Казахстана и России задачу по организации совместных «автопереходов», работающих по принципу «одной остановки» и «одного окна». Это колоссально сократит время проведения пограничного и таможенного досмотра, до минимума снизит утомительные, а порой и унижительные процедуры, сократит до предела возможности поборов и взяток, так как снизится вероятность сговора нарядов пограничников и работников таможни, проводящих досмотр одновременно.

2. Несмотря на безвизовый, упрощённый порядок пересечения границы по внутренним паспортам, необходимо всё-таки решить вопрос о предоставлении гражданам Казахстана права находиться в России без регистрации миграционных документов не три дня, а тридцать. С таким предложением Министерство иностранных дел Казахстана на своих российских коллег выходило, но до сих пор этот вопрос своего разрешения не получил.

3. Прорывным проектом в межгосударственных отношениях может стать создание евразэсрегионов – по примеру еврорегионов, работающих в приграничных зонах европейских государств.

Еврорегионы – это приграничные сообщества международного трансграничного сотрудничества в области экономики, торговли, культуры, образования, экологии, транспорта и др. направлений, создаваемые на основе принципа субсидиарности, т. е. перераспределения ответственности снизу вверх, в отличие от децентрализации – делегирования полномочий сверху вниз. Работают они по законам тех стран, где еврорегион расположен.

Для суверенитета создание еврорегионов опасности не представляет, поскольку они не имеют полномочий в области внешней политики.

Решение этих вопросов способствовало бы установлению качественно новых основ приграничного сотрудничества, и это предварило бы формирование Таможенного союза – принципиально нового образования, отвечающего интересам наших экономик и гуманитарного сотрудничества.

Как известно, вопрос создания Таможенного союза затягивается, но практически на 90% уже решён. Камнем преткновения на пути его создания стоит проблема наркотрафика. Именно это беспокоит российскую сторону.

Правительством Казахстана уже предпринимаются практические шаги, направленные на создание необходимых условий для решения этой проблемы: принимаются меры для организации на границе 25 совместных пунктов пропуска с современными рентген-установками; будут созданы два межрегиональных специализированных управления – в Чимкенте и Караганде; в Чуйской долине ежегодно будет проводиться операция «Мак»; планируется организация шести наркопостов.

Комитетом национальной безопасности проводятся мероприятия по максимальному перекрытию южных границ, откуда поступают афганские наркотики. На участках границы с Киргизией, Узбекистаном и Туркменией будут введены пограничные зоны и режимы – по принципам и правилам, действующим на казахстанско-китайской границе, и т. п.

В недавней статье «Евразийский экономический союз: теория или реальность» (Известия. – 2009, 19 марта) Н. Назарбаев вновь подтвердил, что в долгосрочной перспективе альтернативы евразийской интеграции не существует. Наши оппоненты в казахстанских оппозиционных СМИ не преминули обвинить Прези-

дента Казахстана, опасаясь того, что он, заявляя это, привязывает Казахстан к России. А этого и хочет народ Казахстана.

Создание Таможенного союза – это мощный шаг на пути к углублению приграничного сотрудничества. Как было сказано в упоминавшейся выше статье, «...Следующим шагом может стать валютный союз и создание евразийской наднациональной расчётной единицы».

Такова – наша стратегия, такова – перспектива сотрудничества Казахстана и России в новых геополитических условиях. Россия для Казахстана – вечный друг и союзник.

Благодарю за внимание и за приглашение принять участие в международной конференции.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА В СВЕТЕ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ УРОКОВ КРИЗИСА

В.Б. Амиров

В известной мере Россия и Казахстан довольно сильно опустились в водоворот глобального финансового и экономического кризиса – в силу того, что обе страны находились в фазе экономического подъема, правда, главным образом, за счет обладания энергетическими и другими ресурсами, которые в течение длительного времени пользовались повышенным спросом именно на мировых рынках. Резкое торможение спроса и падение цен на минеральное топливо и сырье не могли не сказаться на развивающихся экономиках России и Казахстана.

Слабость же созданных новых политических и экономических институтов снижает способность противостоять первому в истории наших стран глобальному экономическому кризису.

Между тем, по мнению многих экспертов, ведущих сравнительный мониторинг влияния кризиса на разные страны, такая сильно зависящая от состояния мировых товарно-сырьевых рынков, но экономически и политически развитая страна, как Австралия, до сих пор демонстрирует достаточную устойчивость к негативному влиянию кризиса. Хотя и она испытывает трудности и также – в целях противодействия рецессии – вынуждена принимать меры, стимулирующие экономический рост.

Как представляется, для того, чтобы наилучшим образом развивать сотрудничество в рамках кризиса или по поводу кризиса, нелишне проводить совместный анализ сути этого кризиса и страновых особенностей перспектив выхода из него – в данном случае это касается России и Казахстана. Время кризиса – это поиск идей и экономических и политических решений, которые могли бы поспособствовать выходу из кризиса и были бы направлены на трансформацию наших экономик в сторону их нового качества.

Приведем три замечания о характере нынешнего глобального финансово-экономического кризиса, которыми, конечно, его ха-

рактеристики не исчерпываются, тем более, что пока он находится в стадии своего развития с неопределенными перспективами. Никто не может точно сказать, достигло ли своего дна падение производства и спроса в масштабах мировой экономики или в рамках каких-то отдельных стран.

Первое замечание: глобальность кризиса – это новое явление, а вот его синхронность – нет, поскольку в течение десятилетий после Второй мировой войны наблюдались синхронные циклические кризисы (случавшиеся раз в 8–10 лет), а между ними – промежуточные (раз в 3–4 года), выражавшиеся не в абсолютном падении ВВП и промышленного производства, как в периоды циклических кризисов, а в заметном замедлении темпов их роста.

Возникшая в последние два десятилетия асинхронность цикла (оказавшаяся, как теперь выяснилось, довольно длительным, но временным явлением) и внедрение в мировую рыночную (капиталистическую) экономику целого массива новых государств, в том числе таких крупных, как Китай и Россия, в какой-то мере притупили бдительность экономических властей большинства, если не всех, ведущих государств. Произошедший же в последние годы резкий отрыв финансового сектора экономики от реального, который тоже проспал – довершил свое дело.

Второе замечание: крайне опасны заявления, особенно на высоком уровне, о том, что экономические проблемы возникли не у нас, а пришли к нам с Запада, прежде всего, из Соединенных Штатов – в силу объективной вовлеченности России в мировую экономику. Что касается экономики России, то серьезные проблемы в ней нарастали последние шесть лет, причем в экономической и общественно-политической печати и в других (в основном, не телевизионных) медиа-ресурсах о них говорилось и говорится открыто и регулярно.

Хорошо еще, если отмеченные выше заявления делаются из соображений «политической целесообразности», а не отражают реальную оценку ситуации. В противном случае – они опасны вдвойне, потому что искажают объективную картину происходящего и негативно влияют на принимаемые решения, часто имеющие, может быть, в периоды кризисов – особенно, стратегический характер; решения, влияющие на политиче-

скую и социально-экономическую устойчивость страны, ее перспективу.

Третье замечание: также неадекватны, на наш взгляд, клише в оценках нынешнего кризиса – как краха либерализма или неолиберализма. Как говорит президент Д. Медведев: «Свобода – лучше, чем несвобода». А в основе либерализма лежит свобода выбора, способность гибко реагировать на новые, в том числе кризисные, экономические явления, но, естественно, в рамках определенных правил, в том числе способных меняться, если они становятся неадекватными новой экономической среде.

Между прочим, критика ситуации, сложившейся в финансовом секторе США, заключается, в частности, в том, что не были вовремя приняты необходимые решения о регулировании некоторых сегментов кредитно-финансового рынка и деятельности ряда кредитно-финансовых институтов. И некоторые из тех, кто противился принятию таких решений, сейчас, естественно, каются.

Остановимся на основных проблемах, которые, на наш взгляд, следовало бы выделить, для поиска путей выхода из кризиса:

Социальная модернизация. Без глубокой модернизации, создания в наших обществах сильного общественного настроения в пользу социально-экономической и социально-политической модернизации достижение успехов в деле устойчивого развития – невозможно. Не случайно интенсивно и широко обсуждается вопрос морали, упадок которой называется в ряду важнейших причин коллапса многих финансовых институтов. Соответствующее моральное состояние общества и, особенно, его элит является непременным условием выхода той или иной страны на новый качественный этап своего развития.

Для наших двух стран критически важной является борьба с коррупцией. Без явного движения в сторону ее ограничения преодоление социальной апатии, построение гражданского общества вряд ли возможно. А это – очень серьезный фактор, влияющий на ускорение или задержку в экономическом развитии, а также рост или снижение социальной напряженности в обществе.

Общий рынок или единое экономическое пространство

1. *Диалог по региональной валюте в рамках ЕврАзЭС.* Понятно, что роль доллара и других мировых резервных валют

пока остается неизменной. Однако движение глобальной экономической и финансовой архитектуры в сторону регионализма уже началось и на определенном этапе, так или иначе, может затронуть валютную составляющую этой архитектуры.

Россия выдвигает идеи создания у себя регионального финансового центра, расширения использования рубля во взаимных расчетах, прежде всего, в рамках ЕврАзЭС (согласно некоторым оценкам, товарооборот между Россией и Белоруссией уже на 80% осуществляется в рублях). Вопрос тут – во взаимной выгоде.

Так или иначе, в случае продвижения интеграции на пространстве ЕврАзЭС вопросы региональной резервной валюты, единой расчетной единицы, введения единой региональной валюты будут возникать постоянно – если исходить из опыта еврозоны. Этот опыт, впрочем, выявил не только положительные, но и отрицательные стороны единой валюты, например, снижение гибкости, возможностей для странового регулирования экономики. Стремление же некоторых государств войти в зону евро говорит об их намерениях, пока безуспешных, переложить часть своих экономических проблем на более сильных партнеров.

Таким образом, можно сказать, единая валюта в рамках ЕврАзЭС требует и сближения уровней экономического развития, и тесной скоординированности экономической политики. Поэтому расширение сферы применения рубля для различных финансовых операций представляется на данном этапе более естественным путем облегчения экономической мобильности в рамках формирующегося единого экономического пространства.

2. Несмотря на кризис, следует продолжать работу по созданию одинаковых условий для деятельности предприятий союзных стран в рамках формирующегося *Тамозженного союза Россия – Казахстан – Белоруссия*. Причиной замедления окончательного формирования этого союза является не кризис. Возникающие «попытки протекционизма», экономического национализма не должны мешать строительству единого рынка, единого экономического пространства, в которых заинтересованы эффективные предприятия стран «тройки» и которые способны существенно повысить конкурентоспособность этих предприятий на рынках третьих стран.

3. *Инновационный путь развития.*

Основные направления:

а) кооперация в формировании благоприятной, стимулирующей среды для повышения степени инновационной восприимчивости хозяйств двух стран. Оценка эффективности уже принятых решений о создании технопарков, специальных экономических зон, венчурных и инвестиционных корпораций, фондов и других институтов;

б) подготовка условий для инновационного пути развития, дальнейшее развитие в этих целях сотрудничества в сфере образования и науки;

в) осуществление, несмотря на кризис, конкретных крупномасштабных проектов – на государственном уровне и с участием частного капитала – тех, что уже есть, например, в атомной, космической отраслях. Поиск новых перспективных направлений, для которых, может быть, пока нет достаточных средств, но есть средства для проработки идей, что необходимо для постоянного движения на инновационном направлении.

4. *Транспорт.* В рамках стимулирующих мер по борьбе с кризисом определенные средства выделяются на развитие инфраструктуры, и было бы логичным направлять часть этих средств на развитие транспортной инфраструктуры в рамках ЕврАзЭС, в том числе, в интересах региональной интеграции на развитие транспортной инфраструктуры Казахстана – как перекрестка многих существующих и будущих путей экономических связей.

5. *Общий рынок и ВТО.*

В ходе первой встречи президентов Медведева и Обамы американская сторона выразила готовность содействовать приему России в ВТО (предыдущая администрация на словах также выражала поддержку, но на деле ситуация с приемом оставалась подвешенной). Если движение в сторону принятия России в ВТО действительно наметится, то консультации партнеров по Таможенному союзу – России, Казахстана и Белоруссии – станут насущно необходимыми.

6. *Помощь третьим странам* в рамках ЕврАзЭС. Россия и Казахстан – вновь, как и при создании Евразийского банка развития (ЕБР) – призваны сыграть решающую роль в быстром оформлении кризисного Фонда ЕврАзЭС. Некоторые эксперты

говорят, что намеченное выделение 10 млрд. долл. США – это мало. Тем более, что доля России должна составить 7,5 млрд., Казахстана – 1 млрд., а откуда возьмутся еще 1,5 млрд.? Однако, понятно, что стабилизационные кредиты будут выдаваться только малым странам – членам ЕврАзЭС, а для них и сотни млн. долл. в качестве срочной помощи могут быть критичны.

По всей вероятности, четко сформулированные условия предоставления кредитов и управление средствами Фонда через ЕБР помогут избежать выдвигания (внешне) политических требований как условия предоставления финансовой помощи, в отличие от некоторых двусторонних кредитных соглашений. Еще более важно, что учреждение Фонда явится шагом в сторону дальнейшего строительства институтов региональной интеграции в рамках ЕврАзЭС.

Помимо конкретных экономических результатов, это принесет и важный демонстрационный эффект, особенно для тех, кто: то входит, то выходит из организации; то думает идти на дальнейшее экономическое сближение, то приостанавливает его, надеясь получить выгоду от «многовекторного» поиска внешних источников финансирования. Весьма важным это становится в условиях кризиса и, особенно, при нежелании таких участников сколько-нибудь поступиться властными полномочиями в сфере принятия экономических решений.

* * *

Кризис, в принципе, является еще одним мощным стимулом для укрепления сотрудничества. Конечно, обе страны в среднесрочной перспективе сохранят «сырьевую» роль в международном разделении труда, но опыт развитых стран сырьевой ориентации показывает, что это не мешает, а часто способствует, с учетом имеющихся материальных и других ресурсов, последовательному подъему общего технологического уровня экономики. На основе многопланового двустороннего сотрудничества достигать этого будет намного легче, чем в отсутствие оно.

НОВЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОЕКТЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

А.А. Куртов

Геополитические изменения, связанные с распадом Советского Союза и рядом других событий, привели к возможности по-новому взглянуть на проблематику транспортных маршрутов – как связывающих Каспийский регион с внешним миром, так и соединяющих отдельные страны этого региона между собой. При этом проблематика новых транспортных маршрутов оказалась в центре внимания не только чисто экономических интересов заинтересованных в коммуникационных связях хозяйствующих субъектов, но и политических устремлений целого ряда игроков, пытавшихся воспользоваться открывающимися возможностями для решения чисто эгоистических задач.

Естественно, что оба этих тренда были искусно переплетены. Зачастую часть широко разрекламированных в качестве бизнес-проектов новых транспортных магистралей на поверку скрывала как раз преимущественно политическую, а не экономическую составляющую. Вероятно, именно этим можно объяснить появление в лексиконе обсуждающих и пишущих на транспортные темы авторов такого устойчивого словосочетания, как «чистый бизнес, никакой политики», которым они лукаво пытались прикрывать истинную суть и приоритеты тех процессов, о которых шла речь.

Объективности ради отметим, что доминирование политических резонов в транспортной проблематике было характерным и для периода советской плановой экономики. Например, во времена Советского Союза руководство в Москве долгое время не стремилось развивать транспортное сообщение между Азербайджаном, Казахстаном, республиками Средней Азии – с одной стороны, и государствами, расположенными южнее их границ, – с другой. Так, еще при последнем российском императоре, Николае II, рассматривался проект строительства железной дороги, которая должна была пройти по восточному побережью Каспийского моря – через Казахстан и Туркмению, с дальнейшим выходом в Иран. Однако при советской власти этот проект был

похоронен – в значительной степени, потому, что руководство Ирана находилось, в основном, в западной сфере влияния.

Москва допускала обсуждение проектов транспортных коммуникаций лишь со странами, достаточно лояльно относившимися к политике, проводимой Советским Союзом. Это относилось и к странам Среднего Востока и Южной Азии. Так, существовал (в общих чертах) проект прокладки железнодорожного маршрута: Термез (Узбекская ССР) – Мазари-Шариф – Кабул – Джелалабад (Афганистан) – Пешавар – Исламабад (Пакистан) – Нью-Дели (Индия).

Еще в середине 1950-х гг. тогдашние лидеры СССР – Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин – договорились с руководством Афганистана и Индии о сооружении такой артерии. К концу 1950-х гг. было получено согласие на создание этой магистрали и правительства Пакистана. Однако реализации проекта помешали политические факторы.

Обретя суверенитет, государства Каспийского региона, естественно, стали нуждаться в развитии транспортной сети со своими соседями. Особую актуальность этой задаче придавало то обстоятельство, что новые выходы во внешний мир теоретически – в представлениях политических элит этих стран – могли дать возможность улучшить их экономическое положение, бывшее в 1990-е гг. весьма трудным.

Кроме того, перед национальными элитами в тот период, несомненно, стояла задача нахождения политического и идеологического подтверждения рациональности новых планов сотрудничества, демонстрации собственным народам того внимания, которое стало оказываться со стороны внешнего мира к начинаниям новых суверенных правительств.

Составной частью такого подхода являлось и стремление эксплуатировать идею уникальности и выгоды географического положения новых государств Каспийского региона, дающего, якобы, неоспоримые конкурентные преимущества, в частности, от использования транзитного статуса, что должно было подкрепить основы суверенизации образовавшихся государств.

В итоге новая транспортная проблематика вобрала в себя как объективные, реально существующие возможности наращивания эконо-

мического развития, так и субъективные, порой – чисто политически конъюнктурные аспекты, граничащие с откровенной спекуляцией. Этот дуализм присутствует во множестве новых транспортных проектов и настоящего времени, хотя, казалось бы, наиболее сложные годы экономической разлуки 1990-х гг. уже канули в Лету.

В настоящей статье в качестве наглядных примеров мы рассмотрим ряд новых транспортных проектов, но вначале отметим одно важное обстоятельство, связанное с интересами Российской Федерации.

22 октября 2008 г. правительство России приняло Транспортную стратегию России до 2030 года. Данный документ был подготовлен Минтрансом РФ, упор в нем сделан на активную позицию государства. Стратегия разработана с целью интенсификации развития транспортной системы, в том числе на основе инновационных технологий. По словам министра транспорта Игоря Левитина, стратегия позволит поднять качество транспортных услуг на новый уровень, снизить издержки общества и улучшить конкурентоспособность национальной транспортной системы.

В документе определяются основные векторы развития транспортной отрасли – как приоритетные точки роста российской экономики. Вся стратегия разбита на два этапа: первый – до 2015 г. и второй – до 2030 г. При этом в разных регионах России обозначаются разные приоритеты. Например, в Южном федеральном округе акцент сделан на формировании скоростного направления Центр – Юг и строительстве транспортной инфраструктуры для проведения Олимпиады в Сочи в 2014 г. Помимо этого, здесь будут развиваться морские порты, а гидроузлы Волго-Донского канала подвергнутся реконструкции.

Для реализации этих грандиозных планов предусматриваются существенные расходы: доля транспорта в суммарных государственных капитальных вложениях составит от 35 до 49%, а общая сумма планируемых инвестиций может составить 170 трлн. руб. При этом только на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы будет выделено свыше 2 трлн. руб.

Правда, уже очевидно, что мировой финансовый кризис затормозит воплощение данной стратегии в жизнь. Показатели конца 2008 – начала 2009 гг. свидетельствуют о резком падении объемов перевозок.

Однако вернемся к Каспийскому региону. Начнем с уже упоминавшейся идеи прокладки железнодорожной магистрали по восточному берегу Каспийского моря, заинтересованность в которой проявляли Иран, Казахстан и, особенно, Туркменистан. Упомянутый вариант железнодорожной ветки не был единственным и первым проектом транспортной магистрали в южном направлении.

После распада СССР относительно быстро активизировался Иран – в направлении соединения своих железных дорог с железными дорогами Туркменистана. Уже в мае 1992 г. в северо-иранском городе Мешхед состоялась торжественная церемония начала строительства иранского участка железной дороги Мешхед – Серахс (Туркменистан).

Одновременно в Туркменистане приступили к строительству железнодорожной ветки от Теджена до Серахса, т. е. участка, соединяющего действующую главную железнодорожную магистраль Туркмении, проложенную еще в царские времена, с населенным пунктом на туркмено-иранской границе. Протяженность туркменской ветки была не такой большой – 132 км, но, тем не менее, ее финансирование, по сообщениям СМИ, осуществлялось при помощи не только средств Туркменистана, но также Казахстана, Узбекистана и Киргизии.

Все строительство ветки, длина которой составляет 295 км, обошлось – по тем данным, которые упоминались в СМИ – достаточно дорого – в 1347 млн. долл. США. Движение по дороге началось в том же 1996 г. Однако первоначальные расчеты на резкое увеличение грузопотоков по этому участку не оправдались. При открытии дороги туркменская сторона, например, заявляла о скором выходе на параметр пропускной способности станции Серахс в 2,5 млн. т грузов в год. Иранцы же вообще утверждали, что пропускная способность может достичь в будущем 10 млн. т грузов в год.

За период с 1996 по 2006 г. по этой колее было перевезено более 14 млн. т транзитных грузов, что принесло Ашхабаду дополнительный доход в 218 млн. долл. США.

Уже во второй половине 1990-х гг. руководство Туркменистана приняло решение о намерении начать строительство еще одной железнодорожной магистрали, которая также могла бы стать новым коридором в Иран.

Началом маршрута должна была стать железнодорожная станция Казанджик в Балканском велаяте (юго-западный Туркменистан), находящаяся на крупнейшей магистрали республики, соединяющей город Туркменбаши, расположенный на побережье Каспийского моря, и столицу Ашхабад.

Конечной точкой маршрута на туркменской территории должен был стать поселок Кызыл-Атрек, расположенный примерно в 200 км на юго-запад – непосредственно вблизи туркмено-иранской границы, которая в этом месте проходит по реке Атрек. Эта дорога, в свою очередь, могла бы быть промежуточным участком более грандиозного проекта соединения железных дорог России, Казахстана, Туркменистана и Ирана, согласно которому, такая магистраль проходила бы вдоль восточного побережья Каспия.

Во время майского (2007 г.) визита президента Туркменистана в Казахстан была достигнута договоренность о том, что между Казахстаном и Туркменистаном будет проложена новая железнодорожная линия – вдоль Каспийского моря, с выходом туркменских грузов через Казахстан в Российскую Федерацию и Европу.

Меморандум о строительстве железнодорожной линии Узень – Гызылгай – Берекет – Этрек – Горган был подписан Ираном, Туркменистаном и Казахстаном – 16 октября 2007 г., в Тегеране, на встрече глав прикаспийских государств. Протяженность линии должна составить 670 км, в том числе 70 км – по территории Ирана, 130 км – Казахстана и 470 км – Туркменистана. Оценочная стоимость проекта – 620 млн. долл. США.

Вопреки первоначальным заявлениям, строительство этой дороги в Туркменистане будут осуществлять не туркменские подрядчики, а «Российские железные дороги». Это дает возможность Ашхабаду форсировать свой участок строительства и, возможно, успеть завершить задуманное к намеченному сроку – к концу 2011 г. Иранцы также приступили к строительству, а вот Казахстан пока запаздывает: здесь подготовили только ТЭО проекта, но не готова даже проектно-сметная документация.

Не решен также финансовый вопрос: за счет госбюджета или частного бизнеса – через концессии – будет построена магист-

раль. Между тем, казахстанский участок оценивается в 60,8 млрд. тенге. Пока правительство Казахстана стремится найти частного инвестора, правда, в будущем такой подход может создать дополнительные трудности с унификацией транспортных тарифов.

Новая железная дорога, соединённая через Казахстан с железнодорожной сетью России, будет на 600 км короче существующего пути через Серахс (это сократит время в пути на 2 суток), а её строительство займет 3–5 лет. Объем перевозок оценивается в 3–5 млн. т, а в перспективе – до 12 млн. т грузов в год. По сути дела, это и есть проект, идея которого появилась еще при последнем императоре России.

Особую активность в этом и ряде других транспортных проектов проявлял Иран. Для Тегерана дополнительные выходы во внешний мир на севере и участие в подобного рода проектах служили не только экономическими целями, они позволяли ослаблять политическое давление и попытки изоляции Ирана со стороны Соединенных Штатов и их союзников.

Иранское руководство неоднократно отмечало важность проектов такого рода. Например, во время визита в Туркменистан заместителя министра иностранных дел ИРИ Мехди Сафари, состоявшегося в начале июня 2007 г., последний на переговорах с президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедовым заявил, что Иран намерен на любых условиях принять самое активное участие в реализации проекта по созданию транспортно-коммуникационного коридора Север – Юг.

Проект международного транспортного коридора Север – Юг медленно, но верно осуществляется. Еще в 2000 г. между Россией, Ираном и Индией было подписано соответствующее соглашение. Позднее этот проект поддержали Белоруссия, Украина, Казахстан, Оман, Таджикистан, Турция, Армения и Азербайджан. Все они выигрывают от увеличения грузопотока по данному коридору.

По расчетам, коридор позволит значительно сократить как время доставки грузов, так и расходы по их транспортировке. Например, транспортники заявляют, что доставка 40-футового контейнера из Мумбаи (бывший Бомбей) в Индии до Санкт-Петербурга через Суэцкий канал занимает сегодня 30 дней. При доставке по трассе коридора Север – Юг это время сокращается в два раза, а транспортные расходы – на 20%.

Правда, при этом транспортники упускают один принципиальный аспект: контейнеры затем как-то должны возвращаться в места дислокации поставщиков. Желательно это делать с товарами, а в Индию из России контейнерами идет как раз не так много товаров.

В любом случае, Россия и Иран организовали даже совместную судоходную линию на Каспии. Под данный проект коридора был построен новый порт Оля, расположенный более выгодно, чем традиционный астраханский порт. К тому же к нему уже построена железнодорожная линия.

Порт Оля уже резко увеличил объемы перевалки грузов: если в 2003 г. они составляли 57,8 тыс. т, то в 2007 г. – уже 661,5 тыс. т. Возможности порта уже к 2010 г. позволят довести грузооборот до 4 млн. т.

Недавно Россия, Иран и Азербайджан согласовали строительство железнодорожной ветки, которая соединит три страны (ветка Казвин – Решт – Астара иранская – Астара азербайджанская) и станет частью коридора.

Однако до сих пор в полную силу этот коридор не работает. До 90% российского грузопотока по нему в Иран составляет экспорт черных металлов. Не удалось вовлечь в грузопотоки по этому коридору и грузы из ЕС.

В 2005 г. в ЕС был принят документ, отражающий стратегию этого объединения в отношении транспорта – «Транспортные сети для мира и развития. Развитие основных трансъевропейских транспортных осей в направлении соседних стран и регионов». В этом документе упоминания о коридоре Север – Юг нет вообще.

Одна из причин этого кроется в том, что наши транспортники недорабатывают в принципиальных аспектах. Представляемые ими услуги не устраивают потенциальных поставщиков грузов должным образом. Весьма велики сроки хранения грузов на складах в перевалочных пунктах коридора; далеко не всегда инфраструктура транспортных объектов, в том числе, тех же портов на Каспии, соответствует потребностям XXI века. Нет должной четкости и в отношении согласованных правил таможенного оформления грузов в странах, расположенных по трассе коридора.

Все это служит препятствиями для наращивания грузопотока. Но все эти трудности вполне преодолимы.

Помимо южного направления, из Каспийского региона, предметом постоянной дискуссии выступают различные проекты западного направления. В основном они рассчитаны на транспортировку углеводородов. Весьма вредным в экономическом и экологическом отношении является проект транскаспийского газопровода, который должен стать, по замыслу его сторонников, частью трубопровода «Набукко».

Ни для кого не секрет, что все последние годы проект «Набукко» поддерживался европейцами преимущественно по политическим, а отнюдь не по экономическим соображениям. Но это – явно маниакальное – желание проложить новую трассу газопровода мимо территории России неизменно наталкивалось на суровую реальность: у потенциальных поставщиков в эту трубу просто не было необходимых объемов свободного газа. Сколько бы ни посещали Баку делегации разных уровней из ЕС и США, они не в состоянии были выполнить функции Господа: наделить азербайджанские недра голубым топливом в нужных объемах.

Любым серьезным инвестором, умеющим считать деньги, Азербайджан, располагающий фактически лишь одним крупным газовым месторождением «Шах Дениз» на шельфе Каспия, не мог рассматриваться в качестве серьезного партнера по проекту «Набукко». Ведь сегодня весь экспортный потенциал азербайджанского природного газа приблизительно на порядок меньше того, который требуется зарубежным инвесторам, а новый трубопровод «Набукко» мог бы стать рентабельным только при условии ежегодной прокачки по нему не менее 30 млрд. куб. м газа.

Правда, в ответ на эти сомнения азербайджанские власти не перестают заявлять, что к 2013 г. им удастся ввести в строй вторую очередь проекта «Шах Дениза». По их словам, это позволит довести добычу до 8–12 млрд. куб. м. Однако эти обещания не слишком обнадеживают тех, кто реально рискует своими миллиардами. Ведь практика показывает, что любой продавец любит нахваливать свой товар, особенно, когда его еще нет в наличии.

Однако, даже если предположить, что у Баку все сложится так, как он рассчитывает, все равно – азербайджанский газ и тогда не сможет никого склонить к решению начать строительство нового трубопровода. Надежды же на присоединение к проекту «Набукко» Туркменистана, Узбекистана и Казахстана также не представляются оправданными.

Как известно, президент Узбекистана Ислам Каримов в ходе переговоров с Дмитрием Медведевым, прошедших в начале 2009 г. в Ташкенте, недвусмысленно заявил, что узбекский газ будет продаваться России. Эти обязательства властей Узбекистана уже закреплены соответствующими соглашениями. Более того, Ташкент даже готов продать Москве столько газа, сколько она не в состоянии принять – в силу технических ограничений имеющихся пропускных мощностей функционирующих трубопроводов.

Что касается Казахстана и Туркменистана, то и эти две страны также имеют действующие контракты с Москвой, причем рассчитанные на многолетнюю перспективу. Положительно же решенный еще в прошлом году вопрос о новой формуле цены, привязанной к европейской, давно лишил конкурентов Москвы шансов своими посулами соблазнить и переманить на свою сторону Астану, Ашхабад и Ташкент.

Газопровод «Набукко» протяженностью 3,3 тыс. км планируется построить для транспортировки природного газа Прикаспийского региона в Центральную Европу через Азербайджан, Грузию, Турцию, Болгарию, Венгрию, Румынию и Австрию. Проект призван реализовать консорциум «Nabucco Pipeline», в который вошли: австрийская OMV, немецкая RWE, турецкая Botas, болгарская Bulgargaz, румынская Transgas и венгерская MOL, имеющие в нем по 16,6%. Первоначальный срок окончания строительства сдвигался сначала на 2011, затем – на 2013 гг. Последний анонс «Nabucco Pipeline» говорит уже о 2014 г. Но строительство пока не начато, не подписаны даже необходимые контракты между поставщиками и потребителями природного газа.

Европейская бюрократия, заседающая в Еврокомиссии, выступает в роли опекунов консорциума «Nabucco Pipeline», причем делает это весьма неуклюже. Сначала планирует выделить 250 млн. евро на разработку ТЭО проекта, затем урезает их на 50 млн. Из

европейского плана оздоровления экономики, обсуждавшегося в Брюсселе, упоминание о «Набукко» исчезает. Против такой неразумной траты денег в период кризиса выступает Германия – ведущая страна ЕС.

Евробюрократы и акционеры «Nabucco Pipeline» впадают в панику: от безысходности они обращаются к России – с предложением войти в данный проект. Однако заместитель главы «Газпрома», Александр Медведев, с плохо скрываемой иронией отвечает отказом. «У нас – свой проект, у акционеров «Набукко» – свой», – напоминает он, указывая, что для поставок на европейский рынок Россия предлагает использовать «Северный поток», возводимый совместно с немецкими фирмами по дну Балтийского моря, и «Южный поток» – трубопровод по дну Черного моря, над которым россияне работают совместно с итальянцами.

Сторонники «Набукко» намеренно распространяют версию о том, что ключевым игроком в Прикаспии, способным вдохнуть жизнь в «Набукко», может быть Азербайджан. Но, чтобы убедиться в мифологичности подобных утверждений, достаточно проанализировать общедоступные статистические данные.

Пик экономических успехов Азербайджана уже пройден. Действительно, в новом веке эта республика демонстрировала внушительные успехи. Если в 2002 г. ВВП Азербайджана прирос на 10,6%, а в 2004 г. – на 10,2%, то на своем пике эти показатели рванули ввысь: прирост ВВП в 2005 г. составил 26,4%, в 2006 г. – 34,5%, в 2007 г. – 25%. Но в прошлом году начался спад: прирост ВВП составил лишь 10,8%.

Упали и темпы прироста добычи углеводородов. Нефти удалось добыть только 44,5 млн. т, хотя годовым планом на 2008 г. был предусмотрен совершенно иной рубеж – 52,6 млн. т. Но это – нефть, не ей хотят заполнить трубу «Набукко».

С природным газом Азербайджана для сторонников консорциума «Nabucco Pipeline» дела обстоят еще более нерадостно. Азербайджан никогда в своей истории не выступал значимым добытчиком, а, тем более, экспортером газа. В советский и постсоветский периоды он, в основном, импортировал иранский, российский и туркменский газ. Конечно, все в этом мире меняется, но не так быстро, как это пытаются представить сторонники «Набукко».

Последние обычно просто вводят в заблуждение общественность Европы, манипулируя цифрами. Часто в ход идет примитивный прием: сначала приводятся цифры добычи газа в Азербайджане, затем их сравнивают с проектной мощностью трубопровода «Набукко», которая составляет 30–31 млрд. куб. м в год. И, наконец, делается вывод о том, что объемов азербайджанского газа «почти» достаточно для загрузки трубы. Дело, мол, за малым: еще немного добрать туркменского или казах-станского газа.

На самом деле означенная версия не выдерживает критики. Не всякий добытый из недр газ является товарным, т. е. предназначенным для извлечения из него тех качеств, которые привычны большинству потребителей. Далеко не весь азербайджанский газ будет сожжен в топках ТЭС или горелках газовых плит на кухнях обывателей. Азербайджан, как и соседний Иран, вынужден использовать значительные объемы уже добытого газа в ином качестве. На языке профессионалов это именуется «производственными нуждами». В переводе на обычный язык это означает, что газ вынуждены закачивать обратно в пласты для поддержания эффективной добычи нефти.

Нефть – это основной экспортный товар Азербайджана, для транспортировки которого уже существует не один, а несколько экспортных трубопроводов. К тому же при желании нефть можно транспортировать из Азербайджана и железнодорожным, и морским транспортом.

Поэтому из 8 млрд. куб. м газа, добытого в 2008 г. ГНКАР, большую часть – 7 млрд. – пришлось закачать обратно. Это означает, что товарного газа Азербайджан в 2008 г. добыл только 16 млрд. куб. м, что составляет примерно половину объема проектной мощности трубы «Набукко». Как видим, это совсем не «почти» весь требуемый объем.

Но и это не все. Члены консорциума «Nabucco Pipeline» и их политические соратники намеренно запамятовали вполне очевидную истину: Азербайджан сам нуждается в потреблении определенных объемов добытого в республике газа. Внутренние потребности Азербайджана в природном газе сегодня оцениваются в 12 млрд. куб. м в год.

Итак, из 16 добытых миллиардов кубометров надо вычесть минимум 12 млрд. куб. м. На самом деле – еще больше, поскольку

ку компрессорные станции, обеспечивающие нужное давление в трубе и, соответственно, прокачку по ней газа, тоже работают все на том же природном газе, а это значит, что требуется учесть и эти расходы на эксплуатацию трубопровода. Остается меньше 4 млрд. «свободных» кубометров газа. Для запуска «Набукко» этого количества явно недостаточно.

Версия же о том, что добыча азербайджанского газа в будущем будет расти – не тот аргумент, который действительно может склонить ЕС тратить многие миллиарды евро на проект «Набукко». Так, в 2009 г. рост добычи действительно будет иметь место, но он будет незначительным.

Азербайджанцы обещают, что добыча товарного газа вырастет до 17,1–18,6 млрд. куб. м. Но прирост добычи совершенно необязательно пойдет на увеличение экспортных поставок. Это, кстати, еще одно распространенное заблуждение. Азербайджан ведь не в вакууме существует, он также испытывает влияние мирового кризиса, также старается уйти от однобокой экономики, диверсифицировать ее. Для этого власти Азербайджана пытаются создать новые отрасли экономики. Например, в Гяндже в прошлом году началось строительство сразу двух металлургических предприятий – сталелитейного завода и завода по выплавке алюминия. На это будет потрачен 1 млрд. долл., четверть из которых выделит национальный инвестор.

Предполагается, что сталелитейный гигант вступит в строй уже в 2011 г., т. е. ранее существующего срока запуска «Набукко». Это – весьма важное обстоятельство, поскольку любому мало-мальски грамотному человеку понятно, что новые промышленные мощности нуждаются в больших объемах электроэнергии, особенно – мощности по выплавке алюминия. Между тем, избытка электроэнергии в Азербайджане нет, наоборот, наблюдается падение выработки электроэнергии.

Азербайджан располагает 6 гидроэлектростанциями и 10 тепловыми электростанциями, работающими на топочном мазуте и природном газе. В 2008 г. Азербайджан переработал в топочный мазут на 63% меньше нефти, чем годом ранее. Был получен лишь 1 млн. т топочного мазута. Поэтому Баку будет вынужден по объективным причинам увеличивать поставку добываемого природного газа на ТЭС, для выработки необходимых объемов электроэнергии.

Социальная программа Ильхама Алиева также вряд ли будет заброшена, ведь именно благодаря ей президент Азербайджана получил на прошедшем в марте 2009 г. референдуме столь внушительную поддержку предложенным изменениям конституции.

В планах же властей, среди прочего, значится продолжение газификации Азербайджана. Пока газом обеспечены только 83% населения республики, поэтому, по оценкам экспертов, на внутренние нужды Азербайджана потребуется дополнительно, как минимум, 5 млрд. куб. м газа. Это тоже уменьшает шансы реализации «Набукко».

Попытки же сделать частью «Набукко» так называемый транскаспийский газопровод – чрезвычайно опасны для экологии Каспия. Столь же опасны для экологии и проекты прокладки по дну Каспия нефтепроводов и резкое усиление танкерного судоходства, равно как и сама добыча углеводородов на этом водоеме.

Уже сейчас прибрежные зоны Каспия и его воды довольно существенно загрязнены нефтью и нефтепродуктами. В особенности этим отличается азербайджанское побережье и, в первую очередь, города Баку и Сумгаит. По данным азербайджанского ученого Касимова, концентрация нефтепродуктов в водах этих районов достигла 427 мг/л, т. е. превышение нормы просто колоссальное – до 8540 ПДК!

Эти районы не только полностью утратили свое рыбохозяйственное значение – ситуация в них приобрела характер биологической катастрофы.

Огромную опасность для популяции осетровых рыб представляют и планы прокладки по дну Каспийского моря мощных трубопроводов. Осетровые породы рыб отличаются гиперчувствительностью к акустическому воздействию. Проектируемые подводные трубопроводы как раз станут источником сильного виброакустического поля, которое, особенно на неглубоких участках моря, может служить непреодолимым барьером для миграции осетра.

Данная ситуация приведет к тому, что осенью осетровые рыбы не сумеют уйти из вод Северного Каспия, хотя температура здесь к зиме в состоянии опуститься до +4 °С. В итоге отрезанная проложенной по дну трубой от теплого и богатого кормом Южного Каспия, немалая часть популяции осетровых неизбежно обрека-

ется на гибель. Аналогично тот же барьер встанет весной на пути миграции рыб в дельту Волги на естественные нерестилища.

Таким образом, наши оценки перспектив новых транспортных проектов в Каспийском регионе обязательно должны учитывать целый комплекс обстоятельств. Нельзя допускать, чтобы в погоне за прибылью либо за сомнительными геополитическими выгодами пострадала безопасность огромного числа жителей Каспийского региона. Поэтому надо отделять действительно выгодные и перспективные проекты – от тех, реализация которых может привести к иным результатам.

ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКОЙ АНТИКРИЗИСНОЙ ПРОГРАММЫ НА СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В.Г. Гельбрас

Самым важным новым геополитическим условием является мировой экономический кризис, непосредственное влияние которого стало сказываться на экономиках России, Казахстана и Китая лишь в конце 2008 г.

В Китае различные антикризисные меры начали принимать немедленно. Наибольшую известность получили: программа из 10 пунктов и решение правительства увеличить капиталовложения на преодоление кризисных явлений на 4 трлн. юаней (584 млрд. долл.).

За пять-шесть месяцев, прошедших после первых ударов кризиса по нашим странам, говорить о влиянии китайской антикризисной программы ещё рано. Важно, однако, разобраться в существе программы и действиях китайского правительства, обусловленных новой стратегией и новой политикой.

Особенность ситуации обусловлена тем, что в октябре 2008 г. на высоком партийном уровне в Китае принимаются фактически новая стратегия развития и целый комплекс политических установок. Это решение явилось итогом анализа положения дел в стране, проводившегося на протяжении 2002–2008 гг., и лишь совпало во времени с необходимостью принятия антикризисных мер.

На протяжении 2002–2008 гг. в КНР происходило постепенное осознание проблем и противоречий, вызванных созданием экономики, ориентированной на форсированное развитие экспортного производства. Благодаря использованию специфической модели экономического *роста*, потенциал страны многократно увеличился. Негативным же следствием её применения явился глубокий социально-экономический кризис, выразившийся в односторонности и разбалансированности экономики и общественных отношений.

Высшее руководство выступило с принципиально новой концепцией национального развития, в основу которой была положена идея гармонизации всех сторон общественной жизни.

Возникла необходимость разработки специфической модели *развития*, предусматривающей при этом сохранение экспортной ориентации экономик отдельных регионов страны.

Необходимо, прежде всего, обратить внимание на несколько базовых компонентов решений 2008 г.

1. Город и деревню намечено объединить в единый экономический, социальный и культурный комплекс. Эту задачу намечено выполнить «в основном» к 2020 г. Идёт процесс постепенной отмены «сельскохозяйственной» прописки крестьян, затрудняющей их миграцию по стране в поисках рабочих мест. Формируются единый национальный экономический комплекс и единый рынок рабочей силы.

2. Крестьянство получает равные с горожанами избирательные права. Увеличивается представительство крестьян в уездных и волостных собраниях народных представителей. К 2012 г. намечено осуществить реформу волостных и поселковых учреждений. Систему деревенского самоуправления предусмотрено сделать более «совершенной», с целью обеспечения гарантий демократических прав крестьян.

3. Сохраняется «неизменным на длительный срок» право крестьян хозяйствовать на подрядном участке. Он признается «важным средством производства крестьян и их базовой социальной гарантией». Законом будет гарантировано право крестьян на владение, использование подрядного участка и получение дохода.

На основе добровольности разрешается с помощью различных форм передавать право подрядного хозяйствования. Создаётся «рынок передачи права хозяйствования на подрядном участке». «На основе принципов добровольности и платности» крестьянам разрешается передавать подряд, сдавать подрядный участок в аренду, обменивать, уступать его, использовать в качестве пая в кооперативе для создания разнообразных крупных хозяйств.

Тем самым открывается путь к постепенному добровольному формированию крупных сельскохозяйственных кооперативных объединений и созданию земельного рынка. Тем самым создаются условия для перехода к несельскохозяйственной деятельности сотен миллионов крестьян и ускорению процесса урбанизации.

Мировой экономический кризис нанёс Китаю немалый ущерб. Постепенно уточняемая и дополняемая антикризисная программа правительства объективно способствует ускорению реализации мер по становлению принципиально нового устройства общества и государства.

Антикризисные программы учитывают невозможность быстрого изменения модели потребления обществом и государством. Поэтому правительство использовало проверенную модель экономического роста – увеличение инвестиций.

Прежде всего, намечено резкое увеличение масштабов железнодорожного и шоссеного строительства. Расширяются строительство и ремонт жилых и хозяйственных построек в деревнях, строительство биогазовых установок, водоочистных сооружений, сельских дорог, электросетей, ирригационных систем. Запланировано ускоренное строительство учреждений просвещения, здравоохранения и культуры, особенно в центральных и западных районах страны.

Отдельным направлением явилось экологическое строительство, особенно водоочистных и ассенизационных сооружений в городах, улучшение охраны лесов и энергосбережения.

Выделены средства для инновационного развития. Для стимулирования технической перестройки производства намечено снизить финансовое бремя предприятий, провести реформу налога на добавленную стоимость. Разработана программа технико-технологической реконструкции 10 базовых отраслей промышленности.

Намечено проведение крупных восстановительных работ в районах, пострадавших от стихийных бедствий.

Для повышения доходов городского и сельского населения предусмотрены: повышение закупочных цен на продовольственные культуры; увеличение субсидий и дотаций при приобретении крестьянами элитных семян, сельских орудий производства и многих других промышленных товаров. Увеличиваются ставки доплат малообеспеченным семьям, норм базовых страховых выплат пенсионерам предприятий, а также норм вспомоществования нуждающимся.

Учитывая большую роль финансовой системы в обеспечении экономического роста, отменены ограничения на размеры кре-

дитов коммерческих банков, расширяются масштабы кредитования, особенно узловых объектов, сельского хозяйства, средних и малых предприятий, объектов технического переоснащения. Принципиально важно: создаётся деревенская финансово-банковская система.

Принят комплекс мер для максимального сокращения безработицы.

Учитывая перемены в стратегии, изменение внутренней и уточнение внешней политики, энергичные меры по реализации антикризисной программы, можно говорить о том, что, вне зависимости от степени их реализации, в экономике и государственном устройстве Китая произойдут важные перемены.

В настоящее время оценивать грядущие изменения в политическом, экономическом и социально-культурном устройстве Китая ещё слишком рано. Можно лишь выделить наиболее важные, противоречивые и неоднозначные по своим последствиям антикризисные меры.

Во-первых, важным конституирующим элементом модели экономического роста в предкризисные годы являлись сверхвысокие накопления. В 1986–2000-е гг. инвестиции в основной капитал превышали 30%. В 2005 г. по отношению к номинальному ВВП они возросли до 48%, а в 2007 г. достигли 55% [1]. В 2008 г. инвестиции превысили 57% ВВП [2].

Ни одна страна в мире ещё не позволяла себе столь высоких накоплений на протяжении длительного периода времени. Закономерно, что на долю внутренней торговли приходилось менее 40% ВВП.

В 2008 г. инвестиции в основной капитал превышали 17,2 трлн. юаней. В 2009 г., с учётом антикризисной программы, они намного превысят 20 трлн. Даже при 8%-ном росте ВВП столь масштабные инвестиции неизбежно составят более половины ВВП. Они будут способствовать росту внутренней экономики, но вряд ли вызовут столь желанный, существенный рост потребления населения.

Во-вторых, для финансового обеспечения гигантских инвестиций правительствам провинций, городов центрального подчинения и автономных районов под полную их ответственность

позволено использовать местные займы, размеры и базовые условия которых определил Госсовет КНР.

Банкам было разрешено отступить от кредитных ограничений (кредиты, по закону, не должны превышать 75% от суммы депозитов). В результате уже в первые месяцы 2009 г. во многих крупных банках это соотношение снизилось до 60%. Происходит неизбежный рост «плохих» кредитов. Возникла опасность финансовой неустойчивости.

Таковы лишь два фактора, заметно осложняющих ход антикризисных мероприятий.

Необходимо отметить, что, сохраняя экспортную ориентацию экономики, правительство действует в нескольких направлениях:

- во-первых, перед внешнеторговыми организациями поставлена задача поиска и освоения новых рынков сбыта экспортной продукции;

- во-вторых, государство уже несколько раз пересматривало размеры экспортных пошлин. В декабре 2008 г. были снижены ставки возврата НДС для 3770 тыс. экспортных товаров, составляющих около 28% всего объёма экспорта. Аналогичные меры несколько раз принимались в 2008 и 2009 гг.

- в-третьих, огромные инвалютные резервы, достигшие почти 2 трлн. долл., используются широко и разнонаправленно, в частности, для целенаправленных вложений в государственные облигации США в целях ускорения восстановления экономики и покупательной способности одного из своих крупнейших партнёров.

Парадоксально, но факт – бедный Китай устремился на помощь богатейшим Соединённым Штатам. Учитывая, что, по словам специалистов, 1% роста внутреннего спроса в США и Европе вызывает увеличение производства в Китае на 5–6%, китайское правительство расширяет приобретение государственных займов своих партнёров, способствуя скорейшему возрождению спроса на китайскую продукцию.

Так, по сравнению с предыдущим месяцем на закупку госзаймов США в июле 2008 г. было направлено 14,9 млрд. долл., в августе – 23,7 млрд., в сентябре – 43,6 млрд., в октябре – 65,9 млрд. долл. На конец октября 2008 г. китайское правитель-

ство приобрело облигаций госзаймов США на 652,9 млрд. По их объёму Китай опередил Японию (585,5 млрд.) и Великобританию (360,2 млрд.) [3]. Как известно, на долю этих стран приходится 52,5% общей суммы госзаймов США [4].

В результате вырисовывается сложная ситуация: всеми силами стремясь превзойти экономику США, Китай на деле оказался в зависимости от финансово-экономического положения в этой стране. Глобализация, которую в Китае рассматривают в качестве одной из важнейших целей своей международной политики, действительно сделала мир взаимозависимым, но некоторые страны – особенно взаимозависимыми.

Далее, заметную роль в китайской модели экономического роста начинает играть экспорт капитала. В 2005 г. он составил 12,3 млрд. долл., в 2006 г. – достиг 21,2 млрд. и в 2007 г. – 18,7 млрд. долл. В 2008 г. он превысил 40,7 млрд. долл.

В настоящее время невозможно представить влияние изменений во внутреннем положении КНР на страны Центральной Азии. Что касается её внешней политики, особенно экспортной ориентации экономики, то можно предположить её преемственность – внешнеэкономические направления, отмеченные выше, в той или иной мере затронут все страны Центральной Азии.

С этой целью было бы разумным выявить основные тенденции, сложившиеся во внешней торговле КНР со странами Центральной Азии за последние 10 лет. Для избежания влияния различий в статистической отчётности используем данные таможенной статистики Китая. Рассмотрение таковых за 1996–2007 гг. позволяет говорить о существовании общих тенденций в торговле Китая со странами Центральной Азии:

- во-первых, за прошедшее десятилетие объём внешней торговли между Китаем и странами Центральной Азии многократно увеличился;

- во-вторых, с известной долей условности можно выделить две группы стран. Для Таджикистана, Туркменистана, Киргизии и Узбекистана характерно значительное превышение китайского экспорта над импортом. Исключением является только состояние торговли Китая с Казахстаном. В торговле и этих стран масштабы китайского экспорта превышают казахстанский импорт, но

разрыв между экспортом и импортом является не столь значительным, как у названной группы стран.

Пока для коренного изменения ситуации во внешней торговле этих стран существует слишком мало оснований. Можно предположить, что китайская сторона будет и в дальнейшем стремиться к максимально возможному расширению экспорта своих товаров во все страны региона. Китай имеет большие возможности для капиталовложений в эти страны и, несомненно, воспользуется сложившейся ситуацией.

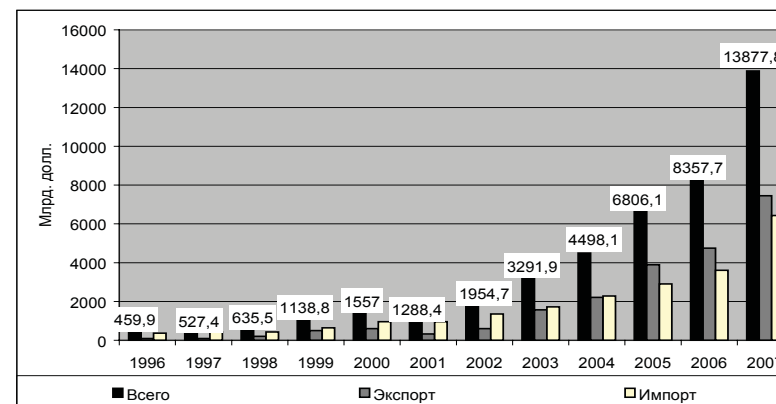
Литература

1. Zhongguo tongji zhayao, 2008. – Е 19, 53.
2. Zhonghua renmin gongheguo 2008 nian guomin jingji he shehui fazhan tongji gongbao (Статистическое коммюнике Китайской Народной Республики о развитии национальной экономики и общества в 2008 году) // <http://www.gov.cn>
3. Интерпретация экспертов: почему Китай увеличивает закупку американских госзаймов? // <http://russian.china.org.cn>
4. Существуют и более высокие оценки. Например, Brad Setser и Frana Pandey, исследователи из Council on Foreign Relations, считают, что Китай вложил в США в расчёте в долларах сумму, равную 40% своего ВВП 2008 г. Song weiyu yigesungguo jie zhemo guo qian gei meiguo (У бедного государства США занимают столь крупные средства) // <http://www.china-cbn.com>

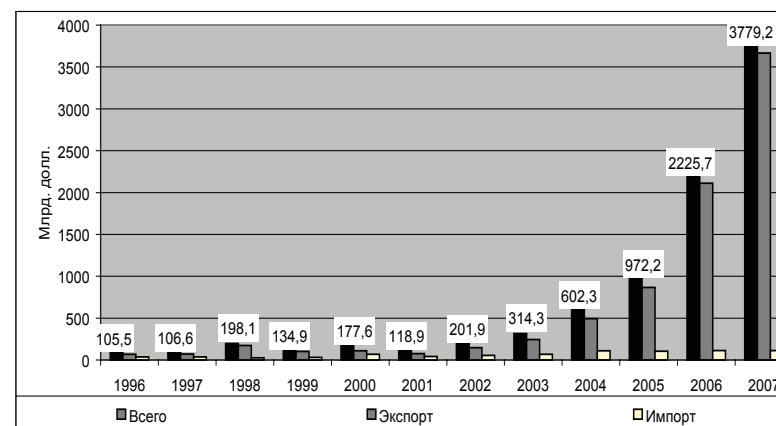
Приложения

ДИНАМИКА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ КИТАЯ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

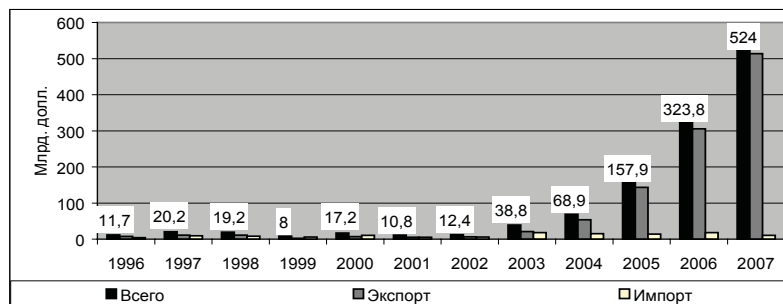
Внешняя торговля Китая и Казахстана

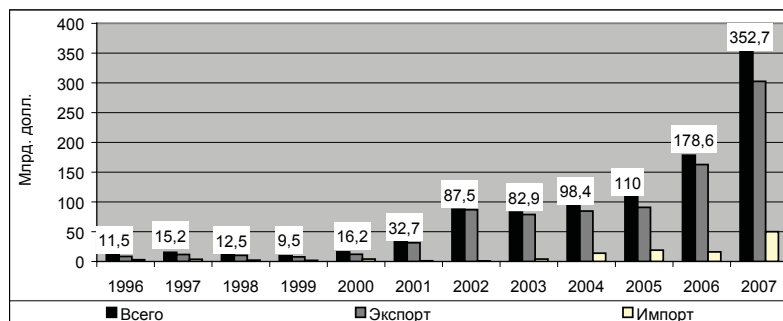
Внешняя торговля Китая и Киргизии

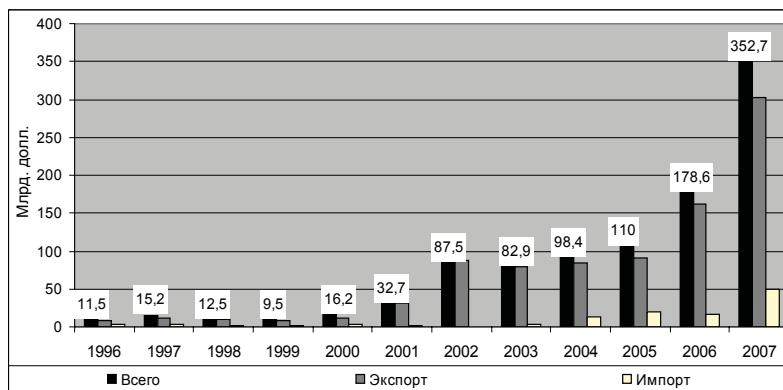
Внешняя торговля Китая и Таджикистана

Внешняя торговля Китая и Туркмении

Внешняя торговля Китая и Узбекистана

КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Л.М. Музапарова

В настоящее время между Казахстаном и Россией достигнут высокий уровень сотрудничества во всех ключевых областях, и, прежде всего, в сфере экономики. Для нашей страны Россия была и является главным экономическим партнером. Об этом свидетельствует тот факт, что практически во всех государственных экономических программах, осуществляемых в Казахстане в настоящее время (а их более 90), присутствует сотрудничество с Россией.

Россия является крупнейшим торговым партнером Казахстана, двусторонний торговый оборот с этой страной составляет 18% от всего объема внешней торговли РК. Торгово-экономические отношения с Казахстаном имеют 74 из 88 регионов России. Объемы товарооборота за 2008 г. составили 19,9 млрд. долл. США, увеличившись по сравнению с 2007 г. на 22%.

При этом на протяжении уже нескольких последних лет доля России в казахстанском экспорте ежегодно составляет порядка 20%, а в казахстанском импорте – свыше 40%. Надо сказать, что из России Казахстан импортирует в полтора раза больше, чем из всех европейских стран, вместе взятых.

Казахстан, в свою очередь, входит в десятку основных торговых партнеров России, причем его удельный вес во внешнеторговом обороте России со странами СНГ колеблется в пределах 20% (это – третий результат после Украины и Белоруссии).

Особое место в развитии казахстанско-российского сотрудничества в сфере экономики занимают экономические связи между приграничными областями двух стран, где действуют более 3100 совместных предприятий, включая и такие крупные, как: «Казросхром», «Коксохим», автомобильный комплекс на базе УралАЗ и Костанайского дизельного завода.

Суммарно на долю прямых межрегиональных связей приходится до 70% всего товарооборота. В целом, большинство российских регионов имеют сегодня экономические отношения с Казахстаном, и наоборот, то же самое можно сказать относи-

тельно казахстанских регионов. Приграничные территории стран охватывают: с российской стороны – десять областей, а также Алтайский край и три республики (Дагестан, Калмыкия, Алтай), а с казахстанской стороны – семь областей.

Во многом развитие казахстанско-российского приграничного сотрудничества обязано тому вниманию, которое уделяют ему главы двух государств. Свидетельством этого являются регулярно проводимые форумы приграничных регионов Казахстана и России.

Вместе с тем, сегодня развитие приграничных торгово-экономических связей сдерживается, в определенной мере, низким уровнем инвестиционного сотрудничества, отсутствием надежных механизмов взаиморасчетов и урегулирования экономических споров, а также высокими транспортными тарифами, различными требованиями к сертификации продукции, необорудованностью погранпереходов.

Другим важным показателем, характеризующим двустороннее экономическое сотрудничество, является численность совместных предприятий. Здесь следует отметить, что на долю совместных предприятий с российским участием приходится одна треть из СП, действующих на территории Казахстана. При этом количество совместных предприятий в Казахстане с участием российского капитала имеет устойчивую тенденцию к росту – на данном этапе их более 3-х тысяч.

Между Казахстаном и Россией создана Межправительственная комиссия, в рамках которой решаются вопросы двустороннего сотрудничества.

Казахстан и Россия являются общепризнанными «локомотивами» интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Данная роль во многом обусловлена уровнем их экономического развития, глубиной и успехом структурных преобразований в экономике. Ключевую роль при этом играет политическая воля руководителей обоих государств, направленная на дальнейшее развитие этих процессов.

Казахстан и Россия, невзирая на объективные и субъективные проблемы, уверенно продолжают непростой путь в направлении углубления региональной интеграции. Руководство обеих стран отдает себе отчет в том, что реальная интеграция – сложный и

болезненный процесс, требующий времени, осмысления опыта, накопленных ошибок и их разумного преодоления.

Успех в этом деле во многом зависит от развития отношений между государствами, составляющими ядро интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а именно – Казахстаном и Россией.

Именно осознание этого факта лежит в основе попыток Казахстана и России первыми выйти на новый уровень региональной интеграции, с учетом сложившихся политических и экономических реалий. Свидетельством тому является начало формирования Таможенного союза ЕврАзЭС, решение о создании которого было принято 6 октября 2007 г. на саммите в Душанбе.

Пока в этот Союз войдут только Россия, Казахстан и Беларусь – как страны, обладающие в настоящее время необходимым для этого экономическим весом. Однако основным аргументом в пользу того, что данная структура окажется жизнеспособной и эффективной, является то, что Таможенный союз будет иметь наднациональный орган, – и это является принципиальным моментом. Данному органу будут переданы некоторые функции национальных правительств.

Процесс формирования Таможенного союза потребует от государств принятия комплекса мер – начиная с формирования необходимой институциональной базы, согласования единого таможенного тарифа – до унификации торговых режимов по отношению к третьим странам и создания единой таможенной территории, чтобы Союз начал реально функционировать.

Работа по согласованию и унификации единого таможенного тарифа в рамках Таможенного союза России, Казахстана и Беларуси до 1 апреля 2009 г. будет завершена.

Последовательное построение и функционирование Таможенного союза послужит площадкой для его дальнейшего эволюционирования в более развитую форму экономической интеграции – единое экономическое пространство, где будет обеспечиваться принцип четырех свобод: товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Таково в целом состояние казахстанско-российского экономического сотрудничества на сегодняшний день. Каковы же, на наш взгляд, основные направления экономического сотрудничества, перспективные для обеих стран и важные с точки зрения Казахстана?

Во-первых, это *сотрудничество в энергетической сфере*, в которой Казахстан и Россия взаимодействуют в вопросах транспортировки казахстанского углеводородного сырья на мировые рынки с использованием магистральных трубопроводов России, а также совместно модернизируют нефтегазодобывающие производства.

Казахстан и Россия являются нефтедобывающими странами. При этом свыше 80% экспорта казахстанской нефти и газа идет через российскую территорию. Так что взаимозависимость двух стран в этом плане абсолютно очевидна.

Казахстан и Россия – основные акционеры Каспийского трубопроводного консорциума (КТК). Уже сегодня Казахстан является третьим (после России и Норвегии) по величине экспортером нефти на рынок Евросоюза (из числа стран – не членов ОПЕК).

Сегодня одним из экономически привлекательных является китайское направление транспортировки углеводородов. Нефтепровод Казахстан – Китай открывает экспортное направление для транспортировки казахстанской нефти на перспективный рынок Китая и других быстрорастущих стран Юго-Восточной Азии. Принимая во внимание высокую мощность трубопровода Казахстан – Китай (50 млн. т), возможно и целесообразно долговременное участие российских компаний в данном нефте-транспортном проекте.

Важно отметить, что в целом трубопроводные проекты, реализуемые Казахстаном, будут способствовать дальнейшему укреплению позиций крупнейших нефтетранспортных компаний Казахстана и России, причем как на евразийском пространстве, так и на мировом рынке транспортировки углеводородов.

В связи с увеличением объемов добычи и реализации казахстанского газа активизировалось взаимодействие по переработке этого ресурса в России и использованию российской транспортной инфраструктуры для его экспорта. Заметным достижением в этой сфере стала договоренность между казахстанской и российской сторонами о переработке в России газа с Карачаганакского месторождения. В этой связи 3 октября 2006 г. в Уральске было подписано межправительственное Соглашение о сотрудничестве в создании хозяйственного общества на базе Оренбургского нефтеперерабатывающего завода.

Одним из важных элементов энергетического партнерства двух стран является транзит туркменского (а также узбекского) природного газа в Россию и далее – на рынки Европы. В декабре 2007 г. между правительствами Казахстана, России и Туркменистана было подписано Соглашение о сотрудничестве в строительстве Прикаспийского газопровода для транспортировки туркменского и казахстанского природного газа по территориям Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана.

Другим важным направлением развития двустороннего сотрудничества в энергетической сфере является *сотрудничество в области мирного использования атомной энергии*. Среди наиболее перспективных и взаимовыгодных проектов – создание совместной объединенной компании в области гражданской ядерной энергетики, а также участие российских организаций в строительстве АЭС в Казахстане.

В настоящее время практические шаги к реализации данного интеграционного проекта в атомной отрасли уже начинают делаться, о чем свидетельствуют договоренности, достигнутые в рамках программы стратегического партнерства Российской Федерации и Республики Казахстан в области использования атомной энергии в мирных целях. Сделанный правительством Казахстана выбор курса на углубление интеграции казахстанской и российской экономик по всей цепочке ядерного цикла является одним из важнейших шагов, направленных на решение энергетической проблемы – как ключевой проблемы экономического развития.

Такое же значение сотрудничество с Казахстаном может иметь для российской экономики. Помимо этого, взаимодействие Казахстана и России в создании, строительстве и эксплуатации АЭС в г. Актау может стать одной из точек технологического прорыва в машиностроении.

В 2006 г. в целях мирного использования атомной энергии было создано три совместных казахстанско-российских предприятия, которые занимаются добычей урана на территории Казахстана, а также разработкой новых типов атомных реакторов малой и средней мощности.

Учитывая научно-производственный потенциал России и Казахстана в атомной энергетике, под контролем МАГАТЭ на

территории России был создан и открыт для участия других стран Международный центр по предоставлению услуг ядерного топливного цикла, включая обогащение урана. Казахстан стал первым государством, присоединившимся к данной инициативе России.

В целом, сотрудничество Казахстана и России в топливно-энергетической сфере носит стратегический характер и является важнейшей составной частью казахстанско-российских отношений. Эффективное взаимодействие в данной области будет служить необходимым условием жизнедеятельности экономических комплексов и социальной сферы двух государств.

Вторым по важности направлением двустороннего экономического сотрудничества после энергетики является *наращивание взаимодействия в высокотехнологичных и инновационных сферах*, в том числе в области совместного освоения и исследования космического пространства в мирных целях и использования космодрома Байконур, а также в области использования и развития глобальной навигационной спутниковой системы.

В настоящее время ведется планомерная работа по созданию современного ракетно-космического комплекса «Байтерек», включению казахстанских космонавтов-испытателей в составы космических экипажей Международной космической станции.

В мае 2008 г. были подписаны межправительственные соглашения о совместной работе по проекту Глобальной системы спутниковой навигации (ГЛОНАСС) и в области исследования космического пространства в мирных целях.

Как ожидается, это даст мощный толчок развитию в Казахстане новых наукоемких производств, позволит обеим странам полнее реализовывать свои научно-технические и интеллектуальные потенциалы.

Новым перспективным направлением становится инновационное сотрудничество, включая нано- и биотехнологии, создание искусственного интеллекта, а также внедрение цифрового вещания.

В целях качественного изменения содержания казахстанско-российского сотрудничества под руководством президентов РК и РФ создана рабочая группа по инновационному развитию, в формате которой за короткое время уже были проведены заседания и

определены главные направления деятельности, основные сферы приложения инновационного сотрудничества. Также рассматривается вопрос создания совместного казахстанско-российского венчурного фонда – между акционерным обществом «Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына», компанией «РоснаноТех» и Российской венчурной компанией.

У Казахстана и у России существует достаточная научная база, позволяющая на основе отечественных разработок развивать наукоёмкие производства по ряду направлений. Особого внимания заслуживают совместные высокотехнологичные проекты в химической отрасли, в том числе, по производству минеральных удобрений, а также проекты по сельскому хозяйству.

В целом, следует отметить, что расширение сотрудничества в атомной и космической сферах, а также реализация совместных проектов в нефтехимической и металлургической отраслях промышленности будут способствовать развитию высокотехнологичных производств, устранению структурных сдвигов в экономиках двух стран, повышению качества их экономического роста.

Одним из перспективных направлений экономического сотрудничества между Казахстаном и Россией является *взаимодействие в банковской сфере*. Как известно, в целях развития сотрудничества в январе 2006 г. был создан Евразийский банк развития (величина уставного капитала – 1,5 млрд. долл. США, в котором доля России составляет 1,0 млрд., доля Казахстана – 0,5 млрд. долл.). Деятельность данного банка направлена на расширение взаимовыгодных торгово-экономических связей между Казахстаном и Россией, а в перспективе – между государствами – участниками ЕврАзЭС и ЕЭП.

Активное развитие межбанковских связей двух государств становится важным фактором их устойчивого экономического роста. Оно будет способствовать успешной реализации совместных проектов в реальном секторе экономики, а также решению вопросов интеграции финансово-экономических инфраструктур Казахстана и России.

Вместе с тем, следует констатировать, что рынок ценных бумаг Казахстана в настоящее время еще не в полной мере выполняет свои основные функции, заключающиеся в аккумуляции сбережений и превращению их в инвестиции, в том числе в

межгосударственном отношении. Хотя он и обладает огромным потенциалом развития, в том числе в части финансирования инвестиций в реальном секторе экономики.

До настоящего времени инфраструктура российского фондового рынка в плане полной интеграции внешних инфраструктур (обслуживания иностранных депозитариев) не так доступна, как и инфраструктура фондового рынка Казахстана. В первую очередь, следует отметить законодательные ограничения в Российской Федерации, препятствующие работе депозитариев-нерезидентов в качестве номинальных держателей.

Ситуация, когда казахстанские компании упорно не хотели выходить на фондовый рынок, постепенно меняется. Однако необходимо отметить, что наибольшей популярностью при проведении первичного размещения акций у казахстанских компаний все еще пользуется Лондонская фондовая биржа, а не казахстанские или российские биржи.

Таковы вкратце, на наш взгляд, основные перспективные направления казахстанско-российского сотрудничества на ближайшее будущее.

Вместе с тем, несмотря на поступательное, лишенное каких-либо серьезных осложнений развитие казахстанско-российского сотрудничества, еще сохраняется ряд нерешенных проблем, тормозящих его расширение и углубление. Одной из таких проблем является отсутствие четкого определения инвестиционных приоритетов казахстанско-российского взаимодействия в отраслевом и территориальном разрезах, что проявляется как в недостаточном удельном весе в казахстанско-российском сотрудничестве взаимных инвестиций, так и в отраслевых диспропорциях в направлениях инвестиций.

Политика взаимного инвестирования пока еще не имеет системного характера, хотя участие российского капитала в развитии Казахстана может принести крупные дивиденды – как экономического, так и политического характера, и наоборот.

Таким образом, большое значение приобретает разработка механизма проведения согласованной инвестиционной и промышленной политики Казахстана и России, направленной на развитие производств с высокой добавленной стоимостью и повышение конкурентоспособности национальных экономик.

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

У.М. Нысанбек

Современная рыночная экономика немыслима без разветвленной, гибкой и многообразной системы кредитных отношений, которые, наряду с финансами, способствуют ускоренной мобилизации средств для осуществления расширенного воспроизводства, ускорения структурной перестройки экономики в условиях научно-технического прогресса, повышения конкурентоспособности, усиления динамики всех экономических процессов.

Очевидно, что кредитная система – так же, как и финансовая система в отношении финансов – развивает и конкретизирует понятие кредита.

Под денежно-кредитной политикой государства понимается совокупность мер экономического регулирования денежного обращения и кредита, направленных на обеспечение устойчивого экономического роста – путем воздействия на уровень и динамику инфляции, инвестиционную активность и другие важнейшие макроэкономические процессы.

Денежно-кредитная политика – важнейший метод государственного регулирования общественного воспроизводства с целью обеспечения наиболее благоприятных условий для развития рыночной экономики.

Формирование рыночных отношений объективно предопределяет овладение всем спектром механизмов экономического регулирования. Регулируются, и довольно жестко, практически все основные отношения, определяющие эффективность и жизнеспособность экономики в целом. Особой значимостью среди них обладают денежно-кредитные инструменты.

Анализ кредитных систем разных стран, учет преимуществ и недостатков каждой из них дают возможность построить систему кредитных отношений, отвечающую требованиям нового тысячелетия. К тому же процессы глобализации, интеграции и интернационализации мирохозяйственных связей требуют унификации структуры экономических отношений.

В развитии любого государства кредитная система во многом определяет развитие экономики, рост потенциальных возможностей государства и благосостояния его населения. Неэластичность кредитной системы и слабая реакция с ее стороны на запросы экономики требуют реформирования и разработки в стране новой финансово-кредитной политики.

Сегодня в любой, даже самой маленькой стране мира есть свой центральный банк, выполняющий две основные задачи. Задача первая – центральный банк должен обеспечивать стабильность функционирования банковской и финансовой систем. В частности, он должен предупреждать возникновение финансовой паники, вероятность которой в финансовой системе с широким набором посреднических институтов весьма велика. При выполнении этой задачи центральный банк играет роль кредитора в последней инстанции.

С помощью денежно-кредитного регулирования государство стремится смягчать экономические кризисы, сдерживать рост инфляции; в целях поддержания конъюнктуры государство использует кредит – для стимулирования капиталовложений в различные отрасли экономики страны.

Главными особенностями техники денежно-кредитного регулирования, осуществляющегося в соответствии с неокейнсианскими рекомендациями, являются: изменение официальной учетной ставки центрального банка; ужесточение или ослабление прямого ограничения объема банковских ссуд в зависимости от размеров совокупного спроса и занятости, уровня валютного курса, масштабов инфляции; использование операций с государственными облигациями преимущественно для стабилизации их курсов и понижение цены государственного кредита.

Принципиальное отличие техники денежно-кредитного контроля на основе монетаристского подхода состоит во введении количественных ориентиров регулирования, изменение которых обуславливает изменение направления денежно-кредитной политики. Выбор в качестве ориентира денежно-кредитной политики того или иного показателя во многом определяет и главные объекты, и саму технику денежно-кредитного контроля. Такими показателями могут быть как совокупная денежная масса, так и отдельные её агрегаты.

Особо следует подчеркнуть, что в последнее время государственные органы стран с рыночной экономикой все чаще используют в банковской сфере «политику развития конкуренции», т. е., стимулируют конкуренцию, расчищают для неё место, включая и меры, направленные против антиконкурентного сотрудничества.

В рамках этой политики находятся и предпринимаемые в последние годы действия по либерализации внутренних и международных финансовых рынков, отмене контроля над процентными ставками и ряда ограничений для банков на проведение сделок на рынках ценных бумаг и на другие виды финансовой деятельности. При этом широкий доступ иностранных банков к местным рынкам рассматривается как необходимый фактор повышения эффективности последних.

Финансовые институты, в соответствии со своей спецификой, разрабатывают общие принципы денежно-кредитной политики (в мировой практике – меморандум о денежно-кредитной политике), формулируют ее главную цель, основные направления кредитования.

Денежно-кредитные операции производства связаны с риском, степень которого в условиях спада производства, нестабильности экономики – растет. При определении денежно-кредитной политики денежно-кредитную стратегию следует ориентировать на диверсификацию – как состава клиентов, так и спектра предоставляемых им ссуд (услуг), что в условиях конкуренции крайне необходимо.

Совершенствование практики кредитования требует разработки оптимальной для финансовых институтов организации кредитования. В этих целях финансовые институты, имеющие в своем аппарате квалифицированных профессиональных финансовых работников, уделяют внимание поиску оптимальных вариантов методики расчета кредитоспособности заемщиков, правил кредитования. Денежно-кредитная политика финансового института разрабатывается также на основе положений экономической и денежно-кредитной политики государства, хозяйственной ситуации, сложившейся в данном регионе.

В современной финансовой практике можно выделить основные факторы, определяющие денежно-кредитную политику финансового института:

- наличие капитала;
- степень рискованности и прибыльность различных видов ссуд;
- стабильность депозитов;
- общее состояние экономики страны;
- воздействие денежно-кредитной и финансовой политики;
- способности и опыт банковского персонала;
- потребности в кредите района, обслуживаемого банком.

Серьезное влияние на денежно-кредитную политику коммерческого банка оказывает специфика обслуживаемого района. Основная цель выдачи чартера финансовым институтам – удовлетворение потребности в кредите обслуживаемого района. Если финансовый институт этого не делает, то в его существовании мало смысла.

Финансовые институты морально обязаны предоставлять ссуды заемщикам, которые подали разумные и экономически обоснованные кредитные заявки. Например, финансовые институты, расположенные в районах, где преобладает животноводство, не могут отказаться от кредитования этой отрасли, а должны строить свою политику с учетом запросов соответствующих хозяйств.

Очевидно, что развитие и повышение эффективности кредитной системы в условиях глобализации экономики необходимо рассматривать, прежде всего, как функцию государства, а не только Центрального банка той или иной страны. Исходя из этого, можно сделать вывод, что одним из главных критериев эффективности функционирования кредитной системы выступает уровень оптимизации институциональных условий, структуры банковской системы, способной обеспечить равный доступ к базовому набору банковских услуг всем членам общества.

Основным результатом, свидетельствующим об эффективной реализации государственной функции развития кредитной системы, должны выступать: формирование государством необходимой инфраструктуры для осуществления финансовых операций в стране; защита интересов всех членов общества, использующих государственную денежную единицу и осуществляющих сбережения в национальной валюте; эффективная трансформация сбережений в производительные инвестиции.

Из этого следует, что государство должно принимать участие в решении задач, возникающих в сфере обеспечения деятельности всех уровней кредитной системы, стимулируя – за счет бюджетных ассигнований – приоритетные направления ее развития. При этом государство должно иметь соответствующие рычаги и инструменты воздействия на ход этого процесса.

Для эффективной реализации функции развития кредитной системы у государства должно быть ясное понимание ее целей, сформулированных в виде системных требований к определенным параметрам состояния системы.

Еще одним важным критерием эффективности кредитной системы выступает обеспеченность оптимального уровня конкурентной среды в банковском секторе. Оптимизация данного критерия также входит в первоочередные задачи государства, решаемые с помощью тех органов, которым может быть делегировано их выполнение: антимонопольных или центрального банка.

Главная задача денежно-кредитной политики центрального банка – поддержание стабильной покупательной силы национальной валюты и обеспечение эластичной системы платежей и расчетов. В то же время, политика центрального банка является одной из важнейших частей регулирования всей экономики государства. Во второй половине XX в. сложился «магический четырехугольник» целей регулирования экономики: обеспечение стабильных темпов экономического роста, стабильной национальной валюты, занятости и равновесия платежного баланса. В последние годы к ним добавилась задача достижения экологического равновесия.

Первоначально основной функцией центральных банков было осуществление эмиссии наличных денег. В настоящее время эта функция постепенно ушла на второй план, однако не следует забывать, что наличные деньги все еще являются тем фундаментом, на котором зиждется вся денежная масса, поэтому деятельность центрального банка по эмиссии наличных денег должна быть не менее взвешенной и продуманной, чем любая другая.

Осуществляя денежно-кредитную политику, воздействуя на кредитную деятельность коммерческих банков и направляя регулирование на расширение или сокращение кредитования экономики, центральный банк достигает стабильного развития

внутренней экономики, укрепления денежного обращения, сбалансированности внутренних экономических процессов.

Таким образом, воздействие на кредит позволяет достичь более глубоких стратегических задач развития всего хозяйства в целом. Например, недостаток у предприятий свободных денежных средств затрудняет осуществление коммерческих сделок, внутренних инвестиций и т. д.

С другой стороны, избыточность денежной массы имеет свои недостатки: обесценение денег, и, как следствие, снижение жизненного уровня населения, ухудшение валютного положения страны.

Соответственно, в первом случае денежно-кредитная политика должна быть направлена на расширение кредитной деятельности банков, а во втором – на ее сокращение, переход к политике «дорогих денег» (рестрикционной).

Нужно отметить, что денежно-кредитная политика осуществляется как косвенными (экономическими), так и прямыми (административными) методами воздействия. Различие между ними состоит в том, что центральный банк либо оказывает косвенное воздействие через ликвидность кредитных учреждений, либо устанавливает лимиты в отношении количественных и качественных параметров деятельности банков.

Предложение денег на денежном рынке играет в экономике большую роль. Это, в частности, следует из известного уравнения обмена. Соответственно ему существует зависимость между объемами денежной массы, скоростью обращения денег, выпуском продукции и уровнем цен. А вот что показывает западная статистика:

«...Уровень роста предложения денег и средний уровень цен практически линейно зависимы – с коэффициентом более 0,9 для всех агрегатов во всех странах со всеми экономиками (по развитости).

Уровни роста предложения денег и реального производства абсолютно не связаны между собой там, где прирост денежной массы – более, чем примерно 18% в год. В странах же с меньшими темпами роста денежной массы существует практически линейная зависимость – с коэффициентом около 0,1.

Уровень инфляции и уровень роста реального продукта абсолютно не взаимосвязаны».

Выше уже были упомянуты политика дорогих денег (рестрикционная) и политика дешевых денег (экспансионистская). Ниже мы увидим, в чем они заключаются и каков механизм их реализации.

Предположим, экономика столкнулась с безработицей и со снижением цен. Следовательно, необходимо увеличить предложение денег. Для достижения данной цели применяют политику дешевых денег, которая заключается в следующем:

- во-первых, центральный банк должен совершить покупку ценных бумаг на открытом рынке – у населения и у коммерческих банков;
- во-вторых, необходимо провести понижение учетной ставки;
- в-третьих, нужно ужесточить нормативы по резервным отчислениям.

В результате осуществления данных мер увеличатся избыточные резервы системы коммерческих банков. А поскольку именно резервы являются основой увеличения денежного предложения коммерческими банками путем кредитования, то можно ожидать, что предложение денег в стране возрастет. Увеличение денежного предложения понизит процентную ставку, вызывая рост инвестиций и увеличение равновесного чистого национального продукта.

Из вышесказанного можно заключить, что задача данной политики – сделать кредит дешевым и легкодоступным, с тем, чтобы увеличить объем совокупных расходов и занятость.

В ситуации, когда экономика сталкивается с излишними расходами, что порождает инфляционные процессы, центральный банк должен попытаться понизить общие расходы – путем ограничения или сокращения предложения денег. Чтобы решить эту проблему, необходимо понизить резервы коммерческих банков, что осуществляется посредством мер, описываемых ниже.

Центральный банк должен продавать государственные облигации на открытом рынке – для того, чтобы урезать резервы коммерческих банков. Затем необходимо увеличить резервную норму, что автоматически освобождает коммерческие банки от избыточных резервов. Третья мера заключается в поднятии учетной ставки – для снижения интереса коммерческих банков

к увеличению своих резервов посредством заимствований у центрального банка.

Приведенную выше систему мер называют политикой дорогих денег. В результате ее проведения банки обнаруживают, что их резервы слишком малы, чтобы удовлетворять предписываемой законом резервной норме, т. е. их текущие счета слишком велики по отношению к их резервам. Поэтому, чтобы выполнить требование резервной нормы при недостаточных резервах, банкам следует сохранять свои текущие счета, воздерживаясь от выдачи новых ссуд, после того, как старые выплачены.

Вследствие этого денежное предложение сокращается, вызывая повышение нормы процента, а рост процентной ставки, в свою очередь, сокращает инвестиции, уменьшая совокупные расходы и ограничивая инфляцию. Цель политики заключается в ограничении предложения денег, т. е. снижении доступности кредита и увеличении его издержек – для того, чтобы понизить расходы и сдерживать инфляционное давление.

Необходимо отметить сильные и слабые стороны использования методов денежно-кредитного регулирования при оказании воздействия на экономику страны в целом. В пользу монетарной политики можно привести несколько доводов, главный из которых – быстрота и гибкость (по сравнению с фискальной политикой).

Известно, что применение фискальной политики может быть отложено на долгое время – из-за обсуждения в законодательных органах власти. Иначе обстоит дело с денежно-кредитной политикой. Центральный банк и другие органы, регулирующие денежно-кредитную сферу, могут ежедневно принимать решения о покупке и продаже ценных бумаг и, тем самым, влиять на денежное предложение и процентную ставку.

Второй немаловажный аспект связан с тем, что в развитых странах данная политика изолирована от политического давления, кроме того, она по своей природе мягче, чем фискальная политика, и действует тоньше, а потому представляется более приемлемой в политическом отношении.

Однако существует и ряд негативных моментов. Политика дорогих денег, если проводить ее достаточно энергично, действительно способна понизить резервы коммерческих банков до

точки, в которой банки вынуждены ограничивать объемы кредитов. Соответственно, это означает ограничение предложения денег.

Политика дешевых денег может обеспечить коммерческим банкам необходимые резервы, т. е. возможность предоставления ссуд, однако она не в состоянии гарантировать, что банки действительно выдадут ссуду и предложение денег увеличится. При такой ситуации действия данной политики окажутся малоэффективными.

Данное явление называется циклической асимметрией, могущей стать серьезной помехой денежно-кредитному регулированию во время депрессии. В более нормальные периоды увеличение избыточных резервов ведет к предоставлению дополнительных кредитов и, тем самым, к росту денежного предложения.

Другой негативный фактор, замеченный некоторыми неокейнсианцами, заключается в следующем. Скорость обращения денег имеет тенденцию меняться в направлении, противоположном предложению денег, тем самым, тормозя или ликвидируя изменения в предложении денег, вызванные политикой, т. е., когда предложение денег ограничивается, скорость обращения денег склонна к возрастанию. И, наоборот, когда в период спада принимаются политические меры для увеличения предложения денег, весьма вероятно падение скорости обращения последних.

Иными словами, при дешевых деньгах скорость их обращения снижается, при обратном ходе событий политика дорогих денег вызывает увеличение скорости обращения.

Известно, что общие расходы могут рассматриваться как денежное предложение, умноженное на скорость обращения денег. Следовательно, при политике дешевых денег, как было сказано выше, скорость обращения денежной массы падает, а, значит, и общие расходы сокращаются, что противоречит целям политики. Аналогичное явление происходит при политике дорогих денег.

Государство должно быть заинтересовано в том, чтобы кредитная система страны стремилась к максимальной эффективности, т. е. была способна привлекать средства и являться трансформатором сбережений в инвестиции – для всех членов общества и на всем экономическом пространстве страны.

Там, где требуемый уровень банковского обслуживания может быть достигнут без участия государства, только за счет коммерческой деятельности кредитных организаций, вмешательства государства и поддержки с его стороны не требуется. Однако, если с помощью только рыночных инструментов этот уровень благ не может быть достигнут, то восполнение пробела должно стать государственной задачей.

Кроме того, государство должно быть заинтересовано в необходимом уровне капитализации банковского бизнеса, в достаточных масштабах развития банковской сети на всей территории страны. Поддержка оптимального уровня мощности банковской системы и предотвращение системных рисков, которые могут быть вызваны уходом с рынка кредитных организаций, также входят в обязанности государства.

Немалую роль в укреплении банковской системы сыграло развитие межбанковского денежного рынка, позволившее банкам организованно удовлетворять свои краткосрочные потребности в ликвидности или продавать временно свободные ресурсы. Значительное влияние на повышение качества услуг оказало присутствие на финансовом рынке страны банков с иностранным капиталом.

Создание финансового рынка означало принципиальное изменение роли кредитных институтов в управлении экономикой и повышение значения кредита в системе экономических отношений. Однако по-прежнему более предпочтительными для банков второго уровня оставались вложения средств в государственные ценные бумаги и операции с иностранной валютой, так как при этом обеспечивался гарантированный безрисковый доход. Несмотря на то, что кредитование реального сектора является более доходным по сравнению с доходностью ценных бумаг, тенденция роста долгосрочных кредитов имела ярко выраженный характер.

Как отмечалось ранее, важнейшее место в финансово-кредитной системе занимают небанковские организации, которые осуществляют отдельные виды банковских операций, но выступают в качестве кредитных товариществ и организаций.

В целом, на современном этапе развития финансово-кредитная система характеризуется интенсивным стратегически

ориентированным направлением совершенствования имеющейся структуры, внедрением новых механизмов регулирования финансового рынка и оптимизации общеэкономической ситуации.

Таким образом, развитие кредитной системы должно включать весь комплекс механизмов воздействия на обеспечение построения рациональной и эффективной системы – посредством внедрения принципиально новых моделей развития всех секторов финансово-инвестиционного рынка.

**ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСПОРТНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В ТРЕУГОЛЬНИКЕ
КАЗАХСТАН – РОССИЯ – КИТАЙ
В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
ТРАНСПОРТНО-КОММУНИКАЦИОННОГО
КОМПЛЕКСА В СУАР КНР**

Р.Ю. Изимов

Рост объемов международных перевозок между регионами Европы и Азии требует создания комплексного трансконтинентального коммуникационного коридора, предусматривающего использование всех видов наземного и водного транспорта.

В создании таких транспортно-коммуникационных комплексов (ТКК) жизненно заинтересованы Казахстан, Россия и Китай. Уже сегодня китайское руководство усиленными темпами формирует в своих западных регионах транспортную инфраструктуру. В данном контексте большое значение для дальнейшего развития экономик Казахстана, России и в целом стран Центральной Азии имеют стратегические цели транспортной политики КНР.

Рассмотрим формирование железнодорожного, автомобильного и трубопроводного транспорта в СУАР КНР и перспективы создания международных транспортно-коммуникационных коридоров в направлении ЕС – транзитом через Казахстан и Россию – более подробно.

***Развитие транспортных коммуникаций
в Синьцзян-Уйгурском автономном районе***

В соответствии со стратегией «Большого освоения запада», западные районы Китая, и, в первую очередь, СУАР, становятся площадками для крупных финансовых вливаний из госбюджета КНР. Важное место в данной концепции занимают планы китайского руководства по развитию широкой сети транспортных коммуникаций.

Определяющими факторами развития транспортной инфраструктуры на западе Китая стали геополитические и военно-стратегические интересы китайского руководства – в последнее время Китай проявляет повышенную заинтересованность в

различных вариантах транспортировки своей продукции сухопутными маршрутами.

Более того, использование транзитного потенциала стран Центральной Азии, России и Южного Кавказа – с дальнейшим выходом в страны Евросоюза, по сравнению с нынешним морским путем, становится для Китая выгодным. Китайское руководство полагает, что в целях создания действенных транспортных коридоров необходимо развивать современную логистику на своей территории, в частности, в СУАР КНР. В перспективе это позволит осуществлять более тесные торгово-экономические связи с внешними партнерами.

Главной составляющей сухопутных коммуникаций в Синьцзяне становятся железнодорожные магистрали. По плану XI пятилетки, к 2020 г. в западных регионах КНР будет сформирована единая железнодорожная сеть.

В соответствии с соглашением, подписанным в 2007 г. между Администрацией СУАР, Министерством железных дорог, Министерством коммуникаций и Главным управлением гражданской авиации КНР, было принято решение об ускорении темпов строительства инфраструктуры в транспортной сфере.* В этой связи в Синьцзяне началась подготовка технико-экономического обоснования проекта строительства новых железнодорожных линий, наиболее крупными из которых являются:

- железнодорожная ветка Кумул – Линьхэ, в настоящее время находящаяся на стадии реализации. Ожидается, что завершение 1390-километровой линии сократит протяженность железнодорожной магистрали Пекин – СУАР с 3700 до 2800 км;
- вторая двухколейная железнодорожная магистраль Урумчи – Цзинхэ. Прокладка данной железнодорожной ветки обусловлена необходимостью снизить напряженность перевозок на Синьцзянском участке второго Евразийского транспортного коридора. Данную магистраль планируется состыковать со строящейся электрифицированной линией Цзинхэ – Кульджа – Хоргос, что, по мнению специалистов, в перспективе позволит значительно увеличить грузопоток до китайско-казахстанской границы;

* В рамках железнодорожного плана в течение 12 лет планируется инвестировать 5 трлн. юаней (735 млрд. долл. США). Предполагается, что в результате общая протяженность железных дорог в стране увеличится более чем на 40 тыс. км, а также будет электрифицировано 60% железнодорожных линий.

- одним из крупных проектов, предусмотренных в рамках строительства современных электрифицированных железнодорожных линий в СУАР, стала железнодорожная ветка Цзиньхэ – Кульджа – Хоргос.

28 декабря 2008 г., по истечении 4-летнего периода, в СУАР были завершены работы по строительству туннелей, мостов, железнодорожной насыпи и других основных сооружений данной железнодорожной ветки, проходящей через северную часть Тянь-Шаньских гор. С марта 2009 г. началась укладка железнодорожного полотна. В строительство данной железной дороги уже вложено более 6 млрд. юаней (882 млн. долл. США) [1].

Следует отметить, что, развивая и модернизируя транспортно-коммуникационный комплекс в СУАР, китайское руководство решает следующие задачи:

- *во-первых*, ускоряется процесс выравнивания межрегионального дисбаланса в общем развитии страны. Широкие сети железнодорожных и автомобильных линий будут способствовать эффективному осуществлению планов Компартии Китая, касающихся модернизации западных районов КНР;

- *во-вторых*, развитие транспортной сети западных провинций открывает большие возможности для быстрой и надежной поставки товаров, произведенных в приморских районах Китая, на европейские рынки – транзитом через центральноазиатские страны;

- *в-третьих*, принимается во внимание военно-стратегический аспект, поскольку развитая сеть железных и автомобильных дорог, в случае необходимости, обеспечит быструю доставку военной техники, личного состава и необходимых грузов к району государственной границы, что позволит укрепить обороноспособность страны.

Параллельно с железнодорожным строительством в Синьцзяне, также интенсивно транспортные ведомства КНР осуществляют планы по реконструкции существующих и строительству новых скоростных автотрасс. За последние пять лет на автомобильное строительство правительством СУАР было выделено 43 млрд. юаней (6,3 млрд. долл.). К настоящему времени общая протяженность автодорог в СУАР достигла 145 тыс. км. Пред-

полагается, что к 2010 г. она составит 168 тыс. км, в результате чего сеть автодорог будут охвачены 99,8% поселков и волостей данного региона.

По планам руководства КНР, в ходе XI пятилетки намечено построить сеть магистралей и путей сообщения между провинциями. Одним из приоритетов является ускорение строительства участка международного автомобильного коридора «Западная Европа – Западный Китай» – высокоскоростной магистрали «Ляньюньган – Хоргос».

Данная автострада начинается на востоке Китая, в порту Ляньюньган, и заканчивается на западе, у КПП Хоргос. Общая протяженность автострады – 4708 км. Синьцзянский участок связывает следующие города автономии: Синсинся – Кумул – Шаньшань – Турфан – Урумчи – Санджи – Шихэцзы – Куйтунь – Хоргос.

На седьмом пленарном заседании ЦК КПК 16-го созыва, проходившем в октябре 2007 г., центральное правительство приняло постановление о выделении в период 2009–2013 гг. 100 млрд. юаней (14,7 млрд. долл.) на улучшение транспортных коммуникаций и оптимизацию структуры автомагистралей, соединяющих восточные провинции и Синьцзян, наиболее значимыми из которых являются: Синсинся – Турфан, Сайрам-Нур – Хоргос, Циншуйхэ – Кульджа, Кашгар – Эчен – Моюй, Душаньцзы – Куча и Корла – Куча.

В настоящее время особое внимание уделяется правительством КНР строительству транспортных путей, идущих к государственным границам. В частности, до 2012 г. на строительство сети авто- и железных дорог, ведущих к приграничным районам, выделено 2,3 млрд. юаней (338 млн. долл. США). Помимо этого, АБР предоставил правительству СУАР кредит на развитие транспорта в городах Чугучак, Кульджа и в районе КПП Алашанькоу в размере 150 млн. долл. США.

В этом контексте важная роль отводится транспортным коммуникациям, соединяющим крупные центры со специальной экономической зоной (СЭЗ) «Хоргос», расположенной на казахстанско-китайской границе.

Наряду с этим, Китай активизирует развитие газо- и нефтепроводных линий, берущих начало в Прикаспийском регионе.

Сегодня на стадии реализации находятся два крупных китайско-центральноазиатских проекта:

- нефтепровод Казахстан – Китай. В настоящее время достраивается последний участок: Кенкияк – Кумколь, завершение строительства запланировано на 2010 г.;

- газопровод Туркменистан – Китай, также находящийся на стадии завершения.

В ближайшие 5 лет на прокладку 15 тыс. км трубопроводов Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) планирует выделить 12,4 млрд. долл. США. В настоящее время на территории Китая ведется строительство нефтепровода Алашанькоу – Душаньцзы длиной в 246 км, который станет частью транснационального нефтепровода Атасу (РК) – Алашанькоу (КНР) [2].

Столь пристальное внимание Китая к Прикаспийскому региону обуславливается стратегией руководства КНР, предусматривающей обеспечение альтернативных поставок в страну углеводородного сырья – в случае обострения ситуации в Персидском заливе или в Малаккском проливе.

Таким образом, в условиях постоянного роста объемов внутренних и международных перевозок, а также энергетических поставок, создание современной транспортной инфраструктуры в рамках концепции «Большого освоения запада» стало приоритетным направлением государственной политики КНР.

Еще одним фактором, определяющим практическую значимость модернизации ТКК в Синьцзяне, является доставка углеводородов из СУАР в другие регионы Китая – автотранспортными и железнодорожными средствами, а также трубопроводами.

Значение и перспективы формирования международных транспортных коридоров между Казахстаном, Россией и Китаем

Рост экономического сотрудничества между КНР, странами ЦА и Россией требует расширения транспортных возможностей. Регион ЦА и РФ имеют для Пекина стратегическую значимость, поскольку позволяют Китаю диверсифицировать пути экспорта своей продукции на западные рынки. В частности, Китай актив-

но участвует в строительстве пяти автомагистралей, ведущих в страны ЕС и РФ через территории стран ЦА.* Кроме этого, Китай принимает участие в реализации проекта Трансазиатской железной дороги (ТАЖД).

В свою очередь, для географически изолированных центральноазиатских стран, удаленных от морских коммуникаций, Китай также играет важную роль. Расширение взаимодействия с Китаем в транспортной сфере, прежде всего, отвечает интересам стран ЦА – в плане диверсификации национальных экономик.

Необходимо отметить, что для Казахстана и России приоритетное значение на современном этапе приобретает строительство международного автомобильного коридора «Западная Европа – Западный Китай», который обещает стать одной из самых крупных транспортных артерий, связывающих Европу и Азию – протяженность данного маршрута составляет 8445 км. Согласно ТЭО, пролегать он будет через следующие города: Ляньюньган – Чжэнчжоу – Ланьчжоу – Урумчи – Алматы – Шымкент – Кызылорда – Актобе – Оренбург – Казань – Нижний Новгород – Москву – Санкт-Петербург. 2787 км пройдет по территории Казахстана, 3425 км – по территории Китая, и 2233 км – по территории России.

По сообщениям экспертов, окончательное завершение работ по строительству казахстанского участка данного коридора планируется в 2013 г. Необходимо отметить, что прохождение коридора через такие казахстанские города, как Актобе, Кызылорда и Шымкент, обеспечит транзит транспортных потоков не только в Россию и Китай, но и в страны Южной Азии – через Узбекистан и Кыргызстан.

* Маршруты автомагистралей: 1. Автотрасса Урумчи – КПП Алашанькоу – Актогай (Казахстан) – Караганда – Астана – Петропавловск – Курган (Россия); 2. Урумчи – КПП Хоргос – Алматы – Бишкек (Кыргызстан) – Чимкент – Туркестан – Кызылорда – Актау – ЕС; 3. Урумчи – Корла – Аксу – Кашгар – КПП Иркештам (Китай) – Ош (Кыргызстан) – Андижан (Узбекистан) – Ташкент – Бухара (Узбекистан) – Теджен (Туркменистан) – Мешхед (Иран) – Тегеран (Иран) – Стамбул (Турция) – Европа; 4. Кашгар – КПП Карасу – Хорог (Таджикистан) – Душанбе (Таджикистан) – Термез (Узбекистан) – Бухара (Узбекистан); 5. Порт Карачи (Пакистан) – Пешавар (Пакистан) – Исламабад – КПП Кунджирап (Китай) – Кашгар – КПП Торугарт (Китай) – Бишкек (Кыргызстан) – Алматы – Талдыкорган – Семипалатинск (Казахстан) – Барнаул (Россия).

Одними из основных положительных показателей данного проекта, также называемого «Новым Шелковым путем», является сокращение протяженности и времени нахождения в пути. Временные показатели и экономическая привлекательность данной магистрали намного превосходят таковые уже существующих альтернативных коридоров – автодорожного Транссиба и морского пути, проходящего через Суэцкий канал.

Из всех государств Центральноазиатского региона страной, наиболее полно отвечающей требованиям, предъявляемым к данному транспортно-коммуникационному проекту, является *Казахстан*. Транзитный потенциал республики открывает большие возможности для значительного сокращения сроков поставки грузов на региональные рынки Европы и Азии.

Между тем, в ситуации с железнодорожным сообщением на участках РК и КНР имеются серьезные трудности (недостаточная пропускная способность единственного ж/д перехода Достык – Алашанькоу, расположенного на казахстанско-китайской границе).

С учетом вышесказанного, большое значение для Казахстана имеет строительство железной дороги Хоргос – Сарыозек. В соответствии с договоренностями, достигнутыми в ходе казахстанско-китайских переговоров, было решено состыковать на участке Хоргос ж/д линии РК с китайской веткой Цзиньхэ – Кульджа – Хоргос. Данный отрезок пути является частью транскитайской магистрали Ляньюньган – Хоргос, что в перспективе может интенсифицировать движение товаро- и грузопотоков из восточной части КНР в страны ЕС через казахстанскую территорию.

Развитие данного направления весьма актуально – в силу нарастающей конкуренции между странами СНГ за транзитные перевозки китайской продукции. Более того, учитывая перегруженность единственного на сегодняшний день в Казахстане ж/д перехода Достык – Алашанькоу, открытие ж/д Хоргос будет способствовать росту и развитию казахстанско-китайских торгово-экономических отношений, а также транзитных возможностей Казахстана.

В результате ввода в эксплуатацию линии Хоргос – Сарыозек ожидается сокращение средней дальности перевозок в/из стран Центральной Азии и южных регионов Казахстана на 440 км. В

этой связи факторами, во многом определяющими стратегию развития транспортной отрасли Казахстана, являются те выгоды и преимущества, которые страна может получить благодаря своему геополитическому положению.

Наряду с модернизацией транспортно-коммуникационного комплекса в СУАР, китайская сторона предлагает расширить и транспортные возможности центральноазиатских стран. В последнее время в контексте данной идеи китайские специалисты ведут активную транспортную дипломатию. Одним из крупных проектов, предлагаемых китайской стороной, является строительство на территории Казахстана железной дороги с узкой колеей.

По мнению большинства экспертов, узкоколейная линия позволит значительно увеличить объемы транзитных перевозок через страны СНГ. Однако в данном проекте имеются проблемные аспекты, на которые следует обратить внимание:

1. Функционирование железнодорожной линии с узкой колеей будет осуществляться только в транзитном режиме, что затруднит координацию казахстанской транспортной сети с международными перевозками и обусловит ее инновационное и техническое отставание;

2. Для КНР узкоколейная железная дорога, проходящая по территории Центральной Азии, будет иметь не только экономическое, но и, возможно, военно-стратегическое значение, что гипотетически делает регион уязвимым со стороны восточного соседа в плане безопасности;

3. Реализация указанного проекта будет вызывать определенное противодействие со стороны России, так как принятие европейского стандарта ширины железнодорожной колеи снизит российское геополитическое влияние в Центральноазиатском регионе.

В целом транспортная политика КНР в ближнесрочной перспективе может иметь для экономического развития центральноазиатских стран и России как позитивные, так и негативные последствия:

1. Процесс формирования международной системы транспортных коммуникаций обуславливает инфраструктурное развитие, рост смежных производств, а также увеличение

занятости населения. Расширение транспортного потенциала в странах ЦА и РФ активизирует процесс развития торгово-экономических отношений с зарубежными странами и, в частности, с КНР;

2. Увеличение объемов товарооборота может стать причиной адекватного снижения объемов национального производства, что приведет к еще большей конкурентоспособности китайских товаров на внутренних рынках региона. Наряду с этим, интенсификация передвижения рабочей силы может способствовать росту нерегулируемой миграции: из западных провинций КНР – в ЦА, а из северо-восточных районов – на российский Дальний Восток.

* * *

Таким образом, отношения Китая с Казахстаном и Россией в транспортной сфере развиваются динамичными темпами. Реализуемые и планируемые КНР проекты, направленные на модернизацию транспортно-коммуникационных комплексов в СУАР, демонстрируют намерения Пекина, касающиеся интенсификации экономических связей со странами Каспийско-Центральноазиатского региона. На данном этапе интересы Казахстана и, в целом, стран ЦА, а также России, совпадают с китайскими планами по развитию международных транспортных коридоров.

Вместе с тем, появляются конкурирующие между собой предложения, делаемые китайской стороне центральноазиатскими странами и Россией, на осуществление международных транзитных перевозок. В этом плане Казахстану, в целях более эффективного использования своего транзитного потенциала, необходимо наращивать объемы и качество перевозок – путем реконструкции авто- и железнодорожных переходов и строительства новых ТКК, соответствующих международным стандартам.

Также целесообразно ускорить строительство станций и логистических центров, расположение которых должно соответствовать маршрутам железных дорог, проходящих по территории Казахстана. В целях оптимизации собственного транзитного потенциала Казахстану необходимо внедрять прогрессивные технологии и современные механизмы логистического сервиса международного уровня.

В условиях нарастающей международной конкуренции за транзит Казахстану следует решить проблему введения единых стандартов грузовых перевозок, унификации и гармонизации таможенного законодательства, координации работы пограничных таможенных служб, институционального управления. Следует отметить, что указанные задачи могут решаться также в рамках деятельности ШОС.

Анализируя современную ситуацию, сложившуюся в области транспортного сотрудничества в треугольнике Казахстан – Россия – Китай, следует обратить внимание, что, наряду с преимуществами, расширение сотрудничества Казахстана и России с Китаем в транспортной сфере может иметь некоторые неоднозначные последствия:

- Углубление транспортных связей между Казахстаном, Россией и Китаем, бесспорно, послужит мощным стимулом для усиления экономической экспансии Китая, которая будет осуществляться за счет увеличения объемов поставок в регион готовой китайской продукции. В этой связи крайне сложно предположить, к каким последствиям может привести возрастание экономического и политического влияния КНР в регионе ЦА;

- Рост экономического и геополитического влияния Китая в ЦАР, несомненно, будет вызывать противодействие со стороны России и других международных игроков, присутствующих в регионе. В этом случае, учитывая только свои национальные интересы, Россия и Китай будут стараться тормозить осуществление проектов без своего участия, что, в свою очередь, может отразиться на экономике как центральноазиатских стран в целом, так и Казахстана, в частности.

Литература

1. Чжунхуа жэньминь гунхэго цзяотун юньшу бу (По материалам сайта министерства транспорта и коммуникаций КНР) 07.08.2009 // <http://www.moc.gov.cn>
2. Шанхай хэцзо цзучжи цюйи цзинцзи хэцзо ван (Региональное экономическое сотрудничество ШОС) 23.12.2008 г. // <http://www.sco-ec.gov.cn>

ЗАРУБЕЖНЫЕ НИИ И АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВОПРОСУ КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Е.Н. Заборцева

Двусторонние отношения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан – государствами, являющимися на постсоветском пространстве наиболее значимыми по размерам территорий – не могут не представлять интерес для глобального сообщества, включая и зарубежную научно-академическую среду.

Если в 2002 г. утверждения о том, что Средняя Азия является, в определенной мере, неким «забытым регионом» [1] не были редкостью – в силу того, что для многих наш регион олицетворял «неизведанную заводь мировой коммунистической системы» [2], то в настоящее время существует множество научных центров, кафедр ведущих вузов, изучающих и специализирующихся на странах постсоветского пространства, включая и Среднюю Азию.

Естественно, что с каждым годом публикуется все больше и больше работ, затрагивающих все аспекты развития постсоветских стран. Отдельно следует отметить, что данный термин – постсоветские страны – является все еще достаточно популярным, что подтверждают названия многих периодических изданий.

Стратегические контуры двусторонних отношений

Внешнеполитические контуры двусторонних отношений между нашими странами последнего десятилетия свидетельствуют о положительной динамике их развития.

Так, к примеру, «Декларация между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие» [3] может служить залогом неизменности позитивных и благотворных взаимоотношений между нашими странами.

2003 г. был объявлен президентами двух стран «Годом Казахстана в России» (в частности, годом известного казахского

поэта-просветителя Абая), а 2004 г. – «Годом России в Казахстане» [4]. В целом за период независимости главами Республики Казахстан и Российской Федерации было подписано свыше 300 двусторонних договоров и соглашений, на регулярной основе проходят встречи между руководством парламентов, правительств и других органов государственной власти наших стран. Осуществляется и многостороннее сотрудничество в рамках СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС, СВМДА, а также других международных организаций и форумов.

В интервью, данном «Российской газете», Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев на вопрос о его оценке сотрудничества России и Казахстана ответил, что «вопреки известной формуле о вечных друзьях и вечных интересах, Казахстан и Россия – страны, которым суждено быть вечными друзьями самой историей. Не говоря уж о нашем общем прошлом, новые яркие главы в летопись взаимоотношений вписаны уже за годы независимости» [5].

Россия является основным торговым партнером Казахстана и одним из основных экономических партнеров. В качестве примера можно привести следующие данные: в республике функционируют 2300 компаний, имеющих в своем капитале российское содержание. Удельный вес Казахстана в общем товарообороте России со странами СНГ превышает 20% [6].

Динамично развивается инвестиционное сотрудничество, успешно функционирует научно-технический комплекс «Байконур».

В мае 2008 г., по приглашению Президента РК Н.А. Назарбаева, состоялся государственный визит в республику Президента России Д.А. Медведева [7].

В совместном заявлении президенты отметили, что одними из важнейших направлений дальнейшего сотрудничества должны стать: формирование общего научно-технологического пространства с целью рационального использования интеллектуального, научного и технического потенциала обеих стран; взаимодействие в культурно-гуманитарной сфере.

Также было отмечено, что Казахстан и Россия намерены углублять и совершенствовать связи в оборонной и военно-технической областях, рассматривая их в качестве важной состав-

ляющей обоюдного стратегического партнерства в интересах поддержания региональной и глобальной безопасности [8].

Зарубежные НИИ, специализирующиеся на изучении политики и экономики России и стран Евразии

В большинстве зарубежных стран научно-исследовательские институты зачастую создаются на базе определенных лидирующих вузов.

К числу наиболее крупных и авторитетных академических НИИ, изучающих постсоветские страны, можно отнести такие всемирно известные учреждения образования и науки, как Гарвардский, Оксфордский, Принстонский, Йельский университеты, Лондонскую Школу Экономики, и другие. Отдельно можно отметить Центр изучения России, стран Европы и Евразии Университета Джорджа Вашингтона, Центр Российских и Евразийских наук, Монтерей, Торонто, и многие другие.

Помимо НИИ, созданных на базе академических вузов, на изучении отдельных аспектов развития СНГ, включая Россию и Казахстан, специализируются следующие признанные международные «think-tanks» (*стратегические НИИ*):

- Известный в Казахстане институт – в силу ряда проведенных в республике конференций – Chatham House;
- Centre for Russian Studies, Norwegian Institute of International Affairs (NUPI);
- Vienna Institute for Comparative Economics;
- The Brookings Institution;
- Carnegie Endowment for International Peace;
- Council on Foreign Relations;
- Institute for Policy Studies.

На протяжении последних десятилетий и Казахстан, и Россия придерживаются политики интенсивного вовлечения в систему международных экономических отношений, активно привлекают зарубежные инвестиции в различные сектора экономики, включая и промышленно-производственную сферу. В данной связи естественна и профессиональная заинтересованность, а также активная деятельность ряда *международных консалтинговых фирм*, специализирующихся на вопросах взаимодействия в

рамках СНГ, и, в частности, на специфике взаимоотношений РФ и РК.

В России и Казахстане широко известна так называемая «Большая финансовая четверка» (Deloitte & Touche Consulting, Ernst & Young, KPMG и Pricewaterhouse Coopers), деятельность которой аудиторской и узко финансовой специализацией не ограничивается.

Любая серьезная профессиональная консультация, затрагивающая вопросы инвестирования в отдельные приоритетные национальные, и, в особенности, зарубежные проекты неизбежно основывается на спектре широких вопросов.

Безусловно, что в настоящее время вопросы политического курса и внешних связей стран, представляющих потенциальный интерес для инвестирования, являются одними из первоочередных. Поэтому аналитики данных компаний учитывают следующие факторы, влияющие на внутривнутриполитические и внешнеэкономические курсы РФ и РК: непосредственно взаимоотношения между странами; перспективы данного взаимодействия; степень влияния связей между ними, а также их интегрированность в систему международных отношений.

Кроме известной в республике McKinsey and Company, следует упомянуть такие компании, как Booz Allen Hamilton и Emerging Markets Group (EMG). PBN работает в Республике Казахстан уже десятилетие: в 1989 г. данная компания, в рамках контракта с ЕБРР, осуществляла свою деятельность в качестве секретариата Совета иностранных инвесторов при Президенте Республики Казахстан. Впоследствии PBN представляла в Казахстане интересы нескольких компаний, в числе которых: Caspian Pipeline Consortium, Diageo, Anheuser-Busch и Coca Cola.

Bearing Point (до 2002 г. – KPMG Consulting) также проявляет интерес к евразийскому рынку. Примечательно внимание компании к непосредственно финансовой деятельности республики, и, в особенности, к деятельности финансовых регуляторов рынка страны. Данная компания опубликовала анализ «Унификации регуляторов финансового сектора на примере Республики Казахстан».

Нельзя обойти стороной и Boston Consulting Group – компанию, известную в Казахстане в качестве основного приоритетно-

го консультанта в период создания Регионального финансового центра Алматы (РФЦА).

Среди юридических компаний, имеющих евразийскую практику, можно отметить American Bar Association Central European and Eurasian Law Initiative (CEELI) и Dewey & LeBoeuf, LLP.

Отдельные академические подходы к вопросам внешней политики казахстанско-российских отношений

В области зарубежной политологии в отношении специфики развития наших стран, а также специфики двусторонних отношений не только не существует единого мнения – необходимо отметить наличие весьма противоречивых оценок в данном направлении. Более того, нет согласия и в отношении существующего стратегического курса взаимодействия лидирующих стран мира с постсоветскими странами, а также интерпретации характера существующих отношений.

Десятилетие назад в ведущих академических журналах, специализирующихся на постсоветских странах, поднимался вопрос о том, какие предложенные подходы к экономической, политической и социальной трансформации наших стран можно считать действительно фундаментальными, учитывая кардинальный характер изменений их политико-экономических режимов.

Так, к примеру, в работе с достаточно символическим названием «Посткоммунистическая политология: десять лет спустя, двадцать лет позади» Пауль Кубичек (факультет политологии, Университет Окленда) задавался вопросом: «Сможем ли мы действительно внести что-то новое в изучение политических тенденций на постсоветском пространстве? Или же мы разливаем новое вино в старые бокалы известных теорий и концепций?» [9].

Железный занавес, столь долго ограждавший Советский Союз, породил множество иллюзий и домыслов о существовавшем режиме и системе взаимоотношений в рамках СССР. Причем, отнюдь не всегда они имели негативный оттенок, зачастую можно встретить и весьма идеалистические подходы.

Данные проблемы в изучении специфики отношений, существовавших в рамках единого Союза, не могут не накладывать отпечатка на сложность специфики изучения рядом зарубежных

стран отношений, сложившихся между странами бывшего СССР в период независимости.

Наибольшую полемику вызывают *вопросы сотрудничества в энергетической области*. Здесь, в частности, можно выделить нео-либеральный подход [10], геополитический (через призму реализма), и, пожалуй, нео-меркантилизм (как теоретическое течение в рамках политической экономии. Ряд авторов, к примеру, Ч. Е. Зиглер, рассматривает вопросы деятельности КазМугайГаза через призму данного подхода) [11].

Ниже – учитывая степень влияния США на характер международных отношений – в качестве примера рассмотрен геополитический подход к оценке субъектов, имеющих интересы в Евразийском регионе.

• «Наступательный реализм» и геополитика Каспийского региона

Данному течению наиболее привержены специалисты американской научно-академической среды, а также непосредственно представители правительства США. Причем, отношения Казахстана и России рассматриваются через призму интересов США.

Геостратегическая значимость Каспийского региона не ограничивается вопросами энергетической безопасности для США: Евразийский регион является составляющим аспектом более глобальной стратегии развития США в 21 веке. Так, эксперты отмечают: «...перед США стоит задача не только политического контроля над региональными энергетическими ресурсами, в частности, казахской нефти, но также и связанная с реализацией данной задачи конфронтация интересов России и США» [12].

Геополитическая значимость региона в рамках интересов США неоднократно подчеркивалась З. Бжезинским, бывшим советником по вопросам безопасности Президента США Джимми Картера. Наиболее известна в данной связи его книга «Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы» [13].

Ж. Н. Kalicki, в прошлом работавший в Администрации Клинтона, в частности, в Омбусмуне по вопросам энергетики и коммерческого взаимодействия со странами СНГ, а также советником Департамента коммерции, ныне представляющий

Woodrow Wilson International Center, отмечает в своих работах, что «значимость Каспийского региона неотделима от огромных запасов нефти и газа в силу своего критического влияния на принятие будущих глобальных экономических решений», и в связи с этим выражает тревогу о стабильности крайне сложных взаимоотношений нескольких субъектов международных отношений в регионе [14].

Концепция *Heartland* первоначально была озвучена Н. Маккиндер в начале прошлого века. Данная теория, пожалуй, является самой известной геополитической моделью, которая подчеркивает доминирующее влияние власти, основанной на территориальном, а не морском владении. Центральной идеей теории является убежденность, что тот, кто управляет Восточной Европой, владеет *Heartland* (обобщая – Центральной Азией), а обобщая эту же идею до более сжатой концепции – тот, кто управляет *Heartland*, управляет Миром [15].

За последние 20 лет появилось значительное количество различных научных работ, в которых изучается политический курс развития постсоветских стран. Взаимоотношения между Россией и Казахстаном рассматриваются в них через призму следующих подходов: политической культуры; институтов/партий; теории игр/формальных моделей; национализма/региональной политики; транзитологии; политической экономии; общественной политики; политического поведения и многих других.

В целом же, учитывая многогранный интерес к вопросу внешней политики России и Казахстана, а также к курсу их экономического взаимодействия, можно прогнозировать дальнейшую интенсификацию изучения вопросов двусторонних отношений между двумя странами.

Литература

1. *Pacek A. C.* "Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia" by Pauline Jones Luong. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
2. Там же.
3. Декларация между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие (от 6 июля 1998 г.) // Дипломатический вестник, 1998, август.

4. Евразийство в XXI веке: 2003 год – год исторической дружбы Казахстана и России. Дайджест // <http://www.nklibrary.kz>
5. Интервью Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева «Российской газете». "Нам суждено быть вечными друзьями". 2006 г., май // <http://www.akorda.kz>
6. The role of RFCA in development of Russia-Kazakhstan economic relations. Presentation on 16th International Business Conference Innovation as the basis for economic diversification. – Tokyo, Japan. – 2007. – November, 6. – Business dialog.
7. См.: <http://www.sectscsco.org>
8. См.: <http://www.mid.ru>
9. *Paul Kubicek.* Post-communist political studies: ten years later, twenty years behind? *Communist and Post-Communist Studies*. – 33 (2000). – P. 295–309.
10. *Uzdemir.* Limits to Cooperation: Energy Security and the Politics of Natural Gas Pipelines in the Caspian. – Uppsala University, Sweden, 2007.
11. *Charles E. Ziegler.* Competition for markets and influence: Asian National Oil Companies in Eurasia // *Asian Perspective*. – 2008. – Vol. 32. – No. 1. – Pp. 129–163.
12. *Iseri, E.* The US Grand Strategy and the Eurasian Heartland in the Twenty-First Century // *Geopolitics*. – 2009. – V.14. – № 1, January. – Pp. 26–46(21).
13. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1998.
14. *J.H Kalicki.* Caspian energy at the crossroads // *Foreign Affairs*. – 2001. – September/October.
15. *Halford Mackinder.* Democratic Ideals and Reality. – London: Constable and Company, 1919.

Секция III
ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА
В ЭНЕРГЕТИКЕ

МНОГОВЕКТОРНАЯ ПОЛИТИКА
КАЗАХСТАНА В ОБЛАСТИ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ
И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

Н.А. Симония

Развал СССР в наибольшей степени обескуражил республики Средней Азии. Российское же руководство того времени, увлеченное односторонней ориентацией на Запад, прикрываясь сомнительным предложением, будто Россия превратилась в «дойную корову» для остальных союзных республик, стало на путь резкого сокращения экономических взаимосвязей со Среднеазиатским регионом.

Столь благоприятной ситуацией не преминули воспользоваться Соединенные Штаты. Но особенно они активизировались в Закавказье и Прикаспийском регионе – в связи с освоением там природных энергетических ресурсов.

Стратегическая цель США заключалась в том, чтобы обеспечить свободный доступ к углеводородным ресурсам «Большого Каспия» крупнейшим западным нефтегазовым корпорациям. Для этого им предстояло решить в свою пользу *ключевую проблему транзита*, которая возникла в результате развала СССР и теперь превратилась в данном регионе в важнейший геополитический и геоэкономический фактор.

Данный фактор стал одним из главнейших рычагов, используя который, США и ЕС получили возможность более эффективно осуществлять стратегию, направленную на дальнейшую дезинтеграцию СНГ, изоляцию других республик от России. Западу предстояло решить проблему формирования новых маршрутов *в обход* России.

Собственно, решение этой задачи и составляет ныне главное содержание противоборства Запада и России в рассматриваемом

регионе. Вот почему США и ЕС первыми приступили к политизации энергетических проблем в Прикаспийском регионе, что вызвало обострение отношений с Россией на этой почве.

На первом этапе США добились значительных успехов. Впрочем, сделать это было достаточно легко, поскольку руководство ряда республик Прикаспийского региона, освоившись с новой ситуацией, приступило к поиску новых энергетических партнеров и инвесторов. Главным звеном в осуществлении стратегии «Большого Каспия» стал Азербайджан, который в сентябре 1994 г. подписал шумно разрекламированный «контракт века» – Соглашение о долевом разделе продукции, предусматривавшее разработку месторождений Азери, Чираг и Гюнешли (АЧГ) в течение 30 лет.

В создавшихся условиях страны Прикаспийского региона стали формировать свою *многовекторную внешнюю политику*, в том числе и в энергетической сфере.

После того, как США достигли первых успехов в плане освоения углеводородных ресурсов Азербайджана и строительства сначала нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД), а потом и Южно-Кавказского газопровода до турецкого Эрзурума, они приступили ко второму этапу – выстраиванию важного звена в сооружаемой системе обхода России.

Запад во главе с США настойчиво стремился побудить Казахстан и Туркмению согласиться на сооружение *транскарпийских трубопроводов* нефти и газа. Особенно энергично развертывались события вокруг вопроса о присоединении Казахстана к нефтепроводу БТД. Азербайджан и, особенно, администрация США стали оказывать на Астану беспрецедентное давление, уговаривая присоединиться к БТД и построить транскарпийский нефтепровод.

В марте 2006 г. Казахстан посетил госсекретарь по энергетике Самуэль Бодмэн – с целью уговорить Астану ускорить принятие решения о присоединении к БТД. В мае того же года последовал визит самого вице-президента США, Д. Чейни, который грубо льстил руководству страны, называя ее «стратегическим партнером», стоящим на пути демократии, и т. п. Тогда же комиссар ЕС по энергетике, Пиебалгс, обещал президенту Назарбаеву профинансировать разработку проекта транскарпийского газопровода.

В апреле 2007 г. на заседании в Баку рабочей группы ЕС – Азербайджан – Грузия – Казахстан представитель Брюсселя выразил готовность оказать этому проекту политическую и финансовую поддержку. В середине того же месяца посол США в Казахстане, Джон Ордвей, заявил о том, что прикаспийские государства могут начать реализацию проектов по строительству транскаспийских нефте- и газопроводов на двух- и трехсторонней основе, не дожидаясь окончательного урегулирования правового статуса Каспия [1].

Нужно сказать, что для достижения своих целей администрация США надеялась использовать некоторые разногласия, существующие между Россией и Казахстаном (по вопросу об увеличении мощности КТК – Каспийского трубопроводного консорциума, по закупочным ценам, транзитным тарифам и т. п.), а также лидирующее положение американских компаний в общем объеме иностранных инвестиций в нефтегазовый сектор Казахстана, чтобы склонить на свою сторону руководство этой страны.

Однако Президент РК Н. Назарбаев весьма профессионально вышел из затруднительного положения, связанного с его приверженностью «многовекторной» внешней политике, с одной стороны, и нежеланием портить отношения с Россией, через которую шли основные экспортные потоки казахстанской нефти, – с другой. И хотя в июне 2006 г. он подписал с Азербайджаном соглашение о присоединении Казахстана к БТД, но сделал это в своем варианте, а не в духе навязываемой ему американцами идеи о транскаспийском нефтепроводе.

Казахстан «присоединился» к БТД в том смысле, что он готов был морем (танкерами) поставлять некоторое количество прироста своей нефтедобычи с будущего шельфового месторождения Кашаган, а не жестко привязываться подводным нефтепроводом к фланцу трубы БТД. Он готов был поставить на первом этапе (т. е. по Экспериментальной программе добычи нефти на Кашагане) до 7,5–10 млн. т, а в дальнейшем, возможно, и до 25 млн. т/г. (после того, как добыча на Кашагане достигнет своего максимума) [2].

Что касается среднеазиатского газа, то идея транскаспийского газопровода была выдвинута США еще в 1996 г. и позднее к ней

активно присоединились ЕС, Турция и Азербайджан. Предполагалось строительство по дну Каспия газопровода пропускной способностью 30 млрд. куб. м газа из Туркмении, Казахстана и Узбекистана.

С европейской стороны еще в 2000 г. возник проект, впоследствии получивший название «Набукко», который призван был замкнуть цепь между Турцией и Европой и составить альтернативу проекту российского «Газпрома».

В 2007–2008 гг. Россия окончательно осознала необходимость более системного стратегического подхода к вопросу об энергетическом сотрудничестве со странами Центральной Азии. Были предприняты серьезные шаги по двум важным направлениям:

1. *Проблема расширения мощности КТК.* Каспийский трубопроводный консорциум был создан еще в советские времена – для транспортировки экспортной нефти с месторождения Тенгиз (Казахстан – Новороссийск) и до сих пор носит на себе многочисленные «родимые пятна» некомпетентности и коррумпированности чиновничества поздней советской эпохи.

В настоящее время акционерами являются как правительства – основатели КТК: Россия – 24%, Казахстан – 19% и Оман – 7%, так и частные нефтяные компании: Chevron Caspian Pipeline Consortium Company – 15%, СП Лукойла и BP LUKARCO-BP – 12%, СП «Роснефти» и Shell Caspian Ventures Limited – 7,5%, Mobil Caspian Pipeline Company – 7,5%, дочка Enel – Agip International (N.A.) N.V. – 2%, BG Overseas Holding Limited – 2%, Kazakstan Pipeline Ventures LLC – 1,75% и Oryx Caspian Pipeline LLC – 1,75%. Впрочем, в марте 2008 г. Оман решил выйти из КТК, направив оферту на выкуп принадлежащих ему акций двум другим государственным акционерам.

Казахстан и иностранные акционеры уже давно добиваются увеличения мощности нефтепровода до 67 млн. т в год, так как он представляет собой наиболее быстрый и дешевый способ наращивания экспорта казахстанской нефти. Однако до недавнего времени на пути решения этого вопроса стояли два препятствия.

Первая проблема связана с перегруженностью турецких проливов. В связи с этим Турция установила квоту на нефть из

Новороссийска. В результате увеличение прокачки казахстанской нефти по КТК автоматически оборачивалось бы сокращением экспорта из самой России. Таким образом, предстояло решить проблему проливов.

Долгие годы Россия обсуждала с властями Болгарии и Греции вопрос о сооружении нефтепровода Бургас – Александруполис, по которому нефть из Новороссийска могла бы поставляться в Европу, минуя проливы. Проблема разрешилась лишь в 2007 г., после визита Президента РФ В. Путина в Болгарию и Грецию, подписания соглашения о строительстве трубопровода (март 2007 г.), и ратификации его Госдумой (май) и парламентами двух других участников соглашения. Мощность трубопровода, предусмотренная проектом, составляет 35 млн. т в год, с последующим увеличением до 50 млн. т.

Вторая проблема связана с ситуацией в самой КТК. На первый взгляд, поведение России, как страны-транзитера, может показаться странным. Но это – только на первый взгляд. Дело в том, что деятельность КТК – это, очевидно, единственный случай в мировой практике, когда стране-транзитеру она не выгодна.

С точки зрения России, эксплуатация КТК осуществляется крайне неэффективно, в результате чего консорциум залез в долги (около 5,3 млрд. долл. США), в то время как акционеры, кредитовавшие строительство трубопровода, на протяжении всех этих лет получали неоправданно высокие процентные выплаты (по уставу консорциума, брать займы у других банков – запрещалось), российское же государство никакой прибыли не получало.

Неудивительно, что в 2006 г. Федеральное агентство по энергетике России (Росэнерго) решило вмешаться в ситуацию вокруг КТК, с целью существенного изменения положения. Россия добилась смещения главы КТК – представителя Chevron – и назначения на этот пост своего представителя. Правительство также передало «Транснефти» свою долю (24%) в консорциуме, и провело трудные переговоры с другими частными акционерами – о повышении тарифов, снижении процентных ставок и реструктуризации искусственно сотворенной задолженности.

2. В 2007 г., во время визита В. Путина в Казахстан, окончательно сдвинулся с «мертвой точки» еще один важный «долгострой» – *вопрос об использовании и экспорте природного газа с крупней-*

шего казахстанского месторождения Карачаганак. Вопрос этот обсуждался с середины 1990-х гг. и стоял он так: либо Казахстан строит собственный газоперерабатывающий завод (ГПЗ) в районе Карачаганака (что, несомненно, и дорого, и долго), либо газ поступает на соседнюю российскую территорию – на Оренбургский ГПЗ, уже начавший испытывать нехватку местного газа.

В результате переговоров вопрос, наконец, решился – на действительно равноправной и взаимовыгодной основе. Договорились, что на базе Оренбургского ГПЗ будет создано СП «Газпрома» и «Казмунайгаза», которое на паритетных началах будет закупать сырой газ у консорциума Karachaganak Petroleum Operating* по 33 долл. за 1 тыс. куб. м в объеме 16 млрд. куб. м в течение 15 лет. При этом другое СП – ЗАО «Казросгаз» – будет экспортировать часть переработанного сухого газа на экспорт, по-видимому, по 160 долл. за 1 тыс. куб. м, после выполнения квоты поставок переработанного газа для внутреннего потребления в Казахстане.

Таким образом, в ближайшей перспективе практически весь казахстанский газ будет перерабатываться и экспортироваться российско-казахстанскими СП, работающими на паритетных началах. Это, безусловно, новое качество в практике российско-среднеазиатских энергетических взаимоотношений.

3. Большой прорыв был совершен 12 мая 2007 г., во время саммита в г. Туркменбаши В. Путина, Н. Назарбаева, Г. Бердымухамедова и заочно участвовавшего И. Каримова, где была подписана Декларация о *строительстве прикаспийского газопровода* мощностью 10 млрд. куб. м (с перспективой ее увеличения до 30 млрд.), а также расширения и модернизации существующей трубопроводной системы Средняя Азия – Центр.

Стороны договорились, что ТЭО будет подготовлено к сентябрю 2007 г., в течение первой половины 2008 г. будет подписано межправительственное и коммерческое соглашение о создании консорциума по проекту трубопровода, а со второй половины 2008 г. начнутся строительные работы. В результате мощности для транспортировки газа из Средней Азии в Россию возрастут – с нынешних 60 млрд. куб. м до 90 млрд. в 2014 г. В соответствии

* Британская BG и итальянская Eni являются операторами «Карачаганака», в котором им принадлежит по 32%. Еще 20% принадлежит Chevron и 15% – Луккойлу.

с достигнутыми договоренностями, российская сторона покупает газ на границе среднеазиатских республик [3].

После России наиболее осязаемое, не виртуальное, а фактическое наполнение многовекторная концепция энергетического сотрудничества получила во взаимоотношениях Центральной Азии с Китаем. Особенно бурную активность китайские государственные нефтяные компании развили после того, как в 2004 г. правительство КНР специальным распоряжением дало им почти неограниченную свободу действий за рубежом.

Одним из главных объектов внимания китайских корпораций стал соседний Казахстан. Китай первым нарушил монополию России на экспорт казахстанской нефти. Начал Китай с инвестирования в добычу. С 1997 г. Китайская компания CNPC инвестировала в месторождение Aktobemunigas на северо-западе страны 1,5 млрд. долл. Китай собирался тогда строить нефтепровод Казахстан – Китай и даже подписал соглашение по этому поводу. Но когда возник проект с ЮКОС'ом, Ангарск – Дацин, о казахском проекте китайцы попросту забыли. Как известно, с российским проектом китайцы (вместе с ЮКОС'ом) потерпели поражение, и тогда Китай снова активизировал свои усилия в Казахстане.

В 2003 г. CNPC выкупила у KazMunaiGas (KMG) 25% акций дочерней AktobemunaiGas, и обе компании стали операторами нефтепровода Кенкияк – Атырау, по которому нефть (около 6 млн. т) поступает в экспортную трубу на российской территории [4]. Но для Китая это был лишь промежуточный шаг. Он начал методично выстраивать систему нефтепроводов, идущих из Казахстана в Китай, не забывая о приобретении новых месторождений для наполнения будущей трубы.

Осенью 2004 г. Китай приступил к сооружению нового нефтепровода из Казахстана в Китай в 962 км, стоимостью 806 млн. долл. США. В декабре 2005 г. нефтепровод Атасу – Алашанькоу вступил в строй. По нему, судя по всему, временно придется транспортировать и часть нефти из России (так как своей нефти в объеме, необходимом для трубы – 10 млн. т, у казахско-китайского консорциума пока еще не было) [5].

Некоторые российские компании («Роснефть», «Сибнефть» и др.) заинтересовались этой возможностью. Тем временем Китай уже планирует построить новый отрезок нефтепровода – Актю-

бинск – Атасу (т. е. к месту активной разработки месторождений Каспия), и тогда мощность уже построенной части нефтепровода в Китай можно будет увеличить до 20 млн. т/г.

Не теряя времени, в июне 2005 г. CNPC International Inc. предложила Казахстану за 4,18 млрд. долл. купить компанию PetroKazakhstan Inc., Calgary, контролирующую 9,5% всей нефтедобычи страны. Для Китая это была крупнейшая зарубежная сделка. Впрочем, власти Казахстана, очевидно, не желая передавать полный контроль над компанией, оговорили возможность выкупа 33% казахстанской госкомпанией KazMunaiGas, что затем и было сделано за 1,4 млрд. долл.

В эту долю вошел и Чимкентский нефтеперерабатывающий завод, который, тем не менее, будет функционировать под совместным управлением двух сторон [6]. В связи с этой сделкой Казахстан предпринял еще один шаг, направленный на укрепление своих позиций в Petrokazakhstan.

Успешно продвигается Китаем и крупный газовый проект. До сих пор казахстанский газ экспортировался только в северном направлении, в Россию. Но в 2005 г. «КазМунайГаз» и CNPC завершили предварительное обоснование технических аспектов нового проекта и с 2006 г. занялись инвестиционным его обоснованием. В июле состоялась церемония начала строительства газопровода, который будет состоять из двух параллельно проложенных труб диаметром 1067 мм и общей протяженностью 1304,5 км [7].

Первая труба строится по соглашению 2007 г. между Казахстаном и Китаем. Она является частью Трансазиатского газопровода и будет служить для транзита туркменского газа в Китай. Вторая – предназначена для экспорта природного газа самого Казахстана в Китай. Для строительства транзитной трубы казахстанская «КазТрансГаз» и китайская Trans-Asia Gas Pipeline Ltd., принадлежащая China National Oil and Gas Exploration and Development Corp. (дочка CNPC), создали в феврале 2008 г. СП.

Что касается казахстанско-китайского газопровода, то в ноябре 2008 г. было подписано предварительное соглашение о снижении мощности трубопровода до 10 млрд. куб. м (в связи с изменившейся ситуацией), причем 5 млрд. куб. м будут экспортироваться в Китай, а остальные 5 млрд. – будут направляться на нужды южных районов самого Казахстана [8].

* * *

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что эра относительной изоляции стран ЦА от внешнего мира навсегда ушла в прошлое, а вместе с этим у них появилась возможность проведения в собственных национальных интересах *многовекторной энергетической политики*. Уже в конце 2007 г. Казахстан, Туркмения и Узбекистан фактически договорились о единой ценовой стратегии и объявили о переходе с 2009 г. к европейским ценам на экспортируемый ими газ.

«Газпром» в марте 2008 г. на требование европейских цен среагировал позитивно – на условиях принципа *net back* (среднеевропейская цена минус издержки транспортировки и обычная «разумная» прибыль). Соглашение об этом было достигнуто 11 марта 2008 г. между «Газпромом» и официальными представителями центральноазиатских республик [9].

Все это является свидетельством того, что изменения на мировых энергетических рынках в современном глобализующемся мире стали столь динамичными, а возникающие проблемы и вызовы – столь разнообразными и порой неожиданными, что малейшее успокоение на сегодняшних достижениях чревато будущими просчетами и неудачами.

Литература

1. Нефть и газ Казахстана, 2006 (Нефтегазовая вертикаль. – 2006, № 16,). – С. 12; Financial Times. – June 17–18, 2006; Oil and Gas Journal. – June 2, 2006. – P. 10; Время новостей. – 2007, 3 и 17 апреля.
2. Время новостей. – 2006, 15 и 19 сентября, 3 ноября.
3. Эксперт. – 2007, № 19, 21–27 мая. – С. 22; Коммерсантъ. – 2007, 14 мая.
4. Petroleum Economist, – December 2005. – P. 38; Эксперт. – 2006, № 24, 26 июня – 2 июля. – С. 48.
5. Нефть и Капитал. – 2006, № 1–2, январь-февраль. – С. 75.
6. Oil and Gas Journal, – Sept. 12, 2005. – P. 12; Asia Times. – Oct. 20, 2005. Online / . www.atimes.com
7. Эксперт. – 2006. – № 10, 13–20 марта. – С. 12; Нефтегазовая вертикаль. – 2006. – № 7, июнь. – С. 21–22; Petroleum Economist, April 2006. – P. 21.
8. OGJ. Jan. 5, 2009. – Pp. 57–59.
9. Petroleum Economist. May 2008. – P. 6.

ПРОБЛЕМЫ ЮЖНОКАВКАЗСКОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

А.Б. Крылов

Несколько лет назад в мире господствовало мнение, что спрос на энергоносители будет постоянно возрастать. В 2005 г. Международное энергетическое агентство* прогнозировало, что к 2030 г. потребности планеты в энергоносителях увеличатся на 50% – за счет роста потребностей быстрорастущих экономик Китая и Индии, на которые придется 45% потребления.

Международное энергетическое агентство, Управление энергетической информации США (EIA) и другие организации указывали на опасность беспрецедентного роста цен на нефть и газ (по их прогнозу – до 200 долл. за баррель нефти к 2030 г.). Высокие цены связывались с недостаточным уровнем производительности в странах-экспортерах, что рассматривалось как реальная угроза для энергетической безопасности будущего.

До нынешнего глобального экономического кризиса наблюдался постоянный рост инвестиций в нефтегазовую инфраструктуру, в том числе, в развитие южнокавказского энергетического транзита, который был призван стать не только важным геополитическим фактором, но и экономически обоснованным средством предотвращения дефицита поставок энергоносителей в Европу.

После распада СССР важнейшей задачей американской политики в Евразии считалось ослабление зависимости Европы от России в энергетической области – как от российских энергоносителей, так и российского энерготранзита из Каспийского региона. Для достижения этой цели разрабатывались различные проекты, призванные связать постсоветские государства Центральной Азии, Азербайджан, Турцию и Европу сетью новых трубопроводов в обход территории России.

Выстраивание нового энергетического коридора Восток – Запад поддерживалось Евросоюзом, который выступал за дивер-

* МЭА было основано во время нефтяного кризиса 1973-1974 гг., его членами являются 26 экономически развитых стран мира, которые одновременно являются ведущими потребителями нефти.

сификацию поставок энергоносителей, а также за ограничение роли России на постсоветском пространстве. В этих условиях южнокавказский энергетический транзит приобретал для США и ЕС принципиально важное политическое и экономическое значение.

В 1996 г. США выступили инициаторами проекта строительства транскаспийского газопровода – для осуществления поставок туркменского газа в Европу через Южный Кавказ и Турцию. На первой стадии через этот трубопровод планировалось прокачивать до 16 млрд. куб. м газа в год, на второй стадии – до 32 млрд.

Одновременно США и ЕС активно лоббировали прокладку нефтепровода из Казахстана в Азербайджан по дну Каспия, который позволил бы перекачивать казахстанскую нефть по трубопроводу Баку – Тбилиси – Джейхан, в обход территорий России и Ирана.

Российское руководство прокладку новых транскаспийских трубопроводов целесообразным не считало – по политическим, экономическим, юридическим, экологическим и другим причинам, предпочитая развивать существующую систему трубопроводов. Одновременно оно выступало за решение проблем, связанных с экспортом центральноазиатских энергоресурсов, в первую очередь, путем координации политики стран – экспортеров энергоносителей.

В 2003 г. был утвержден объемный документ под названием «Основы энергетической политики государств – членов Евразийского экономического сообщества», предусматривавший формирование общего рынка нефти и газа государств ЕвразЭС. В рамках этой задачи планируется совместное освоение новых месторождений нефти и газа, принятие согласованных мер по модернизации и реконструкции системы газоснабжения, проведение согласованной политики обеспечения нефтяными ресурсами нефтеперерабатывающих предприятий стран ЕвразЭС, создание совместных нефтегазоперерабатывающих предприятий.

«Основы энергетической политики государств – членов ЕвразЭС» предполагают проведение скоординированной политики в области транзита энергоносителей. В документе зафиксировано намерение развивать взаимовыгодное сотрудничество

государств ЕвразЭС: по созданию новых транспортных систем и реконструкции действующих, предназначенных для оптимизации и наращивания экспортных потоков нефти и газа; формированию единых правил доступа в магистральные нефтепроводные и газопроводные системы государств; разработке оптимальных нефтегазотранспортных маршрутов; созданию условий для рационального использования нефти и газа; проведению согласованной политики по расширению рынков сбыта нефтегазовых ресурсов.

Важным этапом на пути практического воплощения общей энергетической политики государств – членов ЕвразЭС стало заключение в мае 2007 г. между Россией, Казахстаном и Туркменией (не являющейся членом Сообщества, но тесно сотрудничающей с его членами в энергетической области) принципиально важного соглашения, касающегося проекта транспортировки газа из Центральной Азии – по новому Прикаспийскому газопроводу (ПКГ).

Комментируя это трехстороннее соглашение, британская «The Guardian» написала: «...Между Москвой и ЕС разворачивается война за контроль над энергетикой». Само соглашение газета оценила как «...сокрушительное поражение Евросоюза в боях за ослабление влияния России на ситуацию в энергетике, в частности, за формирование альтернативных маршрутов поставок энергоресурсов из стран Центральной Азии через Кавказ» [1].

Министр энергетики США, Сэм Бодмэн, назвал «Прикаспийский проект» невыгодным Европе, так как он является альтернативой лоббируемым США транскаспийским трубопроводам и «...цементирует контроль Москвы над поставками газа из Средней Азии» [2].

Москва же подчеркивала экономическую ценность проекта и его большое значение для обеспечения безопасности энергопоставок в Европу, где эта позиция нашла определенное понимание. В частности, глава Международного энергетического агентства, Клод Мандиль, призвал западных политиков не драматизировать ситуацию, так как, по его мнению, продвигаемый Россией проект Прикаспийского газопровода, предназначенный для доставки центральноазиатского газа в Европу, вовсе не является для нее катастрофой [3].

В течение многих лет США и ЕС настаивали на максимальной диверсификации путей поставок энергоносителей, как на важнейшем факторе энергетической безопасности Европы. В последние годы Москва также заявляла о необходимости диверсифицировать поставки российских энергоносителей и перенаправить значительную их часть: с западного направления – на восток и юг.

Таким образом, Россия как бы идет навстречу давним пожеланиям европейцев, стремящихся снизить долю потребления российских энергоносителей и избавиться от своей «избыточной» зависимости от «непредсказуемого и авторитарного» Кремля. Однако в этом случае стремление к диверсификации не вызвало одобрения ни в США, ни в Европе, более того, в адрес России прозвучали многочисленные обвинения в «энергетическом шантаже» и «имперских амбициях».

В условиях нынешнего экономического кризиса особую актуальность для государств-экспортеров приобретает задача диверсификации поставок российских и центральноазиатских энергоносителей. Вместе с тем, ввиду ограниченности запасов энергоносителей начавшееся создание новых энергетических коридоров из России и Центральной Азии в восточном и южном направлениях становится фактором, затрудняющим осуществление проектов строительства транскаспийских трубопроводов и обесценивающим значение южнокавказского энергетического транзита.

События в Южной Осетии наглядно продемонстрировали высокую степень уязвимости южнокавказского энергетического транзита. Выступив инициатором военных действий, Грузия проявила себя как крайне ненадежная страна-транзитер, и это не могло не повлиять на перспективы осуществления проектов транскаспийских нефте- и газопроводов самым негативным образом.

Уже на следующий день после начала военных действий (9 августа 2008 г.) транзит нефти через грузинские порты был вынужден прекратить Азербайджан. Азербайджанская национальная нефтяная компания (ГНКАР) обратилась к руководству российской «Транснефти» с просьбой увеличить объемы прокачки нефти по трубопроводу Баку – Новороссийск в два раза (до уровня в 166 тыс. т в месяц) [4].

Одновременно Азербайджан вернулся к использованию транзита в южном направлении. 26 августа 2008 г. первая партия азербайджанской нефти была транзитом отправлена через Иран [5].

В связи с тем, что проект нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД) лоббировался, в первую очередь, по политическим соображениям, все потенциальные риски данного проекта были сознательно проигнорированы. В августе 2008 г. уязвимость БТД проявилась в полной мере – 6 августа 2008 г. (т. е. за два дня до начала военных действий в Южной Осетии) на турецком участке нефтепровода БТД была совершена очередная диверсия курдских боевиков.

В связи с повреждением нефтепровода БТД компания ВР была вынуждена объявить форс-мажор и предупредить получателей о возможном невыполнении обязательств по экспортным контрактам, а после начала Пятидневной войны – полностью закрыть грузинский участок БТД и прекратить прокачку нефти по трубопроводу Баку – Супса, связывающему Азербайджан с грузинским побережьем Черного моря.

Реакция нефтеэкспортеров на события в Южной Осетии была оперативной: сразу после начала военных действий азербайджанская национальная нефтяная компания (ГНКАР) приняла решение о прекращении экспорта нефти через грузинские порты и об эвакуации персонала с терминала Кулеви. Казахстан также прекратил экспорт своей нефти через грузинский порт Батуми и выразил намерение увеличить экспорт топлива в Китай и Россию.

В газовой сфере конфликт также привел к крайне негативным для южнокавказского энергетического транзита последствиям. Азербайджанский газ экспортировался через Грузию в Турцию по газопроводу Баку – Тбилиси – Эрзерум. В результате событий в Южной Осетии азербайджанские власти прекратили прокачку газа по данному газопроводу и заявили о том, что они «внимательно рассматривают» предложение Газпрома продавать российскому концерну весь экспортный газ по мировым ценам.

После окончания военных действий Азербайджан прокачку газа возобновил, однако ее объемы до сих пор остаются гораздо ниже запланированных 30 млрд. куб. м в год [6] (изначально

проект был рассчитан на прокачку не только азербайджанского, но и туркменского газа).

Одним из основных аргументов в пользу южнокавказского транзита энергоносителей стали российско-украинские «газовые войны», превратившиеся в реальную угрозу энергобезопасности Европы.

Политика американской администрации, проводившаяся при Дж. Буше, способствовала росту напряженности в отношениях между Россией и Украиной, в том числе, и в сфере энергетики.

19 декабря 2008 г. госсекретарь США К. Райс и премьер-министр Украины Ю. Тимошенко подписали Хартию о стратегическом партнерстве между Украиной и США. Хартией предусмотрены конкретные механизмы энергетического сотрудничества, в первую очередь, учреждение работы Двусторонней рабочей группы по вопросам энергетической безопасности, а также углублению трехстороннего диалога в формате Украина – США – ЕС относительно «усиленной энергетической безопасности».

В пункте 2 раздела III Хартии говорится: «...Признавая важность эффективно функционирующего энергетического сектора, стороны планируют тесно сотрудничать над восстановлением и модернизацией мощностей украинской газотранспортной инфраструктуры, диверсификацией и ограждением украинских источников ядерного топлива, которое уменьшит зависимость Украины от иностранных источников ядерного топлива и мощностей для их сохранения» [7].

Сразу после подписания между Украиной и США Хартии о стратегическом партнерстве разразился беспрецедентный по своей остроте и масштабу российско-украинский газовый конфликт, вылившийся в январе 2009 г. в срыв поставок газа в Европу почти на две недели. Это резко актуализировало вопрос об альтернативных путях поставок энергоносителей в европейские страны.

Многие политики и эксперты убеждены в том, что главной причиной этого конфликта была уходящая администрация США, по настоянию которой В. Ющенко занял бескомпромиссную и заведомо проигрышную для Украины позицию.

В настоящее время российское правительство и «Газпром» перестали рассматривать Украину как надежную страну-транзитера и стремятся в максимально короткие сроки диверсифицировать пути транспортировки энергоносителей в Европу. К 2012–2015 гг. планируется ввести в эксплуатацию три новых газопровода, которые будут проложены по дну Балтийского и Черного морей, в обход Украины – «Северный поток», «Южный поток» и вторую очередь «Голубого потока». Общая запланированная мощность этих газопроводов составляет более 100 млрд. куб м газа в год, что вполне сопоставимо с нынешними объемами транзита через территорию Украины.

Наряду с этим, «Газпром» разрабатывает проект строительства нового газопровода, который пройдет по территориям Белоруссии, Польши и Словакии.

Столь масштабное перераспределение экспортных энергетических потоков в обход Украины позволяет снизить зависимость России от украинского газового транзита и гарантирует безопасность газовых поставок в Европу без осуществления дорогостоящих проектов строительства новых транскаспийских трубопроводов. Нынешнее же руководство Украины стремится сохранить за своей страной роль важнейшего энергетического транзитера и надеется получить в этом поддержку со стороны США и ЕС.

23 марта 2009 г. в Брюсселе состоялась европейская инвестиционная конференция «ЕС – Украина, партнеры в газоснабжении», посвященная проблемам модернизации газотранспортной системы Украины – с участием президента В. Ющенко, премьера Ю. Тимошенко и руководителей Европейской Комиссии. Главной целью мероприятия было заявлено улучшение технического состояния украинской ГТС и повышение надежности транзита российского газа в Европу.

Совместная декларация по итогам международной конференции была подписана правительством Украины, представителями Европейской Комиссии, Европейского банка реконструкции и развития, Европейского инвестиционного банка и Всемирного банка. В данной декларации говорится:

- Украина является стратегическим партнёром ЕС в газовом секторе. Украинская ГТС является неотъемлемой составляющей общеевропейской энергетической инфраструктуры.

- Государственная собственность, в которой находится ГТС, является суверенным правом Украины, зафиксированным в законодательстве Украины.

- Украина намерена постепенно интегрироваться в общий энергетический рынок ЕС, в частности, путём обретения членства в Энергетическом сообществе.

- Стороны учитывают предложение Украины повысить в дальнейшем пропускную способность ГТС на дополнительный объем в 60 млрд. куб. м газа ежегодно, что может быть достигнуто при условии привлечения дополнительных инвестиций.

- Украина выражает готовность обеспечить вложение инвестиций в ГТС – для обеспечения надёжного, прозрачного и спрогнозированного транзита природного газа государствам – членам ЕС, а также с целью обеспечения растущих потребностей в его потреблении в будущем.

- Стороны приложат усилия для обеспечения оптимального использования ГТС в средне- и долгосрочной перспективе, учитывая коммерческую практику.

- Транзит соответствующих объёмов газа через территорию Украины в долгосрочной перспективе является необходимым условием обеспечения рентабельности инвестиций в газотранспортную систему Украины.

- Институциональная и законодательная адаптация Украины к законодательству общего энергетического рынка ЕС обуславливает необходимость соответствующего политического и финансово-технического содействия.

Согласно Совместной декларации, Украина берет на себя обязательство обеспечить независимость оператора газотранспортной системы (ГТС) Украины – в том, что касается его юридической и организационной формы, процедур принятия решений и составления бухгалтерской отчётности. Предусмотрено, что оператору газотранспортной системы будут предоставлены возможности «...использовать поступления от доходов от транспортировки газа трубопроводами высокого давления, а также его хранения», и действенные возможности «...в отношении поддержания стабильного финансового положения».

Правительство Украины взяло на себя обязательство до конца 2009 г. разработать Программу реформирования газового сектора – для реализации мер, направленных на реформирование газового сектора в 2010–2011 гг., которая должна соответствовать принципам соглашения об ассоциации между ЕС и Украиной. Предусмотрено присоединение Украины к соглашению об Энергетическом сообществе [8].

Одним из главных условий получения кредита в 2,5–3 млрд. долл. на модернизацию украинской ГТС является выделение «Укртрансгаза» в отдельную структуру, которая, контролируя ГТС, будет независимой от «Нафтогаза». Соответственно, доходы от транзита газа пойдут на коммерческое обслуживание кредита и более не смогут использоваться для компенсации разницы между закупочными ценами на газ и ценами для внутренних потребителей, что для Украины чревато самыми негативными социально-экономическими последствиями.

Работы по модернизации ГТС будут продолжаться, минимум, до 2016 г. Основная часть средств пойдёт на реконструкцию компрессорных станций. Предполагается, что основными поставщиками оборудования будут европейские фирмы, что приведёт к полному вытеснению из отрасли продукции собственных украинских производителей.

По мнению Ю. Тимошенко, Совместная декларация позволит Украине сохранить за собой роль главного транзитера российского газа в Европу, так как обязательным условием модернизации украинской ГТС является предоставление Россией и ЕС гарантий по объемам транзита газа. Как подчеркивает украинский премьер, «...для проведения работ по модернизации и расширению газотранспортной системы необходимо иметь твердые гарантии со стороны России и ЕС по объемам транзита газа по территории Украины в долгосрочной перспективе» [9].

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что Совместная декларация вырабатывалась без участия России и ущемляет ее интересы. Согласно действующему в настоящее время двустороннему контракту по транзиту газа через Украину, российская сторона не берет на себя жестких обязательств относительно его объемов и уж, тем более, по поставкам дополнительных 60 млрд. куб. м газа. Наоборот, убедившись в крайней ненадежности украин-

ского транзита, она активно продвигает проекты строительства альтернативных газопроводов.

Настойчивое стремление Киева превратить Каспийско-Черноморско-Балтийское энерготранзитное пространство в «неотъемлемую часть европейского энергетического пространства» без учета интересов России и даже вопреки этим интересам стало для Москвы еще одним наглядным свидетельством ненадежности украинского транзита.

Схема диверсификации энергопотоков и поставок газа в Европу в обход наиболее проблемных транзитных государств, предложенная Россией, представляется наиболее выгодной – как с экономической точки зрения, так и в плане безопасности. В случае успешной реализации проектов «Северный поток», «Южный поток» и второй очереди «Голубого потока», южнокавказский энергетический транзит может сохранять за собой роль дополнительного дублера, но никак не принципиально важного для Европы пути получения энергоносителей.

Литература

1. См.: <http://www.polit.nnov.ru>
2. См.: <http://www.tehnoprogress.ru>
3. См.: <http://content.mail.ru>
4. См.: <http://www.gazo.ru>
5. См.: <http://www.rusenergy.com>
6. См.: <http://fondsk.ru>
7. См.: <http://president.com.ua>
8. См.: <http://www.analitik.org.ua>
9. См.: <http://www.analitik.org.ua>

НЕФТЯНОЙ ТРАНЗИТ И ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ

Н.Г. Рогожина

Каспийский регион — арена столкновения политических, экономических, а, в последние годы, и экологических интересов. С экологическими требованиями чаще всего выступает Россия, и они, так или иначе, концентрируются на проблеме сохранения уникальной экосистемы Каспийского моря и его биоресурсов – в связи с перспективой расширения нефтедобычи прикаспийскими странами.

В большинстве публикаций, появившихся в России в последние годы, понятия «катастрофичность» и «глобальность» – применительно к экологическим последствиям нефтяных операций на Каспийском море – употребляются постоянно. Для сохранения экосистемы и биоресурсов этого уникального закрытого водоема интенсификация нефтедобычи представляет серьезную угрозу. И в экологическом споре вокруг Каспия четко обозначились разные позиции прибрежных государств, касающиеся характера использования его природных богатств — углеводородов и биоресурсов.

При всей безусловной оправданности выдвигаемых Россией экологических требований и высказываемых ею тревог, не стоит упускать из виду и такой момент, что за экологическими посылами России скрываются ее экономические интересы, связанные с развитием рыболовецкой индустрии. И в данном случае выступления экологов в защиту сохранения уникального природного богатства Каспия – осетровых рыб – отвечают национальным интересам России.

То, что в дипломатической практике обращение к экологии нередко становится средством политического и экономического давления – ни для кого не секрет, однако это вовсе не означает, что экологическая проблема отсутствует.

Именно такая ситуация и сложилась сегодня, когда возник вопрос о проектах строительства транскаспийских трубопроводов по транспортировке казахстанской нефти и туркменского газа в Европу в обход России, заинтересованность в которых проявляют Евросоюз и США.

Россия выступает против строительства упомянутых трубопроводов, ссылаясь на связанные с этим экологические риски.

Главные аргументы противников транскаспийских трубопроводов – наличие трудного рельефа дна и высокой сейсмической нестабильности региона. Согласно заключению российских сейсмологов, прокладка нефтепровода по дну Каспия чревата авариями и обширными разливами нефти, могущими произойти в результате подводных землетрясений.

Район прокладки трубопроводов – Южная и большая часть Среднего Каспия – является территорией повышенной сейсмической опасности. По статистике, в акватории Каспия ежегодно происходит до 1 тыс. землетрясений силой до 3 баллов по шкале Рихтера, а количество слабых толчков вообще исчисляется многими тысячами. Здесь же обнаружен крупный глубинный разлом, разделяющий область Северного Каспия на две части.

Дно Каспия представляет собой нестабильную среду, склонную к оползневым подвижкам, способным смести трубопроводные магистрали. Вызвать оползни могут подводные землетрясения, извержения грязевых вулканов, выбросы газа.

Определить, насколько динамично меняется рельеф каспийского дна, и выявить наиболее опасные его участки можно было бы путем сравнения карт. Их во времена СССР составляли на основании геологических и географических данных, полученных специальными структурами ВМС. Однако с 1991 г. исследования подобного рода на Каспии не проводились. Как следствие – у проектировщиков транскаспийских трубопроводов нет четкого представления о рельефе дна. Следовательно, у них неизбежно возникнут проблемы с выбором наиболее безопасных маршрутов.

Для Каспия, как замкнутой экосистемы, достаточно небольшой аварии с разливом нефти, чтобы вызвать начало смерти моря. Ущерб понесут все без исключения прибрежные государства и водоем в целом, пострадает его экосистема и, соответственно, биоресурсы.

Подводные трубопроводы большой мощности могут представлять угрозу для биоресурсов, в частности, осетровых рыб и по той причине, что станут источниками сильного виброакустического поля, которое может затруднить миграцию осетровых. Данная

порода рыб отличается гиперчувствительностью к акустическому воздействию. В результате осенью осетр не сумеет уйти из вод Северного Каспия и неизбежно погибнет. Аналогично тот же барьер встанет весной на пути миграции рыбы в дельту Волги на свои нерестилища. Однако, пока это лишь гипотеза, требующая проверки.

Однако наверняка известно, что Каспий обладает уникальным природным миром. Сотни видов флоры и фауны – к примеру, каспийский тюлень – нигде больше не встречаются. Богатые природные ресурсы Каспийского моря включают свыше 500 видов растений, 854 вида рыб (90% мировых запасов осетровых).

При этом некоторые районы – морские заливы и водно-болотные угодья у туркменского побережья Каспия (откуда намечена прокладка транскаспийского газопровода) – включены в особый список Рамсарской конвенции со статусом угодий международного значения.

Гипотетически можно представить и такую опасность, как возможность возникновения экологической катастрофы в результате «технологического терроризма», направленного на повреждение или уничтожение платформ или трубопроводов с целью нанесения ущерба окружающей среде.

Россия неоднократно выражала свою однозначную позицию по вопросу строительства транскаспийских трубопроводных магистралей, в том числе, и на самом высоком государственном уровне. Как отметил В. Путин на саммите глав прикаспийских государств, «...экологическая безопасность должна стать мерилом безопасности всех проектов на Каспии, особенно в сфере освоения и транспортировки энергоресурсов». Эта позиция России находит активную поддержку у Ирана.

Именно исходя из наличия высоких экологических рисков, Россия настаивает на том, чтобы проекты трубопроводов, независимо от того, где именно они пройдут по дну моря, согласовывались всеми пятью прикаспийскими странами на основе принятия «консенсусных решений». А в случае аварии проложившая их сторона будет нести материальную ответственность за ущерб, нанесенный другим сторонам и природной среде.

Этот подход России, однако, встречает возражения со стороны Азербайджана и Казахстана, подвергающих сомнению

справедливость экологических утверждений России, приводя в пример построенный ею же через Черное море газопровод «Голубой поток».

К тому же, как считает, например, президент Казахстана Н. Назарбаев, «...маршруты будущих трубопроводов по дну Каспия достаточно согласовывать лишь с теми прикаспийскими странами, по территориальным участкам которых они будут проложены». Кроме того, Казахстан предлагает закрепить в будущей конвенции о правовом статусе Каспия международное право на свободу транзита всеми транспортными средствами. И, как отметил Н. Назарбаев, «...в данном случае речь идет не только о судах, но и о других видах транспорта, в том числе, и о трубопроводах».

Рамочная конвенция о защите морской среды Каспийского моря, которую прибрежные государства подписали в 2003 г., позволяет России тормозить реализацию «обходных» трубопроводных проектов, но, в то же время, преградой для их сооружения она не является. Договоренности, существующие между Россией и Казахстаном, Россией и Азербайджаном, касаются работ, связанных с геологоразведкой и добычей углеводородов, но не с прокладкой трубопроводов.

Кроме противодействия со стороны России, строительству трубопроводов может помешать отсутствие соглашения между прикаспийскими странами о разделе дна Каспийского моря. Однако в действующих договорах, регулирующих взаимоотношения между государствами Прикаспийского региона, о возможности или невозможности строительства транскаспийских трубопроводов ничего не сказано. А то, что не запрещено, то позволено.

В выступлениях России против прокладки транскаспийских трубопроводов многие усматривают не только экологические мотивы. Например, обращается внимание на тот факт, что российское правительство, недавно игнорировавшее протесты экологических организаций, опасавшихся за судьбу Байкала и выступавших против строительства нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан, в то время, когда речь заходит о Каспии, обосновывает свое неприятие транскаспийского маршрута заботой именно об экологии.

Россию обвиняют в том, что она стала использовать экологию в качестве средства давления на своих прикаспийских соседей в тот момент, когда почувствовала, что они могут осуществить строительство трубопроводов по дну Каспийского моря, и тогда она лишится контроля над потоком энергоресурсов. Сейчас через Россию транспортируется практически вся каспийская нефть.

С другой стороны, вряд ли Россию можно упрекнуть в том, что в конкурентной борьбе она пытается защитить свои национальные интересы – и то, что в этих целях она использует экологические лозунги (при существовании не надуманной, а реальной экологической угрозы), является вполне оправданным.

Дополнительные рычаги влияния, тем более, если они связаны с главным экспортным продуктом, для России чрезвычайно важны. Как заметил первый вице-спикер Госдумы Олег Морозов, «...любые попытки предлагать другие схемы, не выгодные России, будут встречать наше сопротивление».

В то же время, лоббирующие эти проекты европейские страны и США, для которых экология уже давно стала неотъемлемым компонентом их экономической деятельности, в данном конкретном случае об экологии умалчивают, ставя свои экономические и геополитические интересы выше интересов сохранения Каспия.

ОСВОЕНИЕ НЕФТЯНЫХ РЕСУРСОВ И ОХРАНА МОРСКОЙ СРЕДЫ СЕВЕРНОГО КАСПИЯ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

А.К. Быстрова

Каспий – крупнейший в мире, полностью замкнутый естественный водоем, обладающий уникальным сочетанием признаков моря и озера. Большая часть загрязняющих веществ поступает в него со сточными водами с суши, а по мере все большего хозяйственного использования самого Каспия – и из морских источников.

Из-за отсутствия связи с Мировым океаном замкнутая экологическая система водоема в условиях нарастающего воздействия на нее человеческой деятельности оказывается особенно уязвимой. Велика климатообразующая роль Каспийского моря. По запасам и разнообразию биоресурсов Каспий относится к природным объектам мирового значения.

Особую роль в этом отношении играет мелководный Северный Каспий, занимающий почти треть площади моря, но содержащий менее 1% общего объема его воды. Это – своеобразный «инкубатор» для практически всех видов морских рыб, обитающих в мире.

В 1974 г. акватория восточной части Северного Каспия была объявлена СМ КазССР заповедной зоной с особым режимом охраны, а в 1975 г. весь Северный Каспий получил статус заповедной зоны.

Еще сравнительно недавно Каспий был способен давать ежегодно 500–550 тыс. т рыбы в год – при том, что основную часть улова могли составлять ценные породы (осетровые, белорыбицы и др.). В 1970–80-е гг. СССР производил на Каспии 2,5 тыс. т черной икры в год, что составляло около 90% ее мирового производства [1].

По оценкам известного во всем мире «КаспНИИРХ», сделанным несколько лет назад, биопотенциал Северного Каспия составлял около 37 млрд. долл. США [2]. Сумма, сопоставимая со стоимостью огромных запасов углеводородов, недавно открытых в этой части моря. И если каспийская нефть и газ когда-то

будут полностью исчерпаны, то биоресурсы при рациональном их использовании являются возобновляемыми и потому – практически вечными.

Не будучи морем в географическом отношении, Каспий не может считаться таковым и в правовом смысле. Реки и искусственные каналы (в частности, Волга или Волго-Донской канал), не являющиеся объектами международного морского права, не превращают внутриконтинентальные водоемы в моря. Соответственно, международное морское право, прежде всего, Конвенции ООН по континентальному шельфу и морскому праву 1958 и 1982 гг., на Каспий не распространяется.

Нынешний закрытый в правовом отношении статус Каспия сформировался благодаря действиям двух государств – России (СССР) и Ирана, расположенных на его берегах, и в соответствии со спецификой этого географически замкнутого внутриконтинентального водоема. Согласно договорам между СССР и Ираном от 1921 и 1940 гг., Каспий является закрытым в правовом смысле водоемом, а его акватория представляет пространство общего пользования, т. е. не разделена никакими границами (кроме особых рыболовных зон в прибрежных водах).

Единство и однородность статуса всего морского пространства Каспия отвечали единству экосистемы, сформировавшейся в этом географически замкнутом пространстве.

После распада СССР статус Каспия как закрытого (в правовом смысле) внутриконтинентального моря, установленный его прибрежными государствами и признанный международным сообществом, не изменился и измениться не мог. Международные обязательства по договорам СССР и Ирана, установившим статус Каспия, сохраняют силу и для России, и для новообразованных прикаспийских государств, как правопреемников СССР. Поскольку эти государства в качестве правопреемников СССР ссылаются на преемственность территориальных прав, то они должны признать и юридическую действительность актов, которыми создан статус Каспия и основанные на нем права и обязанности.

Появление на берегах Каспия новых прибрежных государств – Республики Казахстан, Республики Азербайджан, Республики Туркменистан – совпало по времени с открытием в недрах Каспия огромных запасов углеводородных ресурсов, которые оказались

крайне востребованы как новыми государствами, так и ведущими странами Запада.

Все это потребовало определенных изменений в существующем статусе Каспия и дополнении традиционных режимов его использования (обеспечение военно-политической безопасности водоемопользования, судоходство, рыболовство) новыми режимами с учетом современных реалий (разработки минерально-сырьевых богатств Каспия, защиты морской среды и т. д.).

Вместе с тем, с международно-правовой точки зрения исторически сложившийся статус Каспия не мог быть изменен односторонними действиями отдельных прикаспийских государств. Для его изменения необходимо согласие всех прибрежных государств Каспия, и, пока оно не достигнуто, нынешний статус полностью сохраняет свою силу.

Однако в реальной жизни кардинальное изменение геополитической ситуации вокруг Каспия сопровождалось все возрастающим валом нарушений существующего статуса этого уникального водоема в ходе использования его ресурсов. Вместе с тем, объектом начавшихся переговоров между заинтересованными сторонами этот процесс стал лишь где-то с середины 1990-х гг. и до сих пор он далек от завершения.

К настоящему времени стороны пришли к согласию только в том, что Каспий – это и не море, и не озеро, а «особый» случай, требующий разработки специальных норм его статуса. Прибрежные государства договорились также, что сохранение ныне действующего статуса Каспия как пространства общего пользования остается только в отношении толщи вод и поверхности водоема, а его дно и недра делятся между прибрежными государствами. Это нашло отражение в формулировке «дно – делим, вода – общая».

Вместе с тем, получить согласие всех прибрежных государств по поводу принципов деления дна Каспия пока не удалось. Договоренности по этому вопросу достигнуты только между тремя участниками переговоров по разделу каспийского дна – Казахстаном, Россией и Азербайджаном. Эти страны, как известно, уже подписали соответствующие межгосударственные соглашения.

Однако Иран и Туркменистан с реализованными на практике принципами раздела дна Каспия не согласны. В итоге – в соот-

ветствии с действующим статусом Каспия – отсутствие одобрения принятого решения всеми заинтересованными сторонами может квалифицировать произведенный раздел дна Каспия как нелегитимный, односторонний захват территорий.

Понятно, что пока камнем преткновения был и остается де-леж нефтегазовых месторождений, хотя в будущем объектами споров могут стать и другие обнаруженные в недрах Каспия минеральные ресурсы, непосредственно участки дна водоема, которые могут потребоваться для прокладки систем транспортировки добытых ресурсов, коммуникаций, а также квоты на уловы стремительно убывающих ресурсов рыбы.

Соответственно, сроки достижения договоренностей между прибрежными государствами по поводу принятия нового статуса Каспия кажутся весьма неопределенными и могут крайне затянуться – из-за перечисленных созревших и потенциально возможных в будущем новых разногласий.

Между тем экологическая ситуация в Каспийском море, в том числе в северной его части, становится все более угрожающей. Загрязнение моря растет. Подорваны запасы как массовых (кильки, сельди), так и наиболее ценных видов биоресурсов (в том числе осетровых).

К традиционным источникам загрязнения Каспия в виде стоков с прибрежных территорий добавились загрязнения начавшейся крупномасштабной добычи и транспортировки нефти в акватории Каспия, особенно в его северной мелководной части, которая является эпицентром исключительного биоразнообразия этого водоема. Уже идет добыча нефти с восьми скважин казахстанского морского месторождения Кашаган, расположенного в 80 км от Актау, и готовится эксплуатация еще девяти скважин.

Российская компания «Лукойл», имеющая лицензию на добычу нефти в российском секторе Каспия, объявила о намерении добывать здесь ежегодно, начиная с 2009 г., около 10 млн. т нефти. В итоге все чаще появляются сообщения о нефтяных пятнах, наблюдаемых в разных частях Каспийского моря, включая северную, до недавнего времени считавшуюся наиболее чистой – в результате длительного сохранения здесь режима заповедной территории.

Выход из создавшейся ситуации прибрежные государства пытались найти, договорившись интенсивно развивать региональное экологическое законодательство, вне зависимости от договоренности относительно принятия нового статуса Каспийского моря. Уже сделаны первые шаги в этом направлении.

В 2003 г. было принято Тегеранское рамочное соглашение по защите морской среды Каспийского моря, установившее общие принципы, подходы, направления экологического регулирования этого уникального водоема. Предполагалось, что соглашение незамедлительно следует наполнить конкретным содержанием в рамках целой серии протоколов по отдельным областям и инструментам средоохранной политики (биоразнообразию, оценке экологического воздействия хозяйственных проектов, борьбе с аварийными разливами нефти и т. п.), без которых оно осталось бы лишь документом о намерениях его участников.

Однако процесс принятия перечисленных и разработка дополнительных протоколов и соглашений по-прежнему буксовал, а с ним – и развитие всего средоохранного сотрудничества прикаспийских стран. И причина этого заключается, видимо, в отсутствии общей договоренности сторон относительно фундаментальных положений статуса Каспийского моря и, несмотря на внешнюю риторику, незаинтересованности ни западных инвесторов, ни политических элит самих прибрежных стран в экологизации процесса освоения нефтегазовых ресурсов Каспия.

Неудачи в развитии регионального международного регулирования состояния окружающей среды Каспия прибрежные государства начали пытаться компенсировать расширением своего участия в международных соглашениях, в том числе экологических, глобального уровня. Однако присоединение к некоторым международным конвенциям такого рода не означает еще приобретения возможности использования международного права в качестве инструмента спасения Каспия.

Так, Казахстан, сугубо континентальное государство, за последние годы стал участником важнейших международных конвенций по морскому праву. Тем самым он косвенно заявил о своем признании Каспия морем, т. е. частью Мирового океана, и требовании распространить на этот водоем действие международных норм морского права со всеми вытекающими отсюда

правовыми последствиями, направленными на разделение его на территории, подчиняющиеся национальной юрисдикции прибрежных стран.

Однако стремление отказаться от сохранения Каспия как пространства общего пользования противоречит требованию управления замкнутой экосистемой этого уникального водоема как единым целым. Участие Казахстана в морских конвенциях – это также стремление продемонстрировать себя в качестве полноценного участника международного сотрудничества, участвующего в решении проблем использования и охраны Мирового океана и, тем самым, повысить свой рейтинг в качестве делового партнера ведущих нефтяных ТНК, пришедших осваивать углеводородные богатства Каспия.

Если для решения тех или иных проблем Каспия использование Международной конвенции по морскому праву противоречит нормам международного права и потому не может способствовать улучшению экологической ситуации в акватории Каспия, то применение другой глобальной конвенции – Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Эспоо) – для достижения устойчивого природопользования и защиты уникальной экосистемы Каспийского моря могло бы оказаться весьма полезным.

Казахстан эту конвенцию подписал и ратифицировал. Россия – только подписала, но ратифицировать не смогла, потому что нарушила установленные конвенцией требования к ее потенциальным участникам. Так, в противовес требованиям Конвенции Эспоо о расширении роли государственной экологической экспертизы в национальной политике государств, в 2006 г. Россия внесла в Градостроительный кодекс и некоторые федеральные законы страны поправки, которые фактически отменили требование проведения подобной экспертизы – за исключением планов реализации проектов на особо охраняемых территориях и на континентальном шельфе.

В результате, вместо всесторонней экологической экспертизы, с 2007 г. проекты стали проходить лишь процедуру проверки соответствия определенных их параметров техническим регламентам, в том числе – устанавливающим экологические нормативы.

Как известно, Конвенция Эспоо, подписанная в 1991 г., требует, чтобы ее участники проводили оценку воздействия планируемой деятельности на окружающую среду сопредельных государств, если эта деятельность может оказать значительное трансграничное воздействие. Положительным моментом является и то, что эксперты государств Каспийского региона разработали и в 2003 г. утвердили для указанной территории согласованное практическое руководство по процедуре оценки воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, основанное на Конвенции Эспоо.

В соответствии с этим руководством, для эффективного применения процедуры оценки воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте в регионе Каспийского моря необходимо установить согласованную процедуру взаимодействия стран региона на правительственном уровне. Конвенция Эспоо предоставляет основу такой процедуры, однако практические детали по ее применению остаются за участниками Конвенции.

Эксперты прикаспийской «пятерки» обсудили конкретные процедуры проведения оценки воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте с учетом особенностей Каспийского региона и требований национальных законодательств своих государств в этой области. В итоге были установлены весьма подробные, можно сказать, пошаговые, правила и процедуры проведения оценки воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте для прикаспийских стран. В самом обобщенном виде эти правила включают следующее.

1. «Страна происхождения» трансграничной экологической угрозы обязуется направить «Уведомление» о возможном трансграничном воздействии на этапе проведения оценки воздействия на окружающую среду и обеспечить передачу соответствующих документов «Затрагиваемой стране».

2. «Стране происхождения» следует запросить у «Затрагиваемой страны» предоставление наиболее доступной информации по экологическим и связанным с ними аспектам, которые могли бы быть полезными при подготовке материалов по оценке воздействия на окружающую среду и в процессе консультаций.

3. Проект материалов по оценке воздействия на окружающую среду должен быть направлен всем «Затрагиваемым странам»,

изъявившим на стадии уведомления желание участвовать в процессе оценки воздействия на окружающую среду.

4. Информация об окончательном решении по поводу реализации рассматриваемого проекта должна включать описание любого приемлемого для «Затрагиваемой страны» и ее общественности механизма апелляции к административным или судебным органам.

5. «Затрагиваемая страна» может решать: принимать или не принимать участие в процессе оценки воздействия на окружающую среду.

6. После завершения оценки воздействия на окружающую среду компетентный орган «Страны происхождения» информирует «Затрагиваемые страны» об окончательном одобрении проекта и о том, какие их комментарии были учтены.

7. «Затрагиваемые страны» могут изъявить желание получать информацию по реализации проекта и проведению мониторинга.

Трансграничные последствия бурной деятельности по добыче и транспортировке нефти в Северном Каспии, начавшейся в последние годы, очевидны и требуют незамедлительного применения Конвенции Эспоо для оценки экологических последствий всех крупных хозяйственных проектов для соседних стран на всей акватории Каспийского моря, но, прежде всего, в самой его мелководной и уязвимой, северной части.

Оценке Конвенции Эспоо следует подвергнуть крупнейший на Каспии нефтегазовый проект Кашаган, реализация которого уже началась в казахстанском секторе Каспия – вне зависимости от выводов не проводившейся пока международной и неоконченной национальной экологической экспертизы.

Собственно, Кашаган является одним из самых крупных, но, одновременно, и самых сложных для разработки месторождений в мире. Сочетание сразу двух факторов – высокого давления в 800 бар и высокого (до 15%, а по другим источникам – и до 30%) содержания сероводорода – существенно затрудняет его разработку. Для примера, в Северном море нефть добывается под высоким давлением, но нет сероводорода, а в США, напротив, много нефти с сероводородом, но практически нет добычи под давлением. Соответственно, можно себе представить масштаб экологических рисков для чрезвычайно уязвимой экосистемы Каспия, особенно северной его части.

В настоящее время в Казахстане идет бурное обсуждение, с участием общественности, этого гигантского нефтегазового проекта. России, интересы которой, несомненно, могут быть затронуты экологическими последствиями реализации столь грандиозного проекта, следует стать полноправным участником этого обсуждения, отстаивать свои права и способствовать принятию экологически грамотных и отвечающих интересам – своим и всего каспийского сообщества – решений.

Одновременно Конвенция Эспоо должна применяться и к проектам добычи нефти в российском секторе Каспия. В частности, необходима оценка трансграничных последствий применения при разработке нефтяных месторождений технологии «нулевых сбросов», используемой «Лукойлом» на Северном Каспии. В России пока нет утвержденного стандарта такого рода технологии.

Деятельность компании носит закрытый характер, в том числе – в отношении экологических последствий реализации ее нефтегазовых проектов. Компания сама ведет экологический мониторинг, предоставляя полученные ею данные в соответствующие государственные органы.

Оценка трансграничных экологических последствий крайне важна и при выборе маршрутов транспортировки нефтяных ресурсов из Каспийского региона. В начале 2007 г. первоначальные планы Казахстана экспортировать возрастающие объемы нефти с месторождений Кашаган и Тенгиз через российскую территорию в Новороссийск по второй ветке Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) претерпели изменения. Было объявлено о планах создания «Казахстанской каспийской системы транспортировки» (ККСТ) – для поставки до 38 млн. т нефти в год из Казахстана через Каспийское море на международные рынки по маршруту Баку – Тбилиси – Джейхан [3].

Инициаторами данного решения стали западные акционеры консорциума КТК, в состав которого входят: американские «Шеврон», «ЭксонМобил» и «КонокоФилиппс», итальянская «Эни», англо-голландская «Шелл», а также японская «Интекс». Именно от них зависит начало промышленной добычи нефти на месторождении Кашаган, которое вместе с месторождением Тенгиз составляет основу нефтяного экспорта Казахстана. И именно они отказываются от требований России, которой при-

надлежит 24% акций в КТК, относительно повышения тарифов на прокачку нефти по КТК.

На протяжении уже ряда лет иностранные нефтяные компании извлекают основные доходы за счет минимальных отчислений в пользу России за прокачку нефти. В этих условиях российская сторона готова была даже объявить КТК банкротом, а российская Федеральная налоговая служба признала финансовую схему, по которой работает КТК, незаконной.

К стремлению уйти от неустраивающей западных инвесторов системы уплаты налогов добавляется также неприкрытое давление правительства США, которое не скрывает своей заинтересованности в том, чтобы нефть с месторождения в Кашагане пошла именно в нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, ибо без нее этот нефтепровод попросту нерентабелен.

Оценивая ситуацию с выбором маршрутов транспортировки нефти из Каспийского региона, следует признать, что при принятии решений такого рода в регионе Каспийского моря критерий экологичности полностью игнорируется. Тем не менее, последний должен стать, наряду с геополитическим и экономическим факторами, неотъемлемой частью системы принятия соответствующих решений.

В связи с этим можно констатировать, что реализация транскаспийского проекта транспортировки нефти посредством перевозки ее через Каспий танкерами заведомо является экологически менее выгодной, чем транспортировка по сухопутному трубопроводу, каким является КТК. Морская транспортировка нефти посредством трубопроводов или танкеров несравненно более экологически опасна по сравнению с более технически простой трубопроводной транспортировкой по суше.

В первом случае нефть придется сначала заливать в танкеры на казахстанском берегу, а потом переваливать ее из танкеров в нефтепровод уже на территории Азербайджана. Гораздо сложнее фиксировать и оперативно устранять разливы нефти в акватории Каспийского моря, чем на суше. Частые штормы, ледовая обстановка в северных частях Каспия в зимний период в сочетании с неурегулированностью правового статуса этого водоема и наличием пока еще богатых и по многим параметрам уникальных биоресурсов – все это – аргументы для выбора сухопутных

маршрутов масштабной транспортировки каспийской нефти на мировые рынки.

Отсутствие необходимого международно-правового регулирования воздействия хозяйственной деятельности прикаспийских стран на состояние окружающей среды Каспия эти страны пытаются компенсировать активизацией процесса национального законодательства. Однако бессистемное использование устаревших или принятие разрозненных, зачастую – пролоббированных нефтегазовыми инвесторами национальных экологических законов, подзаконных актов, норм – создает правовой хаос и лишь видимость деятельности по спасению гибнущего уникального водоема.

Например, какой эффективности можно ожидать от применения нормы российского экологического законодательства о запрещении морского бурения на месторождениях, содержащих сероводород, если в соседнем национальном секторе такие нормы отсутствуют и бурными темпами разрабатывается гигантское месторождение нефти с высоким содержанием сероводорода?

Вместе с тем, развитие национально-правового регулирования новых прибрежных стран продолжает страдать от недостатков и ошибок, которые достались им в наследство с советских времен и которые эти страны не смогли по разным причинам преодолеть. Например, до сих пор в Казахстане и в России сохраняются крайне неэффективные и сверхзатратные механизмы экологического регулирования – в виде платежей за разрешенные загрязнения и т. п.

Особая экологическая уязвимость Каспия предопределена полной замкнутостью его экосистемы, требующей соответствующего управления ею как единым целым. Невозможно эксплуатировать один сектор Каспия, не нанося ущерба другому. Поэтому международно-правовое регулирование экологического воздействия хозяйственной деятельности на Каспии имеет приоритетное значение перед национальным регулированием и требует незамедлительной разработки и реализации.

Однако в условиях резкого нарастания масштабов природопользования правового и международно-правового регулирования его экологических последствий оказывается недостаточно, а в результате возникает необходимость расширения примене-

ния подобных методов регулирования и на сферу экономики. Применительно к целям предотвращения достижения порога необратимой деградации экосистемы Каспия это может означать согласование масштабов допустимого воздействия экономик прибрежных стран на его экосистему в виде межгосударственных соглашений о применении квот на разрешенные объемы добычи нефтегазовых ресурсов со дна Каспия, уловы рыбных ресурсов и т.п. В отношении квот на уловы осетровых в Каспии это, как известно, уже происходит.

В идеале, экологическое регулирование должно осуществляться преимущественно правовыми, в том числе – международно-правовыми методами. Тем не менее, в большинстве стран мира роль этих методов существенно уступает методам административно-распорядительного и экономического характера. Особенно ярко это проявляется в условиях быстрого и резкого обострения эколого-экономических противоречий, наблюдаемых в последние годы, среди прочих, и в регионе Каспийского моря, где правовое регулирование просто не поспевает за развитием событий.

Каким образом и можно ли в принципе изменить эту ситуацию и вернуть правовую науку на службу спасения гибнущих в результате неконтролируемого антропогенного воздействия экосистем, включая каспийскую, – вопросы, требующие специальных дополнительных исследований.

Литература

1. Аладин Н.В., Плотников И.С. Угроза крупномасштабной экологической катастрофы на Каспийском море. Зоологический институт РАН. – М., 2001. – С. 1.
2. См.: <http://fishres.ru>
3. Независимая газета. – 2009, 11 марта.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амиров В.Б. – старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, кандидат экономических наук

Башмаков А.А. – депутат Сената Республики Казахстан, доктор экономических наук

Быстрова А.К. – старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, кандидат экономических наук

Гельбрас В.Г. – главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, доктор исторических наук

Заборцева Е.Н. – PhD researcher, Университет Сиднея

Изимов Р.Ю. – научный сотрудник КИСИ при Президенте РК

Крылов А.Б. – ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, доктор исторических наук

Куртов А.А. – главный научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ)

Кушкумбаев С.К. – первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук

Мальшева Д.Б. – главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, доктор политических наук

Михеев В.В. – заместитель директора ИМЭМО РАН, член-корр. РАН, доктор экономических наук

Музапарова Л.М. – заместитель директора ИМЭП при Фонде Первого Президента РК, кандидат экономических наук

Николаев С.А. – заместитель директора Третьего департамента стран СНГ МИД России

Нысанбек У.М. – заместитель директора КИСИ при Президенте РК

Рогожина Н.Г. – ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, кандидат исторических наук

Серик Р.С. – старший научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, кандидат исторических наук

Симония Н.А. – руководитель Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН, академик РАН

Султанов Б.К. – директор КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук

Тимофеев Л.А. – научный сотрудник КИСИ при Президенте РК

Чуфрин Г.И. – советник РАН, член-корр. РАН, доктор экономических наук

Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты туралы ақпарат

Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы 16 маусымдағы Жарлығымен құрылған.

Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институтының құрылған күнінен бастап оның негізгі мақсаты мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде Қазақстан Президентінің және елдің басқарушы органдарының қызметін ғылыми-талдаулармен қамтамасыз ету.

Осы уақыт барысында ҚСЗИ жоғарыкәсіпті ғылыми-талдау орталығына айналды. Бүгінгі таңда институтта алты ғылым докторы, профессорлар, он үш ғылым кандидаттары, саясаттану, тарих, экономика, социология салаларының мамандары қызмет атқарады.

ҚСЗИ қызметі барысында институт сарапшыларының қатысуымен халықаралық қатынас, ғаламдық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 140-тан астам кітап басып шығарылған. Институт төрт мерзімді ғылыми-сараптамалық журнал басып шығаруда: «Қоғам және Дәуір» тоқсандық ғылыми-сараптамалық журналы, «Қазақстан-Спектр» тоқсандық ғылыми журналы, «Analytic» ақпараттық-талдау журналы және «Central Asia's Affairs» тоқсандық сараптамалық журналы (ағылшын тілінде). «Қоғам және Дәуір» ғылыми-сараптамалық журналы, «Қазақстан-Спектр» ғылыми журналы және «Analytic» ақпараттық-талдау журналдары Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Білім және ғылым саласындағы бақылау комитетінің диссертациялардың негізгі ғылыми нәтижелерін жариялайтын ғылыми басылымдар тізіміне енгізілген. Бұл басылымдарда сыртқы және ішкі саясат, халықаралық қатынастар,

ұлттық қауіпсіздік, Қазақстан Республикасының әлеуметтік және экономикалық саясаты мәселелері жарық көреді, сондай-ақ материалдарды өзінің www.kisi.kz сайтында жариялайды.

ҚСЗИ-дың жеке сайты үш тілде: қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде ұсынылған. ҚСЗИ сайтын пайдаланушылардың саны жылына шамамен 348 670 адамды құрайды және де оның тең жартысынан артығы жақын және алыс шетелдердің үлесіне тиіп отыр.

Институт өзінің негізгі зерттеу бағыттары бойынша семинарлар, ғылыми конференциялар, «дөңгелек үстелдер», халықаралық форумдар өткізеді. ҚСЗИ өткізетін ғылыми форумдардың ішінде шетелдік сарапшылардың ерекше қызығушылықтарын тудыратыны 2003 жылдан дәстүрлі өтіп келе жатқан, Орталық Азиядағы ынтымақтастық пен қауіпсіздік мәселелеріне арналған Алматы конференциясы. ҚСЗИ-дың ғылыми басқосуларына Қазақстаннан ғана емес, сонымен қатар, Орталық Азия елдерінің, Ресейдің, Қытайдың, Германияның, Францияның, Үндістанның, Иранның, Түркияның, Пәкістанның, Жапонияның және басқа да мемлекеттердің ғалымдары белсене қатысуда.

ҚСЗИ негізінде Қазақстанның жетекші жоғарғы оқу орындарының студенттері мен шетелдік сарапшылар үнемі тәжірибеден өтіп отырады.

Бүгінгі таңда институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми өсулері, сондай-ақ кандидаттық және докторлық диссертациялар қорғаулары үшін барлық қажетті жағдайлар жасалынған.

ҚСЗИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 050010, Алматы,

Достық д-лы, 876

Тел.: +7 (727) 264-34-04

Факс: +7 (727) 264-49-95

E-mail: office@kisi.kz

<http://www.kisi.kz>

Информация о Казахском институте стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ) был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г.

С момента своего возникновения основной задачей Казахского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан как государственного научно-исследовательского учреждения является научно-аналитическое обеспечение деятельности Президента Казахстана, руководящих органов страны.

За это время КИСИ превратился в высокопрофессиональный научно-аналитический центр. В настоящее время в институте работают шесть докторов наук, профессоров, тринадцать кандидатов наук, специалисты в области политологии, истории, экономики, социологии.

За время существования КИСИ экспертами института издано более 140 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. Институтом издается четыре журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр», «Analytic» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). Научно-аналитический журнал «Қоғам және Дәуір», научный журнал «Казахстан-Спектр» и информационно-аналитический журнал «Analytic» включены в перечень научных изданий Комитета по контролю в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан для публикации основных научных результатов диссертаций.

КИСИ располагает собственным сайтом на трех языках – казахском, русском и английском. В среднем сайт КИСИ в год посещают примерно 348 670 пользователей, свыше половины которых – из стран дальнего и ближнего зарубежья.

В КИСИ ежегодно проводится большое количество международных научных конференций, семинаров, «круглых столов». Особый интерес у зарубежных экспертов вызывают ежегодные конференции КИСИ, проводимые с 2003 г. и посвященные проблемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии. В научных форумах КИСИ принимают участие не только эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, но и ученые из России, Китая, Германии, Франции, Индии, Ирана, Турции, Пакистана, Японии и других стран.

На базе КИСИ постоянно проходят стажировку и преддипломную практику студенты ведущих казахстанских высших учебных заведений, а также зарубежные эксперты.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников, защиты кандидатских и докторских диссертаций.

Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010, Алматы,
пр. Достык, 87б
Тел.: +7 (727) 264-34-04
Факс: +7 (727) 264-49-95
E-mail: office@kisi.kz
<http://www.kisi.kz>

**Information about the Kazakhstan Institute
for Strategic Studies under
the President of the Republic of Kazakhstan**

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS) was established on June 16, 1993 by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan.

Since the moment of its foundation the main mission of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan as the national scientific research institution is providing the activity of the President of Kazakhstan and governing bodies of the country with scientific and analytical background.

The KazISS has become a high professional scientific-analytical center. At present, six doctors of sciences, thirteen candidates of sciences, specialists in political sciences, historians, economists and sociologists work in this Institute.

During the period of the KazISS activity, the Institute's experts have published more than 140 books on international relations, problems of global and regional security. The Institute is publishing four journals: "Kogam jane Dayir" (in Kazakh), "Kazakhstan-Spectrum", "Analytic" (in Russian), "Central Asia's Affairs" (in English). Scientific-analytical journal "Kogam zhane Dayir", scientific journal "Kazakhstan-Spectrum" and information-analytical journal "Analytic" are included in the list of scientific editions of the Committee for Control in the Sphere of Education and Science of the Republic of Kazakhstan of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan for publication of primary scientific results of dissertations.

The KazISS has a website that offers information in three languages – Kazakh, Russian and English. About 348 670 users on

average surf the KazISS website each year, and more than a half of them are from the countries of near and far-abroad.

The KazISS annually conducts a great number of the international scientific conferences, seminars and round tables. Foreign experts are interested in the annual conferences of the KazISS, conducted from 2003 and devoted to problems of security and cooperation in Central Asia. Not only experts from Kazakhstan, the Central Asian countries, but also scientists from Russia, China, Germany, France, India, Turkey, Pakistan, Japan and other countries attend the KazISS scientific forums.

On the basis of the KazISS, students of the leading Kazakhstani Higher Educational Institutions and also foreign experts pass pre-graduation practice and probation course.

At present, the Institute provides all necessary conditions for professional and scientific growth of its staff, for defense of the Candidate's and Doctor's dissertations.

More detailed information about KazISS can be received to the address:

The Dostyk Avenue, 87b
050010, Almaty
Republic of Kazakhstan
Tel: +7 (727) 264-34-04
Fax.: +7 (727) 264-49-95
E-mail: office@kisi.kz
<http://www.kisi.kz>

Научное издание

**ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА
В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ**

Материалы международной
научно-практической конференции
(г. Москва, 9 апреля 2009 г.)

Редактор **Е.Н. Дремкова**
Дизайн обложки **Б.Л. Леспек**
Верстка **А.А. Жумагалиева**

Подписано в печать 20.11.2009. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 13,0.
Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
050010, Алматы, пр. Достык, 87б

Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.»
г. Алматы